

Н.Г. Валеева

**ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА:
КУЛЬТУРНО-КОГНИТИВНЫЙ
И КОММУНИКАТИВНО-
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
АСПЕКТЫ**

3-е издание, исправленное и дополненное

**Москва
Российский университет дружбы народов
2018**

УДК 81'25(035.3)
ББК -7*81.2
В15

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензенты:

Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации МГЛУ
Зав. кафедрой кандидат филологических наук *Г.В. Защитина*
Доктор педагогических наук, профессор *Н.Н. Гавриленко*
Доктор филологических наук, профессор *У.М. Бахтикиреева*
Доктор педагогических наук, профессор *Л.Н. Талалова*

Валеева, Н.Г.
В15 Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуни-
кативно-функциональный аспекты : монография /
Н. Г. Валеева. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : РУДН,
2018. – 244 с.

В монографии в рамках культурно-когнитивного и коммуни-
кативно-функционального подходов рассматриваются основные
вопросы общей теории перевода. Анализируются понятие «пере-
вод», виды перевода, проблемы переводческой интерференции, нор-
мы перевода, эквивалентности и адекватности перевода, единиц и
приемов перевода.

Книга адресована специалистам в области теории перевода,
преподавателям перевода, студентам, аспирантам, исследователям
перевода, а также всем, кто изучает теорию перевода самостоятель-
но или интересуется общетеоретическими вопросами перевода.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теория перевода сформировалась в 50-е годы XX столетия. Как и всякая наука, тем более наука относительно молодая и постоянно развивающаяся, теория перевода опирается на достижения современной научной мысли. Дискуссионные проблемы решаются в русле современных научных парадигм.

В предлагаемом исследовании предпринята попытка рассмотреть ряд актуальных вопросов теории перевода в рамках культурно-когнитивного и коммуникативно-функционального подходов.

Монография включает пять частей: «От переводческой практики к теории перевода», «Понятие перевода», «Виды и способы перевода», «Нормативные требования перевода», «Теоретические и дидактические аспекты порождения текста перевода».

В первой части в сжатой форме «От переводческой практики к теории перевода» рассматриваются роль перевода в развитии общества, становление теории перевода как науки, определяются объект, предмет, задачи, стоящие перед теорией перевода, а также методы исследования.

Во второй части «Понятие перевода» – анализируется основное понятие теории перевода. Дается характеристика перевода как процесса, как деятельности, как текста перевода. Разграничиваются перевод и адаптивное транскодирование как эквивалентный и гетеровалентный виды межъязыкового посредничества. Особое внимание уделяется рассмотрению перевода как опосредованной лингвосоциокультурной коммуникации. Приводится определение понятия «культура» и анализируются ее составляющие: концептуальная и языковая картины мира. Определяется роль концептуальной и язы-

ковой картин мира в процессе перевода. Рассматривается проблема переводимости. Раскрывается характер данного явления как принципиально возможного, обусловленного креативностью языка и мышления. В завершение на основе дефиниций понятий билингвизма и интерференции дается характеристика перевода как особого случая билингвизма и приводятся типичные проявления переводческой интерференции.

В третьей части «Виды и способы перевода» наряду с анализом и характеристикой традиционных классификаций видов перевода, опирающихся на формальные признаки, а именно классификации по субъекту переводческой деятельности и по способу восприятия исходного текста и презентации текста перевода, предлагается классификация видов и подвидов перевода на основе функционально-типологического критерия. Особое внимание в рамках данной классификации уделяется описанию прагматически адекватных переводов, функционирующих в научной сфере общения. Завершает данную часть описание способов перевода, среди которых выделяются дословный, семантический (контекстуальный) и коммуникативно-прагматический.

В четвертой части «Нормативные способы перевода» норма перевода характеризуется как функционально заданная и социально ориентированная категория. Рассматривается ее вариативность в исторической перспективе. В качестве нормативных требований современной теории перевода выдвигаются понятия эквивалентности и адекватности. Данные категории расцениваются как коммуникативно-функциональные и культурно-когнитивные «фильтры», используемые соответственно для оценки соответствия текста перевода или его фрагмента оригиналу или фрагменту оригинала и для оценки соответствия перевода условиям коммуникативного акта, коммуникативной ситуации в принимающей культуре. Раскрывается природа данных категорий, описывается их структура.

В пятой части «Теоретический и дидактический аспекты порождения текста перевода» наряду с представлением ситуативной, трансформационной, семантической, информационной, коммуникативных моделей перевода рассматривается порождение текста перевода с дидактических позиций. Раскрывается понятие текста как сложного коммуникативного и структурно-семантического целого. Текст определяется как основная единица перевода. На примере письменного перевода выделяются и характеризуются этапы создания текста перевода: понимание и интерпретация исходного текста, создание, редактирование и оценка текста перевода. Дается определение единицы перевода и рассматриваются единицы перевода в рамках текста. Формулируются правила переводческой сегментации текста. Описываются переводческие трансформации

Излагаемые теоретические положения иллюстрируются преимущественно переводами с английского, немецкого, французского и испанского языков на русский язык и представляются действительными независимо от пары языков, взаимодействующих при переводе.

Книга адресована специалистам, изучающим переводческую проблематику, преподавателям перевода, студентам, аспирантам, исследователям перевода, а также всем, кто интересуется вопросами перевода.

ЧАСТЫ I

ОТ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ К ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

1.1. Социально-коммуникативная роль перевода

В работах отечественных и зарубежных ученых подчеркивается особая роль, которую играет перевод в расширении общения между народами, в становлении национальных языков, в развитии культуры, науки, экономики, литературы. «Перевод, как вид духовной деятельности человека, восходит к глубокой древности. Он всегда играл существенную роль в истории культуры отдельных народов и мировой культуры в целом» (Федоров, 2002, с. 15).

Хотя мы и не имеем фактической возможности проследить момент возникновения перевода, однако можно предположить, что с того момента, как в истории цивилизации начал происходить процесс разделения племен, дифференциации племенных языков на диалекты, а впоследствии возникновение на их базе новых языков и диалектов, появились группы людей, пользующиеся различными языками, а следовательно, возникла потребность в опосредованной коммуникации, то есть в общении при помощи посредника. Осуществлялась она благодаря переводчикам – билингвам, помогавшим общению представителей различных лингвокультурных общностей.

А поскольку разные народы вступали и вступают в торговые, военные, политические, экономические, культурные, научные отношения друг с другом на протяжении всей истории человечества, то, несомненно, перевод является не только одним из древнейших видов разумной человеческой

деятельности, но и одним из важнейших видов социально-коммуникативной деятельности, находящейся в постоянном развитии. Если в первобытном обществе использование перевода осуществлялось, скорее всего, от случая к случаю, то в более поздние исторические периоды переводческая деятельность приобрела постоянный характер. Так, существование многонациональных рабовладельческих государств невозможно представить без деятельности профессиональных переводчиков. С древнейших времен перевод выполнял и выполняет функцию лингвокультурного (межъязыкового и межкультурного) общения людей, как между государствами, так и на территории многонациональных государств, населенных разноязычными племенами и народностями, например, в Древнем Карфагене, Древнем Египте, Древней Греции, в Римской империи, Российской империи, в Австро-Венгрии, США, Канаде, Швейцарии и т. д.

Чем более многонациональным было государство, тем более почетное место в нем занимали переводчики. В Древнем Египте переводчики входили в число его почетных жителей. И в Древнем Карфагене каста переводчиков пользовалась почетом и уважением, а их эмблемой служил яркий и нарядный попугай. Цвет оперения попугая подсказывал заказчику, перевод с каких языков выполнял переводчик. Положение крыльев, сложенных или развернутых, указывало, переводит ли переводчик с одного языка или нескольких.

Очевидно, осуществление переводческой деятельности только в одной форме, а именно в устной, просуществовало до момента возникновения письменности. Возникновение письменности коренным образом изменило процесс общения в человеческом обществе. Появление и становление письменности дало мощный толчок для межкультурного обмена ценностями и достижениями в различных сферах деятельности человека, что не могло не сказаться на осуществлении переводческой деятельности. Возможность фиксировать, хранить и передавать тексты в письменной форме яви-

лась предпосылкой возникновения, становления и развития нового вида переводческой практики – письменного перевода. Переводить стали не только устные высказывания, но и письменные тексты. Наряду с устными переводчиками появились письменные переводчики, переводящие тексты различных сфер общения, различных стилей и жанров. Появились переводы религиозной и светской литературы, официальных и деловых документов, художественной и научной литературы. Именно с момента возникновения письменности письменный и устный перевод существуют и развиваются как два вида переводческой деятельности.

И если с момента возникновения перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным устное общение представителей различных социумов, то распространение письменных переводов открыло более широкий доступ к культурным достижениям различных народов, сделало возможным взаимообогащение и развитие национальных языков, литератур и культур. Так, например, развитию культуры Древнего мира способствовала расцвет культуры Древней Греции. Если бы не переводчики Древней Греции, тесно контактирующей со странами Востока, возможно, в европейской культуре не было бы многих книг Библии, поскольку значительная часть Ветхого Завета сохранилась только в греческом переводе.

Греко-латинское наследие наложило отпечаток на развитие национальных языков и культур Западной Европы в средневековый период. И сегодня греко-латинская терминология лежит в основе научной терминологии любых областей знания. А влияние латинского языка как официального государственного языка и языка религии стран Западной Европы сказалось на формировании и становлении их национальных языков и прослеживается и сегодня в современных европейских языках.

Как правило, для понимания истории формирования и развития национального литературного языка приходится

касаться как проблемы иноязычных влияний, так и вопросов переводческой активности писателей данной страны. Например, в истории становления литературного английского языка активная роль переводов сказалась, в частности, в увеличении притока латинизмов в письменную речь в периоды интенсивной переводческой деятельности (перевод на древнеанглийский «Вульгаты», переводческая деятельность короля Альфреда). Количество латинизмов особенно возросло к эпохе Возрождения в связи с интересом к классическим языкам и развитием новых жанров в литературе. «Перевод явился каналом воздействия латинского языка на английский, которое проявлялось как в многочисленных лексических заимствованиях и синтаксических кальках, так и в функционально-стилистической дифференциации языка. Роли перевода как проводника иноязычного влияния в известной мере способствовали буквалистические установки, которые господствовали в то время в переводе» (Швейцер, 1988, с. 20). И сегодня «роль перевода как активного инструмента взаимодействия языков и культур сохраняется и в современном обществе» и «представляет собой исторически обусловленную закономерность» (Там же, с. 43).

1.2. Становление теории перевода

Накопление огромного опыта в ходе переводческой практики, необходимость подготовки профессиональных переводчиков сделали насущными всестороннее теоретическое изучение феномена перевода, анализ особенностей переводческой деятельности, синтез знаний, имеющийся в области перевода, и создание на этой основе теории перевода.

Первые теоретические положения принадлежат выдающимся переводчикам-практикам, выступавшим с изложением своего «переводческого кредо». И в Античном мире, и в Средние века, и в эпоху Возрождения широко обсуждал-

ся вопрос о степени близости перевода к оригиналу, делались попытки теоретически обосновать право переводчика на отступление от буквального копирования оригинала. В конце XIX века переводчики предприняли попытки сформулировать некое подобие «нормативной теории перевода», излагая ряд требований, которым должен был отвечать «хороший» перевод или «хороший» переводчик. И хотя выдвинутые ими положения не отвечают современным требованиям научности и доказательности, однако и сегодня они представляют несомненный интерес.

Основы подлинно научной теории перевода стали разрабатываться только к середине XX века. «Хотя перевод имеет многовековую историю, современное переводоведение сформировалось как самостоятельная научная дисциплина в основном во второй половине двадцатого столетия» (Комиссаров, 2000, с. 3). «Несопоставимые временные рамки столь длительной истории перевода и ее недавнего оформления в самостоятельную дисциплину объясняются прежде всего тем, что исследователи перевода основывались чаще всего на отдельных высказываниях известных переводчиков, но не пытались разработать понятийно-терминологический аппарат собственно переводческой деятельности» (Татаринов, 2007, с. 10).

Предпосылкой возникновения и развития научной теории перевода послужило резкое расширение переводческой практики, обусловленное социальными процессами в современном мире. Первая и Вторая мировые войны и прямо или косвенно связанные с ними последующие политические события и изменения, перераспределение мира, распад колониальной системы, появление на международной арене молодых независимых государств, возникновение новых военных блоков, международных политических и экономических организаций, вовлекают в сферу международного общения все новые и новые народы, новые национальные языки. Как следствие, растет армия переводчиков, количество языков, с которых

переводят и на которые переводят. «С середины XX века переводческая деятельность во всех своих разновидностях приобрела невиданный ранее размах благодаря все возрастающей интенсивности международных контактов. Это дает основание... называть наш век “веком перевода”» (Федоров, 2002, с. 15).

Благодаря достижениям научно-технической революции в переводческой практике начинают широко использоваться технические средства. Это приводит к появлению новых видов перевода. Так, в устном переводе наряду с последовательным переводом всего текста и абзацно-фразовым переводом распространение получает синхронный перевод, перевод (дублирование) кинофильмов, радиопередач, телепрограмм.

Переводятся не только произведения художественной литературы, но переводится устно и письменно большое количество документации в рамках деятельности различных предприятий, учреждений и организаций, в том числе и международных. На первое место выходит информативный (нехудожественный) перевод. В наши дни мы стали свидетелями переводческого бума в науке и технике. Согласно имеющимся данным, сегодня более 70% переводчиков трудятся именно в этой области. Самый большой объем переводов приходится на деловую корреспонденцию, потребительские информационные тексты (инструкции, проспекты и т.д.), научно-технические документы, разного рода договоры, технические описания. Объем переводов, по данным информационных служб, увеличивается примерно на 15% в год (Марчук, 2005, с. 49).

Расширение переводческой практики привело в 50-х годах XX века к осознанию общественной потребности в научном обобщении переводческой деятельности и, как следствие, систематическому ее изучению и теоретическому обобщению. Становление теории перевода происходило в рамках лингвистической парадигмы. «В 1950-е годы, когда

начали формироваться первые теории перевода... теорию перевода начали воспринимать как прикладную лингвистику» (Львовская, 2008, с. 15). «Наука о переводе относится к области прикладной лингвистики» (Каде, 1978, с. 88). Однако «особое значение в создании благоприятных условий для развития теории перевода имел поворот современного языкознания от ориентации на имманентные свойства языка и на статистические описания внутрисистемных отношений к установке на раскрытие связей между языком и человеком, между языком и обществом, на выявление динамики функционирования языка в реальных ситуациях общения» (Швейцер, 1988, с. 3), функционирования языка в речи, к решению проблем теории перевода в рамках коммуникативной парадигмы.

Наука о переводе «не исключает того, что она, как всякая наука, для решения отдельных задач может привлекать другие дисциплины» (Каде, 1978, с. 88). В своем развитии теория перевода опирается на достижения целого ряда лингвистических и смежных наук. Знания, накопленные более чем за полвека общим и частным языкознанием, контрастивной лингвистикой, герменевтикой, лингвистикой текста, семиотикой, социолингвистикой, когнитивной и экспериментальной психологией, психолингвистикой, нейрофизиологией, этнографией, лингвокультуралогией, межкультурной коммуникацией, теорией речевых актов, теорией деятельности, теорией информации, теорией речевой коммуникации и другими дисциплинами, обеспечивают на современном этапе надежную научную базу развития теории перевода в рамках коммуникативно-функциональной парадигмы межъязыкового и межкультурного общения. «Современное переводоведение можно охарактеризовать как результат междисциплинарных исследований, использующих методы целого ряда наук. ...Однако в силу многих объективных и субъективных причин большинство работ в области теории перевода имеет более или менее ярко выраженную лингвистическую осно-

ву», что обусловлено тем, что переводоведение «занимается проблемами, большая часть которых входит в сферу интересов современной макролингвистики», а «лингвопереводческие исследования составляют важнейшую часть современного переводоведения» (Комиссаров, 2000, с. 3–7).

1.3. Объект, предмет, задачи и методы теории перевода

Современное переводоведение охватывает концепции, положения и наблюдения, касающиеся переводческой практики, способов и условий ее осуществления, различных факторов, оказывающих на нее прямое или косвенное влияние. Как научная дисциплина переводоведение имеет практическую и теоретическую составляющую. Практическая часть представлена практикой перевода. Теоретические изыскания переводоведения находят отражение в теории перевода. Теория перевода охватывает три основных направления: общую, частные и специальные теории перевода, а также историю практики и теории перевода.

Общая теория перевода – это дескриптивная научная дисциплина, изучающая различными методами и приемами «общие закономерности перевода независимо от его жанровой специфики, условий его осуществления и особенностей, определяемых соотношением тех или иных конкретных языков» (Швейцер, 1988, с. 9).

Положения общей теории перевода распространяются на любые виды перевода, перевода с любого исходного языка на любой другой язык. Общая теория перевода дает теоретическое обоснование и определяет основные понятия частных теорий перевода. Она «представляет собой концептуальное и обобщенное видение процесса, точку отсчета для развития частных теорий» (Львовская, 2008, с. 165).

Частные теории перевода конкретизируют положения общей теории перевода применительно к разновидностям

перевода и типам переводимых текстов. Частные теории перевода «существуют в трех измерениях». «Прежде всего, среди них существуют дисциплины, ориентированные на тот или иной жанр или тип текстов (художественный, научно-технический, публицистический перевод и др.). Следующую группу составляют дисциплины, ориентированные на условия и способ осуществления перевода (устный, последовательный, синхронный, двусторонний перевод и др.). Наконец, еще одной разновидностью частных теорий является та, которая ограничена той или иной парой языков (перевод с русского языка на английский, с немецкого на французский и т.д.)» (Швейцер, 1988, с. 9).

Между общей и частными теориями перевода существует тесное взаимодействие. Общая теория создает понятийный аппарат для описания перевода, раскрывает его общие закономерности и инвариантные черты, тем самым создавая концептуальную базу для построения частных теорий перевода. Частные теории перевода, выявляя конкретные жанровые, языковые, культурные и психологические детерминанты процесса перевода, вносят существенные уточнения в данные общей теории и дают ей материал для обобщения (Там же).

Общая теория перевода служит лишь отправным пунктом для развития науки о переводе, учитывая, что стратегия и выбор переводчика зависят, среди прочего, от таких релевантных факторов, как условия работы субъекта деятельности и тип переводимого текста. Общая теория перевода не может дать научного объяснения поведения переводчика без учета вида перевода и типа переводимого текста, поскольку каждый раз вступают в действие новые факторы, которые, не меняя сущности общей теории, значительно влияют на стратегию и выбор переводчика и на требования, которым должен отвечать конечный продукт его деятельности. С этой задачей могут справиться лишь частные теории перевода (Львовская, 2008, с. 163).

Объектом теории перевода является процесс перевода – двуязычный (многоязычный) межкультурный опосредованный «коммуникативный процесс определенного (эквивалентного) типа» (Львовская, 2008, с. 94), «который, помимо наличия характеристик, общих для любого процесса речевой коммуникации, обладает своими особыми характеристиками, которые обеспечивают научный статус переводческим исследованиям» (Львовская, 200, с. 154).

Предмет теории перевода – переводческая деятельность посредника-переводчика в рамках опосредованной межъязыковой и межкультурной коммуникации, а также различные тексты перевода (результаты данной деятельности) и их оригиналы, изучаемые, как правило, в сопоставлении.

Цель теории перевода – «достичь понимания процесса, предпринятого в акте перевода» (Львовская, 2008, с. 155), выявить сущность перевода «как специфического вида межъязыковой коммуникации», «языкового посредничества», его механизмов, способов его реализации, влияющих на него внутриязыковых и внеязыковых факторов и регулирующих его норм» (Швейцер, 1988, с. 11).

В рамках поставленной цели теория перевода ставит и решает следующие основные задачи:

- раскрыть и описать общелингвистические основы перевода, то есть указать, какие особенности языковых систем и закономерности функционирования языков в речи лежат в основе переводческого процесса, делают этот процесс возможным и определяют его характер и границы;

- разработать общие принципы научного описания переводческой деятельности как действий переводчика по преобразованию текста оригинала в текст перевода;

- раскрыть воздействие на осуществление процесса перевода в ходе переводческой деятельности посредника-переводчика когнитивных, этносоциокультурных и прагматических факторов;

– выявить языковые и экстралингвистические факторы, позволяющие приравнивать содержание сообщений на разных языках и определить пределы этой общности, то есть максимальную близость оригинала и перевода;

– раскрыть сущность переводческой эквивалентности и переводческой адекватности;

– определить понятие «норма перевода» и разработать принципы оценки качества перевода;

– определить перевод как один из видов языкового посредничества, разграничив его с другими видами языкового посредничества;

– разработать основы классификации видов перевода.

Методы исследования теории перевода могут быть заимствованы из других языковедческих дисциплин (например, компонентный анализ). В то же время теория перевода разрабатывает и свои собственные методы описания и анализа

процесса перевода. К ним относятся некоторые методы моделирования перевода, методы переводческого эксперимента, метод сопоставительного анализа исходного текста и текста перевода, метод научной рефлексии/саморефлексии

(Львовская, 2008; Швейцер, 1988, с. 11). «Метод научной рефлексии сопровождается, как правило, экспериментальными методами, цель которых заключается в том, чтобы подтвердить или опровергнуть достоверность теоретических предположений» (Львовская, 2008, с. 158).

ЧАСТЬ II

ПОНЯТИЕ «ПЕРЕВОД»

2.1. Многозначность понятия «перевод»

Центральным понятием теории перевода является само понятие «перевод». Вслед за Р. Якобсоном, исходя из семиотического понимания перевода как интерпретации вербального знака путем его транспозиции в другую систему знаков, принято различать три вида перевода: внутриязыковой перевод, или переименование, – интерпретацию вербальных знаков с помощью других знаков того же языка; межъязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретацию вербальных знаков посредством какого-либо иного языка и межсемиотический перевод, или трансмутацию, – интерпретацию вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем (Якобсон, 1985). В рамках данной работы рассматривается «межъязыковой перевод», или «собственно перевод».

Содержание понятия «перевод», или «собственно перевод», изменялось на протяжении столетий и трактуется неоднозначно представителями различных переводческих направлений. «Дефиниции перевода в значительной мере отражают логику развития переводоведения – от определений, в основе которых лежат отношения между языковыми знаками, до определений, центральным понятием которых является текст; от определений, сводящих перевод к чисто языковой операции, до определений, включающих в рассмотрение предметную и коммуникативную ситуации; от определений, рассматривающих перевод в одном измерении, до опре-

делений, приближающихся к осознанию многомерности этого процесса» (Швейцер, 1988, с. 73).

В рамках коммуникативно-функциональной парадигмы лингвокультурной коммуникации понятие «перевод» представляется сложным и многозначным. Во-первых, оно обозначает процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации. С процессуальной стороны перевод есть закономерно последовательное изменение, переход одного текста, текста-оригинала, в другое качественное состояние – текст перевода, осуществляемое посредником-переводчиком в условиях лингвокультурного общения в ходе переводческой деятельности. Моделирование переводческого процесса, протекающего в сознании переводчика, в силу отсутствия наглядности носит гипотетический характер. В силу этого «изучение мыслительных операций переводчика в процессе перевода остается одним из наименее разработанных разделов современной теории перевода» (Комиссаров, 2000, с. 31). Во-вторых, понятие перевод понимается как переводческая деятельность, которая представляет собой самостоятельный вид речевой деятельности в сфере коммуникативно-общественной деятельности людей.

Под деятельностью понимается «осознанная, мотивированная, то есть психически регулируемая предметная и целенаправленная социально регламентированная активность общественного субъекта, опосредствующая все его связи с природным, техноэкономическим и социокультурным окружением» (Дридзе, 1984, с. 37).

Анализ системы деятельности предполагает оперирование такими составляющими, как субъекты деятельности (действий и операций); признаки и функции субъектов деятельности; объекты (предметы) деятельности; продукты, результаты деятельности; мотивы, цели, условия протекания деятельности.

Концептуальная область любой деятельности объединяет три аспекта: мотивационный, целевой и исполнитель-

ный (Леонтьев, 1974, с. 15). На основе коммуникативной интенции формируется коммуникативное задание, которое, в свою очередь, определяет отбор и комбинацию языковых единиц. Коммуникативное задание реализуется в текстовый смысл, который, не будучи простой суммой смыслов составляющих его содержательных единиц, обладает новым интегральным качеством и формируется всеми семантическими и прагматическими потенциями, в том числе «приращенным» содержанием. Оно возникает только в рамках целого текста и является результатом мыслительных импликаций, затекстовой и подтекстовой информации (Иовенко, 2005, с. 17).

Структура деятельности, в том числе и переводческой, образуется последовательностью составляющих ее действий. Переводческая деятельность представляет собой последовательность речемыслительных действий, которые имеют собственные промежуточные цели, подчиняющиеся цели деятельности.

Как деятельности в целом, так и каждому действию в отдельности присуща трехчленность строения:

- фаза ориентирования в условиях задачи, планирования, поиска (выбора) решения;
- фаза осуществления принятого решения (реализация плана);
- фаза контроля (сличения полученного результата с намеченной целью) (Крюков, 1989, с. 46–51; Ширяев, 1982, с. 74–78).

Подобно любой деятельности переводческая деятельность детерминирована рядом факторов деятельности (потребностью, мотивом, целью перевода, жанром переводимого текста, условиями осуществления акта перевода, представлении о нормах и переводческих традициях той или иной эпохи, социальным заказом на перевод), а также владением переводчиком навыками и умениями переводческой деятельности.

В-третьих, понятие «перевод» относится к результату переводческой деятельности, ее продукту, а именно к тексту перевода – речевому произведению, созданному переводчиком, «Перевод – это всегда создание текста, письменного или устного...» (Комиссаров, 1999, с. 154).

Переводческая деятельность, социально-коммуникативная по своей природе, обеспечивает общение людей. Являясь опосредованной коммуникативной деятельностью, она обеспечивает общение людей различных национальностей, носителей национальных языков и культур. Выступая как текстовая деятельность между субъектами двух (и более) лингвосоциоэтнических общностей, переводческая деятельность представляет собой межъязыковую и межкультурную коммуникацию (общение), отличающуюся рядом характеристик. В ходе переводческой деятельности «на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде» и «репрезентирующий» его. Текст, «характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» (Швейцер, 1988, с. 75), то есть различиями культурно-когнитивного и ситуационного характера, а также характеризуемый «“двойной лояльностью” переводчика – установкой на «верность» оригиналу и установкой на адресата и нормы его культуры» (Там же), обеспечивающей «приемлемость» текста перевода в принимающей культуре на основе «коммуникативной эквивалентности» (противопоставляемой формальной эквивалентности) или адекватности текста перевода. При этом «воссоздать тот коммуникативный эффект, на который рассчитан оригинал», значит «воссоздать коммуникативную установку (информативную, экспрессивную, эмоциональную, побудительную), лежащую в основе первичного текста)» (Там же), или, говоря

иными словами, «интенционально-функциональную программу автора» оригинала (Львовская, 2008).

Понятие коммуникативного эффекта в понимании А.Д. Швейцера является одним из элементов триады: коммуникативная интенция (цель коммуникации), функциональные параметры текста и коммуникативный эффект. Эти три категории соотносятся с тремя компонентами коммуникативного акта: отправителем, текстом и получателем. Исходя из цели коммуникации, отправитель создает текст, отвечающий определенным функциональным параметрам (референтному, экспрессивному и др.) и вызывающий у получателя определенный коммуникативный эффект, соответствующий данной коммуникативной цели. Иными словами, коммуникативный эффект – это результат коммуникативного акта, соответствующий его цели. Этим результатом может быть понимание содержательной информации, восприятие эмотивных, экспрессивных, волеизъявительных и других аспектов текстов. Без соответствия между коммуникативной интенцией и коммуникативным эффектом не может быть общения. Это относится и к переводу. Переводчик выявляет на основе функциональных доминант исходного текста лежащую в его основе коммуникативную интенцию и, создавая конечный текст, стремится получить соответствующий этой интенции коммуникативный эффект (Швейцер, 1988, с. 92, 147).

2.2. Перевод и адаптивное транскодирование

Перевод («собственно перевод») представляет собой лишь один из видов опосредованной коммуникации. В процессе лингвокультурного общения переводчик может выполнять и другие виды языкового посредничества.

Передача содержания оригинала на другом языке может осуществляться переводчиком (языковым посредником) различными способами, в разной форме и с разной степенью

полноты в зависимости от цели коммуникации. В процессе коммуникации исходный текст можно пересказать на другом языке или составить реферат, аннотацию, резюме, перевести. Все эти виды передачи информации: реферирование, аннотирование, пересказ, резюме, так же как и перевод, относятся к видам опосредованного межъязыкового и межкультурного посредничества. И во всех этих случаях субъект, транслирующий оригинал, выступает в качестве языкового посредника.

Все виды опосредованного межъязыкового посредничества различаются объемом и формой передаваемой информации. Для реферирования, аннотирования, пересказа, резюме на иностранном языке характерно не только транскодирование (перенос информации с одного языка на другой), но и ее преобразование, переработка содержания оригинала, его структурирование, компрессия или обобщение по определенным правилам с целью изложить в иной форме, определяемой не коммуникативной целью оригинала, его «интенционально-концептуальной программой», организацией информации в исходном тексте, а особой задачей межъязыковой и межкультурной коммуникации. А это обуславливает использование исходного текста «как источника данных для извлечения только той информации, которая необходима» переводчику «для порождения текста перевода с иной концептуальной программой». Переводчик «разрабатывает свою концептуальную программу текста перевода, продукта заказа, следуя нормам порождения определенного типа текста (отличного от исходного текста), свойственным принимающей культуре» (Львовская, 2008, с. 130). Поэтому подобные тексты именуют «адаптивным переносом», или «адаптивным транскодированием» (Латышев, Семенов, 2003) или «прагматически адекватным переводом» (Гарбовский, 2004, с. 129) и противопоставляют переводу, или «собственно переводу».

«Собственно перевод» отличается от сокращенного изложения, пересказа и других форм воспроизведения текста

на языке перевода тем, что он является процессом воссоздания подлинника в культуре языка перевода. Задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором текст на языке перевода мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться рецепторами перевода в функциональном, структурном и содержательном плане с исходным текстом. «Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка. В верности и полноте передачи отличие собственно перевода от переделки, от пересказа или сокращенного изложения, от всякого рода так называемых “адаптаций”» (Федоров, 2002, с. 15).

«Текст перевода приписывается автору оригинала и используется во всех отношениях, как будто он и есть оригинал» (Комиссаров, 1978, с. 4). Адресаты текста перевода отождествляют его с оригиналом по функции, содержанию и структуре. Они исходят из положений, что содержание оригинала и перевода идентично, что перевод соответствует оригиналу не только в целом, но и в деталях, что оба текста имеют одинаковую структуру, последовательность и логику изложения, жанровую и стилистическую отнесенность. Иначе говоря, для реципиента перевода текст перевода служит полноправным представителем – репрезентантом оригинала, он как бы и есть оригинал. Таким образом, отличительным признаком перевода от других видов посредничества является его предназначение – служить равнозначной (насколько это возможно) заменой оригинала в иной культуре. «Создавая перевод, переводчик... устанавливает отношения коммуникативной равноценности между речевыми произведениями (текстами) двух разных языков, отождествляя их в качестве двух ипостасей одного и того же сообщения» (Там же).

«Имитация оригинала» – это и есть сущность перевода, репрезентирующего оригинал в другом лингвокультурном контексте». «Функционируя в опосредованной комму-

никации «наряду с такими явлениями, как реферат, аннотация, пересказ, переложение иноязычного текста, новое произведение по мотивам оригинала, ... перевод обнаруживает характерную для него черту, отсутствующую у смежных явлений. Этой чертой является то, что и составляет основное предназначение перевода: замещать или репрезентировать первичный текст в другой языковой и культурной среде... Таким образом, для выделения перевода из других видов межъязыковой коммуникации необходимо сочетание двух признаков: вторичного текста и установки на замещение (репрезентацию) исходного текста в другой языковой и культурной среде» (Швейцер, 1988, с. 66, 47–48).

Межъязыковая коммуникация, осуществляемая посредством перевода, в наибольшей степени воспроизводит процесс непосредственного речевого общения, при котором коммуниканты пользуются одним и тем же языком. Подобно тому, как в процессе речевого общения на одном языке тексты для говорящего и для слушающего признаются коммуникативно равноценными и объединяются в единое целое, текст перевода признается коммуникативно равноценным тексту оригинала при двуязычном общении.

Адаптивное транскодирование подобно «собственно переводу» представляет собой репрезентацию оригинала на языке перевода, но в отличие от перевода создаваемый текст не предназначен для полноценной замены оригинала. «В самом деле, все явления, входящие в подкласс опосредованной коммуникации, характеризуются тем, что в них участвует языковой посредник, и тем, что в результате соответствующих процессов порождается вторичный текст, в какой-то мере отражающий первичный (исходный текст). Однако в результате реферирования или аннотирования создается текст, не замещающий текст оригинала, а лишь содержащий краткое и обобщенное изложение его основного содержания или его предельно сжатую чисто информационную характеристику. Ни реферат, ни аннотация не замещают первичного

текста, не выступают в его ипостаси. Они лишь содержат информацию о нем. Не замещают первичного текста и тексты таких жанров, как пересказ и переложение» (Швейцер, 198, с. 47).

Специфика адаптивного транскодирования определяется, во-первых, ориентацией языкового посредничества на конкретного адресата или группу реципиентов перевода определенной сферы общения, во-вторых, заданностью характера преобразований в соответствии с типом/речевым жанром текста перевода данной сферы общения.

Процесс адаптивного транскодирования носит парапереводческий характер и может быть представлен как объединение двух последовательных преобразований, а именно создания текста перевода и заданной адаптации данного текста перевода.

Различные виды адаптивного транскодирования в неодинаковой степени обнаруживают отдельные черты сходства с переводом. «Существует немало переходных случаев, когда однозначная квалификация текста как перевода или неперевода представляется крайне сложной» (Швейцер, 1988, с. 47). Единой характеристикой для всех видов межязыкового посредничества является их коммуникативная вторичность, то есть та или иная репрезентация оригинала на языке перевода, что и позволяет ряду исследователей относить адаптивное транскодирование к особым видам перевода.

Тенденция рассматривать в качестве перевода любую двузычную деятельность – и эквивалентную, и не являющуюся таковой восходит к Г. Егеру, «который с позиций лингвистической теории различает два типа перевода: эквивалентный и гетероэквивалентный (Jäger, 1975, с. 87–88). Это мнение разделяет и О. Каде (Kade, 1977, с. 31–33)» И сегодня существует подход, сторонники которого «рассматривают в качестве переводов тексты перевода, которые не сохраняют отношение коммуникативной, то есть функционально-

интенциональной эквивалентности с исходным текстом. Авторы «scopos theorie (Reiss, Vermeer, 1996) полагают, что стратегия переводчика зависит от той функции, которую должен выполнять конечный текст в принимающей культуре, и что именно клиент/заказ определяет функцию текста перевода» (Львовская, 2008, с. 125). «...На переводческий процесс влияет не исходный текст как таковой или его воздействие на получателя, или функция, назначенная ему автором, как это следует из теорий перевода, основанных на эквивалентности (например, Koller, 1979), а проспективная функция или цель конечного текста, обусловленная потребностями инициатора. Эта точка зрения соответствует scopos theory Вермеера» (Nord, 1991, цит. по: Львовская, 2008, с. 127). Аналогичная тенденция отмечается и для подходов школы Тель-Авива, «в которой принято считать, что продукт любого типа двуязычной деятельности является переводом, как это происходит с письменным литературным текстом для взрослых в исходной культуре и адаптированным для детей в принимающей культуре» (Львовская, 2008, с. 142).

С нашей точки зрения, вариативность в выделении видов перевода и их классификации представляется целесообразным выводить в рамках коммуникативно-функционального подхода в соответствии с прагматикой лингвокультурного общения, опираясь на практику функционирования переводческой деятельности в каждой конкретной сфере. И при дифференциации перевода и адаптивного транскодирования вслед за З.Д. Львовской принимать во внимание следующую интерпретацию понятия «адаптация»: «адаптация внутри перевода» и «адаптация как гетеро-валентная двуязычная деятельность».

Адаптация внутри перевода имеет объективный характер, так как «перевод... – это не простая смена языкового кода, но и адаптация текста для его восприятия сквозь призму другой культуры» (Швейцер, 1988, с. 14). Адаптация внутри перевода понимается «как результат изменений се-

мантической структуры текста перевода относительно исходного текста (изменения, которые не должны нарушить концептуальную программу автора исходного текста)... Подчиняя свой выбор двойной верности – концептуальной программе исходного текста и адресату – переводчик прибегает к определенным манипуляциям семантической структуры текста перевода относительно исходного текста. Данная адаптация мотивирована необходимостью преодолеть случаи культурной интертекстуальности и обеспечить таким образом приемлемость текста перевода в принимающей культуре». При этом «в рамках культурной интертекстуальности» рассматриваются «все несовпадения между двумя культурами, которые распространяются как на материальную и духовную жизнь, так и на нормы речевого и неречевого поведения» (Львовская, 2008, с. 143, 147–148, 83).

Адаптация как гетеровалентная двуязычная деятельность «приводит к изменению концептуальной программы текста перевода относительно концептуальной программы автора исходного текста... Адаптация как особый тип речевой деятельности может быть одноязычной и двуязычной, может распространяться на различные типы текстов и осуществляться как на основе заказа клиента, так и на основе требований рынка, и даже на основе интенции самого автора исходного текста, который по какой-либо причине хотел бы адаптировать свой собственный текст для специальных целей... И если субъект гетеровалентной двуязычной деятельности намерен сделать адаптацию исходного текста, у него практически нет никаких обязательств в том, что касается концептуальной программы исходного текста, и он ориентируется исключительно на заказ клиента или рынка и действует по своему усмотрению» (Львовская, 2008, с. 143–145).

Мы разделяем точку зрения З.Д. Львовской, согласно которой «для осуществления гетеровалентной двуязычной деятельности нужно быть специалистом в двух сферах знания: в сфере, которая соотносится с заказом клиента, и в

сфере, которая соотносится с темой исходного текста», и эта деятельность «должна осуществляться специалистами в различных областях знания, владеющих в необходимой степени двумя языками» (Львовская, 2008, с. 133). Это относится, в частности, к научному переводу.

Особенностью научного перевода является также и то, что определенные типы специальных текстов, например, рефераты на языке перевода на основе письменного научного текста на иностранном языке, резюме научных статей, резюме книг, представляющие наибольший интерес для специалистов и осуществляемые переводчиками, занимают «промежуточное положение» между переводом и адаптивным транскодированием. А деятельность переводчика включает элементы эквивалентной и гетеровалентной коммуникации. Деятельность переводчика предполагает сохранение концептуальной программы оригинала, логики автора исходного текста, изложенной в очень сжатой форме согласно конвенциям реферата/резюме, которые существенно отличаются от конвенций статьи/книги (Там же).

Деятельность переводчика всегда профессионально ориентирована, например, на перевод художественной или научной литературы. Перевод в любой профессиональной сфере – особая речевая, текстовая деятельность, направленная на осуществление межъязыковой и межкультурной коммуникации во всех ее проявлениях в данной сфере общения. Ориентированная на прагматику данной сферы общения переводческая деятельность может охватывать различные формы воссоздания подлинника на другом языке, с разной степенью полноты в зависимости от цели коммуникации. Так, практика публикаций научных реферативных журналов обусловила появление «реферативных переводов».

2.3. Перевод – опосредованная лингвосоциокультурная коммуникация

2.3.1. Языковая и концептуальная картины мира этноса – составляющие культуры

Одним из принципиальных моментов при рассмотрении перевода является понимание того, что общение есть взаимодействие индивидов, в котором коммуниканты предстают как субъекты культуры, представители определенной «лингвосоциокультурной» общности. А перевод как вид посредничества является способом лингвокультурной (межъязыковой и межкультурной) коммуникации, то есть такого общения, при котором осуществляется взаимодействие субъектов, принадлежащих к разным национальным культурам, в рамках данной национальной культуры владеющих присущим ей языком и национальным сознанием. «Чтобы перевести с иностранного языка, нужны две предпосылки, из которых каждая необходима, а одной недостаточно: выучить этот иностранный язык и изучить систематически этнографию общности (*communauté*), пользующейся этим языком. Не может быть полноценного перевода, если не соблюдены оба эти условия» (Mounin, 1963, с. 236).

Рассмотрение перевода как лингвосоциокультурной коммуникации вытекает из понимания языка как компонента культуры.

Культура – это часть человеческого окружения, созданная самими людьми. В этом смысле понятие «культура» противопоставляется понятию «природа». Культура – это то, что не есть природа. К культуре принадлежит каждый, даже простейший предмет, созданный человеком, любая мысль, зародившаяся в сознании. Культура представляет собой совокупность материальных и духовных достижений общества. Она отражает все стороны бытия (институты, быт, условия жизни и т.д.) и сознания этноса (нации, народа), его истори-

ческие, социальные и психологические особенности: взгляды, идеи, системы ценностей, традиции, способы мышления и восприятия, вербальное и невербальное поведение. (Стефаненко, 2003, с. 25–29, Философ. сл., 1991, с. 210–211).

При таком понимании культуры язык понимается как компонент культуры, ее составляющая. Язык есть лингвокультура данного этноса, единое социально-культурное образование, отражающее особенности этноса – носителя определенной культуры, выделяющей его среди других культур.

В процессе перевода взаимодействуют два языка, две лингвокультуры, имеющие как общую, так и национальную специфику.

Выявление общего, интернационального, общечеловеческого и частного, особенного, национального является принципиальным при изучении такого явления, как межкультурная коммуникация и отражается в таких понятиях, как концептуальная и языковая картина мира социума.

Концептуальная картина мира представляет собой целостный субъективный образ объективной реальности (модель мира) как результат духовной активности человека, члена определенного социума, возникающий у него (в сознании) в ходе его контактов с миром. «...Все индивидуальности, входящие в данную нацию, объединены между собой национальной общностью, которая в свою очередь отличает каждую отдельную систему мировосприятия от подобной же системы другого народа» (Гумбольдт, 1984, с. 166).

Концептуальная картина мира есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является языковая картина мира.

Язык, представляет собой семиотическую систему, способен выразить всю совокупность знаний и представлений о мире и облечь их в языковую форму. Языковая картина мира «означивает» элементы концептуальной картины мира

и эксплицирует средствами данного языка содержание концептуальной картины мира этноса.

Концептуальная картина мира и языковая картина мира «восходят к одному источнику», каковым является так называемая «общая целостная картина (мира)», отражающая реальный мир. Однако при этом они не совпадают друг с другом. «В языке происходит некоторое “упрощение” познания и закрепляются некоторые стороны понятия» (Воробьев, 1977, с. 193).

Многочисленные языки, существующие в мире, – это различные пути, способы духовного освоения действительности, в основе которых лежат одинаковые принципы человеческого мышления. Логика человеческого мышления, объективно отражающего внешний мир, едина для всех людей, на каком бы языке они ни говорили. Она ведет к адекватному постижению реального мира. Процесс познания действительности имеет общий интернациональный характер, без каких-либо национальных ограничений.

Особенностью человеческого мышления является то, что оно имеет две составляющие: общее для всего человечества и специфическое, характерное для определенной культуры. Общее обусловлено тем, что мышление у людей, говорящих на разных языках, в своих главных очертаниях остается сходным или одинаковым. Объясняется это, во-первых, физической природой человека, функциями его головного мозга, высшей нервной системы; во-вторых, единством и объективностью мира, в котором живут народы и которое находит отражение в каждом национальном языке.

По отношению к концептуальной картине мира язык выступает лишь формой выражения понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания (система знаний, понятий, адекватных действительности), добытого человеком в процессе его деятельности (теории и практики), в процессе познания окружающего мира. При этом «язык отражает действительность в соответствии с потребностями народа-

носителя и богат настолько, насколько это от него требуется» (Воробьев, 1997, с. 313) в рамках данной культуры.

С другой стороны, язык в известной степени «принуждает» индивидуумов использовать определенные способы восприятия действительности. И хотя логические закономерности мышления человека формируют универсальный аспект национальных языков, эта универсальность отнюдь не всегда реализуется в различных языках в аналогичных языковых структурах.

Конкретные внешние условия существования отдельного этноса (географические, физиолого-антропологические особенности, культурно-бытовые традиции и др.) формируют специфические качества и совокупности представлений, определяющие основу национальной концептуальной картины мира «как культурно-понятийного мира, то есть мира культурно обусловленных понятий» (Гер-Минасова, 2004, с. 85). «Универсальность наиболее общих категорий отражения языками мира наталкивается на весьма существенную вариативность нюансов, заключенных в концептах, сформировавшихся в различных национальных культурах» (Гарбовский, 2004, с. 322).

Национально-культурный компонент, как и общечеловеческий, универсальный, находит отражение в языке, в национальной языковой картине мира. «Языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия... Разные языки это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» (Гумбольдт, 1985, с. 349). Язык можно сравнить с кистью художника, рисующего мир с натуры, но пропускающего ее через свое художественное сознание. Один и тот же стог сена, нарисованный реалистом, импрессионистом, кубистом, абстракционистом и т.д., будет видеться и выглядеть совершенно по-разному, хотя в реальном мире это один и тот же стог. У каждого народа свое видение мира, подобно каждому направлению в живописи (Гер-Минасова, 2004, с. 86).

Сегодня никто не сомневается и в том, что языки отражают действительность по-разному, асимметрично. Когда в переводе языки оказываются в контакте, когда при описании какого-либо фрагмента действительности значения одного языка с необходимостью определяются через значения другого, асимметрия проявляется наиболее отчетливо. Мы обнаруживаем, что языки по-разному членят действительность при наложении конкретной языковой схемы на внелингвистический опыт и способы его восприятия, преломляемые сквозь мышление. Таким образом, членам различных лингвотнических общностей свойственны национальное восприятие и национальные типы номинации, находящие отражение в семантике слова.

В качестве расхождения национального восприятия и номинации и, как следствие, наличия лакун в одном из языков, задействованных при переводе, приведем слово «oiseleur». Рассматривая это слово, А.И. Куприн пишет: «Весь средний Париж, ежедневно, во всех садах, скверах, аллеях и тенистых зеленых закоулочках с удовольствием кормит хлебными крошками воробьев. Но из тысячи человек один доводит это скромное буколическое занятие до профессионального совершенства, до главного смысла и цели своей жизни, перевалившей к спуску в долину Иосафатову. Зоркий Париж давно отметил тип такого давнего любителя и дал ему подходящее наименование. По-старому его называли «Oiseleur» – эпитет, который был приложен к имени короля Henri I, Генриха Птицелова. Но «Oiseleur» означает не только птицелова, а еще любителя, пожалуй, покровителя птицы. Как сказать по-русски – не знаю. Птицевод? Птичник? Птицелюб? Ужели птицефил? Это старое французское словечко как-то стерлось. Теперь такого птицефила именуют с некоторой литературной претенциозностью «enchanteur des moineaux». Очарователь воробьев? Заклинатель? Воробьиный волшебник? Надо, однако, сказать, что сношения этих оригинальных людей с легкомысленными воробьями кажут-

ся на первый взгляд и впрямь не лишены колдовства. Одним таким “уазлером” я любовался несколько дней подряд...» (Куприн, 1986, с. 254).

Языки могут различно описывать одни и те же явления, предметы и отношения действительности. В основу номинации закладываются определенные признаки, которые могут быть как сходными, так и существенно отличаться в различных языках, поскольку в процессе номинации слово выступает не как «эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова» (Гумбольдт, 1984: 103). В качестве примера приведем еще один отрывок из произведения А.И. Куприна «Париж домашний», из его первой части «Пер-ля-Сериз» (где первая часть французского слова соответствует русскому слову *отец*, вторая – определенному артиклю женского рода единственного числа (фр.), а третья – слову *вишня*). Описывая пер-ля-Сериз'а, которого всегда можно было отличить «по его большому росту, толщине, громкому голосу, домашнему, небрежному костюму и великолепному носу», и имя которого «вылиняло, стерлось под прозвищем» и которое этот «старый огненноносый, веселый толстяк и сам с трудом вспоминает», А.И. Куприн так комментирует прозвище героя. «Если переводить это прозвище на русский язык, то всего складнее было бы сказать: дядя Слива. “Отцом”, и то с приставкою имени или сана, у нас называют лишь лиц духовного звания; родного отца зовем: батюшка, тятя, тятенька, родитель, папенька, папаша. “Дядя” – семейное, соседское, дружеское обращение, не лишённое порою небрежной сердечности или легкой насмешки... А если к тому же кличка «Пер-ля-сериз» обессмертила чей-то нос, то уж никогда вишне, даже владимирской, не устоять цветом и величиною против крупной красной сливы венгерки... Впрочем, так и быть: оставим из вежливости французский *Sodriquet* (прозвище). Нос у пер-ля-Сериз'а, и правда, замечательный: большущий, круглый, си-

зо-красный, сияющий. У Шекспира Бардольф, кабацкий приятель беспутного принца Гарри, вероятно, обладал таким же носом: “Когда спускаешься с Бардольфом в винный погреб, не надо брать с собою фонаря...”» (Куприн, 1986, с. 240).

О дифференцированном подходе в номинации предметов и явлений действительности свидетельствуют мотивированные слова, например:

– *подснежник* («находящийся под снегом» в рус.), *Schneeglöckchen* («снежный колокольчик» в нем.), *Snowdrop* («снежная капля» в англ.), *perce-neige* («пробивает снег» во франц.);

– *радуга* («разноцветная дуга» в рус.), *rainbow* («дождевая дуга» в англ.), *arc-en-ciel* («дуга в небе» во франц.);

– *очки* (от слова *очи* в рус.), *glasses* (*стекла, стекло* в англ.), *lunettes* (от слова «луна» во франц.).

Приведем и другие примеры, ставшие уже хрестоматийными. В языке эскимосов существует около двадцати слов для обозначения понятия *снег* (разных его оттенков и видов), в русском и английском языках – одно, а в языке ацтеков есть только одно слово, обозначающее и *снег*, и *лед*, и *холод*. В арабском языке присутствует несколько обозначений для слова *верблюд* (отдельное наименование для уставшего верблюда, беременной верблюдицы и т.п.). Синонимический ряд: *пурга, метель, буран, снежная буря, вьюга, поземка* в русском языке и только одно английское слово *snowstorm* (Стефаненко, 2003, с. 72, Тер-Минасова, 200, с. 45).

Все вышеприведенные примеры дифференциации номинации отражают оппозицию общего и частного в когнитивной деятельности представителей различных социумов, оппозицию разных уровней абстракции. Каждый этнос имеет собственное представление о мире, об общих явлениях культуры во всех четырех сферах: материальной, духовной, организационной и поведенческой (Гарбовский, 2004), поскольку знания и опыт хранятся не только и не обязательно в форме

значений, но также в форме чувств, эмоций, ассоциаций и т.п. (Львовская, 2007, с. 49).

Национально-культурное своеобразие отражается и на вербальной, и на невербальной культуре поведения представителей этнокультурной общности: в выражении эмоций, в «молчаливых языках» мимики лица и жестов, в соблюдении пространства общения, в паралингвистических добавках к речи (интонации, громкости голоса) (Стефаненко, 2003, с. 173–185). Зачастую то, что в одних культурах кажется обычным, у представителей другого этноса в той же самой ситуации считается неуместным, а порой и неприемлемым.

Англосаксы восклицают тише, удивляются, волнуются, возмущаются, ликут спокойнее славян. Японцы более сдержанны в выражении эмоций и удивляются импульсивности европейцев в выражении чувств. У японцев, как правило, спокойное, безмятежное выражение лица, независимо от внутренних эмоций, которые они стремятся скрывать, пряча под маской. Мы, русские, с трудом приемлем громкую речь и шумное, с нашей точки зрения, поведение представителей кавказских народов. А вот студенты-тайцы сочли, что педагог, говоривший в соответствии с русской педагогической традицией громко, четко и ясно, на них кричит и отказались посещать лекции (Тер-Минасова, 2004, с. 26; Антипов, Донских, Марковина, Сорокин, 1989, с. 116; Пронников, Ладанов: 1985, с. 200).

Русский кивком выражает согласие, а при несогласии покачивает головой; болгарин покачивает головой, соглашаясь, а отказывая, откидывает голову назад (что иногда принимают за кивок). У болгар одобрение выражают аплодисментами, а у американцев – часто свистом и топотом (Влахов, Флорин, 2006, с. 206).

Одна из странных особенностей русской культуры в глазах Запада – это мрачность, неприветливость, отсутствие улыбки. Они огорчены, возмущены, шокированы тем, что мы не улыбаемся. А мы с удивлением отмечаем, что они улыба-

ются всем, всегда и везде. В западном мире, вообще, и в англоязычном в особенности, улыбка – это традиция, обычай. Улыбка – это не только проявление хороших чувств, хорошего отношения, естественная положительная реакция на положительные обстоятельства. Улыбка – это демонстрация добрых намерений, вид приветствия незнакомым людям, попытка обеспечить безопасность в незнакомом месте с незнакомыми людьми, это социальный компонент преуспевания и обязательный компонент обслуживания. В американской культуре улыбка – девиз образа жизни: *Keep smiling. – Что бы ни случилось – улыбайся.* А в России не принято улыбаться посторонним. В русской культуре улыбка и смех – проявление радости, и поэтому она всегда от души (Тер-Минасова, 2004, с. 237–247).

Хотя культурные универсалии (черты культуры, свойственные всем народам) и существуют, но проявляться они могут по-разному. Например, повсюду на Земле люди приветствуют друг друга. Но в разных культурах, люди, приветствуя друг друга, могут пожимать руки, целоваться, потереться носами или лечь ничком на землю и т.д. (Стефаненко, 2003, с. 32). Так, испанцы и латиноамериканцы похлопывают друг друга по спине; англичане ограничиваются обычно легким кивком; южные народы трясут руку, иной раз обеими руками, как бы стараясь оторвать; японцы низко кланяются; французы, принимая у себя знакомого, нередко целуются, даже двукратно и т.д. (Влахов, Флорин, 2006, с. 204). Одна из самых частых форм приветствия в Европе и Америке – рукопожатие. Но чаще всех его используют в ситуации приветствия русские (Стефаненко, 2004, с. 180).

Для людей разных культур по-разному течет время. Во всех культурах есть понятие времени, времен года. Однако в отличие от нас у англичан на лето и на зиму приходится по четыре месяца, а на осень и на весну по два. К лету они относят *май*, а к зиме – *ноябрь*.

Английское *утро* (*morning*) продолжается от полуночи до полудня, затем часов до пяти-шести длится *afternoon* – послеполуденное время (как бы *день*), его сменяет *evening* (как бы *вечер*), а с восьми часов вечера до полуночи длится *ночь* – *night*.

Для англичан характерно обозначение времени в неделях, а не в месяцах *eight weeks* (8 недель) – два месяца. Французы отсчитывают недели днями *huit jours* (8 дней) – неделя, *quinze jours* (15 дней) – две недели.

«Араб в Египте предпочитает делить час на три трети, а не на четыре четверти», как это делаем мы (Влахов, Флорин, 2006, с. 206).

Представители различных культур по-разному окрашивают мир в цвета.

Фокусные цвета (черный, белый, красный, зеленый, желтый, зеленый, синий, коричневый, фиолетовый, серый, оранжевый, розовый) легко воспринимаются представителями всех исследованных культур. А если для некоторых цветов нет вербальных «ярлыков», при необходимости в категоризации человеку удастся их заполнить (Berlin, Kay, 1969; Стефаненко Т.Г., 2004). Цветовые универсалии обусловлены тем, что «цветовые концепты связаны с определенными “универсальными элементами” человеческого опыта и что эти универсальные элементы можно грубо определить как день и ночь, солнце, огонь, растительность, небо и земля» (Вежбицкая, 1997, с. 283). Однако границы совпадения цветковых категорий в разных языках могут расходиться. В языке американских индейцев зуни не различаются желтый и оранжевый цвета. (Стефаненко, 2004, с. 73–75). Для русского *голубой* такой же цвет, как и зеленый или синий, в то время как болгарин под влиянием этимологии может подумать о *гыльбов*, что значит «сизый», «светло-серый», а затем уже *светлосин*, что обычно правильно, но не всегда возможно в переводе с русского (*ср. «темно-голубые цветочки на голубом фоне»*) (Влахов, Флорин, 2006, с. 204). В английском и

французском языках одним словом обозначаются два цвета: голубой и синий. В осетинском языке одним словом – три цвета: зеленый, серый и синий. В осетинском языке одним словом номинируют и все оттенки красного: розовый, алый, бордо, красный. Во вьетнамском языке одним словом номинируют три цвета – зеленый, желтый, синий. Во всех перечисленных случаях значение того или иного цвета конкретизируется в речи благодаря контексту, передается описательными или метафорическими выражениями.

Различно воспринимаются и звуки. Француз и венгр, русский и испанец, грек и поляк, услышав лай одной и той же собаки или крик одного и того петуха, воспроизведут их по-разному – так, как каждый привык воспроизводить этот звук в соответствии с культурной традицией. Небольшой перечень звукоподражаний может дать представление не только об определенном сходстве, но и о национальных различиях:

Язык	Крик петуха	Лай собаки
<i>английский</i>	<i>кок-а-дудль-ду</i>	<i>бау-уау, ууф-ууф</i>
<i>испанский</i>	<i>кикирики</i>	<i>гуау-гуау</i>
<i>немецкий</i>	<i>кикерики</i>	<i>вау-вау</i>
<i>французский</i>	<i>кокорико</i>	<i>ау-ау</i>
<i>польский</i>	<i>кукуруку</i>	<i>хау-хау</i>
<i>японский</i>	<i>кокэкокко</i>	<i>ван-ван</i>

(Влахов, Флорин, 2006, с. 318–319)

Даже та часть языковой картины мира, которая демонстрирует внешнее подобие и представляется симметричной, на самом деле является неэквивалентной. Аналогичные реалии и аналогичные понятия, отражаясь в национальной культуре, имеют разные значения, различаются по объему семантики, по употреблению в речи, по стилистической коннотации и т.д.

Например, единицы измерения. Так, в различные эпохи и у разных народов слово *милля* обозначала и обозначает

теперь неодинаковые расстояния в границах от 580 до 11 293 метров. Вот некоторые из них:

- египетская миля = 580 м;
- английская миля (обыкновенная) = 1524 м;
- географическая (немецкая) миля = 7420,44 м;
- морская международн. миля (в большинстве стран) = 1852 м;
- морская миля в Великобритании = 1853,183 м;
- русская старая миля = 7467,60 м;
- шведская миля = 10 000 м;
- старочешская миля = 11200 м (Влахов, Флорин, 2006, с. 174).

Аналогичные понятия могут иметь не только разные значения, но и, по-разному сопоставляясь с культурным опытом народа, отражаются в национальной специфике концептов данного этноса и могут вызывать различные ассоциации. Эти ассоциации обусловлены социализацией индивида в рамках определенной культуры и ограничены рамками данной культуры.

Так, черная кошка ассоциируется у нас согласно традиции, примете, поверью, с неудачей, несчастьем, а поэтому словосочетание *черная кошка* имеет отрицательные коннотации. В английской же культуре черные кошки – признак удачи, неожиданного счастья, и на открытках с надписью «Good Luck» сидят, к удивлению русских, черные кошки (Тер-Минасова, 2004, с. 63).

По-разному воспринимаются и явления природы. Например, для народов Крайнего Севера снег представляет собой одно из условий существования. Для южан снег – экзотика, редкое явление природы, проявление климатических отклонений, экологических аномалий. В то же время снег – это символ Рождества и рождественских чудес. Для народов

средней полосы, в частности для жителей России, снег – явление, привычное для зимы, необходимое для спасения растений от сильных морозов, легко переносимое после осенней слякоти, радостно ожидаемое и желаемое в начале зимы и в канун Нового года, надоедающее и вызывающее раздражение при затяжной зиме (Гарбовский, 2004) или весной. И надо быть японцами, с их трепетным отношением к красоте и традицией эстетического восприятия природой, чтобы объяснить поездку за город человека, живущего в средней полосе, желанием полюбоваться снегом весной. Такой пример приводит Ю.М. Лотман (1994). Японский путешественник XVIII века, комментируя решение царицы Екатерины отправиться в Царское Село, загородную резиденцию, полагал, что она поехала туда, «чтобы полюбоваться снегом» (Стефаненко, 2004, с. 344.).

Во всех языках мира, для слова «свобода» есть однозначные соответствия: *Freedom, Freiheit, liberté* и т.д. Но однозначность не значит эквивалентность. Однозначные соответствия различаются семантикой, стилистическими коннотациями, лексической сочетаемостью, ассоциативным полем. Представители различных культур, за плечами которых разный исторический опыт, понимают свободу по-разному. Например, для русского человека – это, в первую очередь, отсутствие каких-либо обязательств, возможность полностью распоряжаться собой и своим временем, отсутствие внешнего давления. Для немца свобода – это прежде всего гарантированность его прав, четкая отрегулированность правового механизма, материальная обеспеченность, а русскую «свободу» он считает разгулом (Алексеева, 2004).

Понятие «свободный» также имеет различные ассоциативные поля. Например, в сознании русских, испанцев и немцев концепты «свободный», «libre», «frei» ассоциируются со следующими феноменами окружающей действительности:

– «свободный» *русск.*: человек, ветер, полет, день, раб, счастливый, как ветер, народ, выбор, независимый, дух, вечер, птица, занятый, как птица, мужчина (Санчес Пуиг, Караулов, Черкасова, 2001);

– «libre» *исп.*: pájaro (*птица*), libertad (*свобода*), feliz (*счастливый*), preso (*заключенный*), viento (*ветер*), aire (*воздух*), cárcel (*тюрьма*), esclavo (*раб*), volar (*летать*), hombre (*человек*), correr (*бежать*), lo mejor (*самое лучшее*), ocupado (*занятый*), paloma (*голубь, голубка*), paz (*мир*) (Санчес Пуиг, Караулов, Черкасова, 2001)

– «frei» *нем.*: Weg (*путь, дорога*), Plätze (*места*), Eintritt (*вход*), bewegen (*двигать, передвигать*), Blick (*взгляд*), werdend (*становящийся*), wählen (*выбирать*), empfangbar (*принимаемый*), zugänglich (*доступный*), Geiseln (*заложники*), Kopf (*голова*), herumlaufen (*ходить/бегать вокруг*) (<http://wortschatz.uni-leipzig.de>).

Наиболее важные смысловые связи концепта «свободный» в русском языке опираются на такие значения, как: «независимый, не испытывающий угнетения, вольный» (ассоциативная пара *свободный – человек*), «вольный, ничем не обусловленный» (*свободный – ветер*), «беспрепятственный» (*свободный – полет*); в испанском – «ничем не незанятый, вольный» (*libre – pájaro*), «независимый, испытывающий чувство независимости» (*libre – libertad*), «вольный, наслаждающийся чувством независимости» (*libre – feliz*); в немецком – «никем не зарезервированный, незанятый» (*frei – Weg, frei – Plätze*), «никем не запрещенный, беспрепятственный» (*frei – Eintritt*).

Различие в интерпретации концепта «свободный» в русской и испанской лингвокультурах можно усмотреть в том, что для испанской культуры более важны чувства и эмоциональная оценка, а для русской культуры – независимость от внешних обстоятельств. Особенностью данного концепта в немецком языке можно считать явное выделение признака занятости/вакантности пространства.

Национально-культурная специфика находит отражение в плане эмоционально-образного отображения действительности, на уровне внелогических оценок и переживаний сознание представителей разных этносов и не предполагает какого-либо единства.

Представители разных этносов по-разному переживают и оценивают идентичные явления, по-разному выражают отчаяние, любовь или ненависть, восхищение, что обуславливает неповторимость мироощущения и мироощущения.

Своеобразие переживаний находит отражение в национальной языковой картине мира на всех уровнях языка как системы.

Например, тот факт, что в русском языке, в отличие от английского, есть категория рода (наделяющая все существительные, а значит, все предметы окружающего мира, свойствами мужскими, женскими или нейтральными, «средними») свидетельствует о более эмоциональном отношении к природе, миру, об олицетворении этого мира, о повышенной эмоциональности, сентиментальности, сердечности русской души, русского национального характера, определяет более эмоциональное отношение к людям. Уберите категорию рода из русской литературы, особенно из поэзии, она померкнет, поблекнет – всего лишь из-за утраты грамматической категории. Что осталось бы от шедевра М.Ю. Лермонтова, если бы тучка не была женского рода, а утес мужского. Речь идет о стихотворении «Утес»:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

Наличие выбора между местоимениями *ты* и *вы* также дает больше возможностей для передачи оттенков чувств и, следовательно, формирует более высокую эмоциональность, чем у людей англоговорящих, не имеющих данной возможности выбора. И даже на уровне орфографии частотность употребления восклицательного знака свидетельствует о большей эмоциональности в русской культуре (Тер-Минасова, 2004, с. 202–203).

Кроме того, в языковой картине мира присутствует безэквивалентная и фоновая лексика, отражающая национальное своеобразие. В словарном составе языка выделяется целый пласт слов, словосочетаний, фразеологизмов, высказываний эмоционально-образного отображения действительности, имеющий коннотации (эмоциональную, оценочную, стилистическую окраску), мотивированность которых обусловлена национально-культурным контекстом. Например, испанцы, желая выразить высшую похвалу девушке, говорят «*Es Usted muy topa*» (буквально «*Вы настоящая обезьяна!*»), тогда как русские, сказали бы «*Вы очаровательны!*», «*Вы просто прелесть!*». А если испанцы захотят сказать «*Ego жена сейчас дома*», то скажут «*Su media naranja se halla ahora en casa*» (буквально «*Его половинка апельсина сейчас дома*») (Иовенко, 2005, с. 12).

Передача в переводе эмотивных, стилистических, образных аспектов значения, отражающих национально-культурную специфику этноса, может играть столь же важную роль, как и передача предметно-логического содержания.

Будучи, с одной стороны, объективной системой, а с другой – результатом эмоционально-духовного творчества нации, языки фиксируют особенности мировидения народа, его концептуальной картины мира.

В процессе исторического развития фундаментальные жизненно-важные образы концептуальной картины мира, будучи зафиксированными в языке, передаются последую-

щим поколениям уже в вербализованном виде. Внешние материальные условия существования этноса могут со временем измениться, однако передаваемые языковыми средствами особенности национального менталитета продолжают воспроизводиться в последующих поколениях. То есть язык предлагает его носителям уже готовую форму оценки и восприятия и начинает выполнять функцию, которую на первоначальном этапе существования этноса выполняла внешняя среда, моделируя отчасти речевое и неречевое поведение людей как субъектов культур данного социума. «Каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в котором уже заложены черты национального характера, видение мира, мораль и т.п. ...Язык формирует носителя языка как личность, принадлежащую к данному культурному сообществу...» (Тер-Минасова, 2004, с. 86). «Все мы созданы языком и заложенной в нем культурой, доставшейся нам от многих поколений предков. Мы не выбираем ни родной язык, ни родную культуру... Мы входим в мир людей, и язык немедленно начинает свою работу, навязывая нам представление о мире (картину мира), о людях, о системе ценностей...» (Тер-Минасова, 2004, с. 348).

В процессе социализации происходит интеграция индивида в человеческое общество. В процессе инкультурации индивид осваивает присущее культуре миропонимание и поведение, в результате чего формируются его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от членов другой культуры. Процессы социализации и инкультурации проходят одновременно, и без вхождения в культуру человек не может существовать как член общества (Herskovits, 1967; Мид, 1988; Matsumoto, 1996; Стефаненко, 2003).

2.3.2. Проблема переводимости

Своеобразие национальных языковых картин мира и множественность культур создают определенные трудности при переводе, что и порождает дискуссию о переводимости/непереводимости с одного языка на другой. Однако эти трудности не являются непреодолимым препятствием для взаимопонимания народов. Они снимаются при переводе. Одним из важных и решающих практических доказательств совместимости логических и языковых систем в их познавательной сущности является неопровержимый факт взаимопонимания народов на основе перевода с одного языка на другой. Никогда в истории (кроме библейского Вавилона) языковые преграды не были непреодолимой помехой общения народов не только цивилизованных, но и народов, стоящих на разных ступенях социального развития (например, в период великих географических открытий), хотя взаимопонимание и не было абсолютным.

Принципиальная возможность общения, несмотря на частичную утрату передаваемой информации, свидетельствует о принципиальной возможности переводимости и некорректности теории непереводимости. Согласно теории непереводимости в силу уникальности национальных языков, своеобразия словарного состава и грамматического строя полное тождество исходного текста и текста перевода в принципе невозможно, следовательно, невозможен и сам перевод. «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно» (Гумбольдт цит. по: Швейцер, 1988,

с. 100). Подобный взгляд на переводимость обусловлен постулатом В. Гумбольдта о языке как форме выражения народного духа, об индивидуальном своеобразии языков, определяемом духовным своеобразием народа, о несводимости языков друг к другу. Данное положение получило дальнейшее развитие в трудах сторонников неогумбольдтианского направления. В частности, в трудах Л. Вейсбергера (Weisgerber, 1971) утверждается детерминирующая роль языка, образующего «промежуточный мир» (Zwischenwelt), сквозь который человек воспринимает действительность, формирующий его мировоззрение. А в трудах основоположника теории лингвистической относительности Б. Уорфа выразилось в преувеличении активности языка в процессе познания (Швейцер, 1988, с. 100).

Положение о невозможности перевода основывается на ложном положении, что переводом можно считать лишь текст полностью тождественный оригиналу, а если что-то утрачено, то это не перевод. В ходе разработки положений лингвистической теории перевода была признана некорректность «теории непереводимости», так как с позиций современного языкознания доказана невозможность полного тождества оригинала и перевода, а отсутствие тождества не может служить доказательством невозможности перевода.

«Принципиальная возможность перевода отнюдь не опровергается наличием отдельных трудностей, препятствующих межъязыковой коммуникации, неизбежностью отдельных потерь. Ведь переводимость имеет под собой прочную основу – общность логического строя мысли, общечеловеческий характер логических форм, наличие семантических универсалий, общность познавательных процессов. Идея абсолютной непереводимости связана с представлением о переводе как о чисто языковой операции. Вместе с тем семантические расхождения между языками, на которые обычно ссылаются сторонники теории непереводимости, преодол-

ваются в речи, на уровне которой совершается перевод, с помощью языкового и ситуативного контекста. Показательно и то, что наименьшее препятствие для переводимости возникает при передаче важнейших функций речи – таких, как референтная (денотативная) функция, непосредственно связанная с отражением в тексте внеязыковой действительности... Из сказанного выше следует, что переводимость представляет собой не абсолютное, а относительное понятие. Следует различать, с одной стороны, переводимость на уровне того или иного сегмента текста, а с другой – переводимость на уровне текста в целом. Подобно тому как полная эквивалентность представляет собой известную идеализацию переводческой практики, полная переводимость также является далеко не всегда достижимым идеалом... При этом следует, однако, иметь в виду, что принципиальная переводимость, допускающая известные потери, исходит из того, что эти потери касаются второстепенных, менее существенных элементов текста и предполагают обязательное сохранение его главных, наиболее существенных элементов, его функциональных доминант. В этом заключается один из ведущих принципов стратегии перевода» (Швейцер, 1988, с. 109–110).

Языковое своеобразие текста на любом национальном языке ориентировано на конкретный этнос, обладающий только ему присущими «фоновыми знаниями», культурно-историческими особенностями и лингвокультурными особенностями языковой картины мира, не может быть тождественным, воссозданным с абсолютной точностью и полнотой на другом языке. Современное переводоведение признает принципиальную переводимость релевантной части содержания оригинала при возможных опущениях, добавлениях и изменениях отдельных элементов передаваемой информации. «Поскольку перевод – это не только транспонирование текста в другую систему языковых знаков, но и в другую культуру, он не сводится к перекодированию, а представляет

также и объяснение, истолкование, интерпретацию» (Швейцер, 1988, с. 38).

Конечно, любой перевод, особенно поэтический – это всегда, в той или иной степени, интерпретация, обусловленная в значительной степени лингвокультурологическими расхождениями языковых картин мира. В качестве примера приведем рассуждения И.И. Модебадзе (2008) о переводе названия поэмы Ш. Руставели. Существует более шестидесяти переводов поэмы Ш. Руставели. И одной из трудностей перевода являются особенности названия поэмы. Ш. Руставели использует слово «ткави», которое имеет в грузинском языке два значения – «шкура» и «кожа». Однако речь вовсе не о шкуре/коже, а о том, кто ее носит, вернее, носит сшитую из нее одежду. То, что Таризл носит не просто кожаную одежду или наброшенную на плечи шкуру (как часто изображают иллюстраторы поэмы), а одеяние (одежду и головной убор) из шкур убитых им хищников следует из текста поэмы. Но если вопрос со шкурой/кожей проясняется достаточно легко, то вопрос о том, из шкуры *какого* именно животного сшита его одежда решить не так-то просто. В переводах, осуществленных в XIX веке, и раннем переводе К. Бальмонта («Носящий барсову шкуру», 1917), в названии поэмы звучит «*барс*», а в переводах Г. Цагарели, П. Петренко, Ш. Нуцубидзе, Н.Заболоцкого, в подстрочном переводе С. Иорданшвили и более поздних изданиях перевода К. Бальмонта – *тигр*. Дело в том, что в древнегрузинской литературе, как оригинальной, так и переводной, под общим названием «вепхи» подразумевались животные, имевшие неоднородный окрас (как полосатые, так и пятнистые).

Помимо этого, заглавие, данное Ш. Руставели своей поэме, – это одно слово. Аналогичный перевод был бы неблагозвучен (например, «Барсовошкуроносец/Тигровошкуроносец по типу «копыносец»). Ближе всего к подлиннику – ранний перевод К. Бальмонта («Носящий барсову шкуру», 1917). Тем не менее, поскольку русский язык требует уточ-

нения, позднее в заглавии появилось слово «витязь», выбранное переводчиком как наиболее соответствующее характеру и социальному статусу героя. Соответственно, и в тексте поэты используется Ш. Руставели и не имеющее аналога в русском языке понятие «мокме» традиционно заменяется на «витязь», а иногда – «рыцарь».

Однако проблемы перевода заглавия поэмы вовсе не ограничиваются только этими вопросами. Гораздо важнее вопрос о том, как передать его смысл? Ведь вынесенное в заглавие понятие определяется не тем, одеяние из шкур *какого* животного носит его герой, не тем *зачем* он его носит, а его символическим *смыслом*, который раскрывается лишь по прочтении всего текста поэмы. И вот тут-то переводчики бессильны, поэтому в ряде случаев они сохраняют грузинское звучание названия поэмы (в частности перевод Г. Девдариани так и озаглавлен «Вепхис ткаосани») (Модебадзе, 2008, с. 239–241).

Механизм переводимости обусловлен креативностью человеческого мышления и языка-речи (что, в частности, демонстрирует и вышеприведенный пример). В процессе познания и интерпретации действительности каждый конкретный язык (языковая картина нации) и национальная картина мира (мировосприятие нации) образуют взаимообусловленную, постоянно развивающуюся связь. Язык-речь служит средством познания и интерпретации действительности. Границы, устанавливаемые для познания и интерпретации действительности языком-речью в каждый определенный момент времени, в дальнейшем процессе познания изменяются и расширяются. Эти изменения, в свою очередь, отпечатываются в языковом употреблении в речи. Язык-речь и, соответственно, носители языков обладают креативностью. Эта креативность выражается, среди прочего, и в методах перевода, с помощью которого заполняются пробелы, лакуны в системе языка перевода. «Весь когнитивный опыт может быть выражен в любом языке, который, будучи инстру-

ментом коммуникации, располагает достаточными средствами, чтобы покрыть, исходя из функциональных критериев, не только лакуны, которые возникли вследствие отсутствия структурно-семантического параллелизма, но и вследствие культурного опыта» (Львовская, 2007, с. 30). Следовательно, переводимость принципиально возможна, но она не абсолютна, а относительна в силу национально-культурной специфики.

Лингвосоциокультурная (межъязыковая и межкультурная) коммуникация адекватно и успешно протекает только тогда, когда коммуниканты, являющиеся носителями разных культур и языков, не только осознают тот факт, что каждый из них является «другим», но знают, понимают и адекватно воспринимают «чужеродность» партнера, национальное своеобразие его концептуальной и языковой картины мира. Понимают, «что перевод является не только языковым (или, точнее, речевым) феноменом, но и феноменом культуры. В самом деле, процесс перевода “пересекает” не только границы языков, но и границы культур, а создаваемый в ходе этого процесса текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры» (Швейцер, 1988, с. 14). А это предполагает вторичную инкультурацию, то есть инкультурацию личности в иноязычный этнос, например, в процессе обучения, в том числе и в зрелом возрасте. Конечным продуктом такой инкультурации является приобретение компетентности в составляющих, «фрагментах» культуры иноязычного этноса, формирование «вторичной» языковой личности (*homo loquens*) – «средоточие взаимосвязи языка и культуры» (Воробьев, 1997, с. 93) как билингвальной личности, владеющей как родным («первичным»), так и иностранным («приобретенным») языком, как родной, так и «приобретенной» культурой.

В условиях опосредованной коммуникации посредник-переводчик выступает как билингв, как билингвальная,

«удвоенная языковая личность», способная представлять и родную, и иноязычную культуру.

Успешность переводческой деятельности предполагает преодоление «навязываемых» своим языком, своей языковой и концептуальной картиной мира способов восприятия объективной действительности, а также овладение приемами иноязычной интерпретации мира, то есть языковой и концептуальной картиной мира иноязычного этноса. «Смена языка неразрывно связана с изменением концептуальной системы... Масштаб изменений зависит от расстояния между культурами. Переводчик должен считаться с этими изменениями и порождать текст перевода, приемлемый в концептуальном отношении в принимающей культуре, учитывая различие между концептуальными системами, коллективными и индивидуальными (если, конечно, возможно что-то узнать об этих последних), и нормами речевого и неречевого поведения, принятыми в принимающей культуре...» (Львовская, 2007, с. 110).

Переводчик должен обладать умением преодолевать понятийные стереотипы, чтобы «оказаться» в языковой картине мира языка перевода. Преодолевая отрицательную интерференцию, он должен воспринимать иноязычную текстовую деятельность с позиции иноязычной лингвосоциокультуры с тем, чтобы потом перейти на родной языковой и социокультурный коды (в их нерасторжимом единстве), соблюдая при этом национальную специфику нормы/узуса языка-речи перевода, нормы вербального и невербального поведения (Халеева, 1989), обеспечивая «приемлемость» текста перевода в принимающей культуре.

В целом же «переводческая компетенция представляет собой сложную и многомерную категорию, включающую все те квалификационные характеристики, которые позволяют переводчику осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации: особое «переводческое владение двумя языками (как минимум рецептивное владение исход-

ным языком и репродуктивное – языком перевода), при котором языки проецируются друг на друга; способность к «переводческой» интерпретации исходного текста (т.е. видение его глазами носителя другого языка и другой культуры); владение технологией перевода (т.е. совокупностью процедур, обеспечивающих адекватное воспроизведение оригинала, включая модификации, необходимые для успешного преодоления «культурного барьера»); знание норм языка перевода; знание переводческих норм, определяющих выбор стратегии перевода; знание норм данного стиля и жанра текста; определенный минимум «фоновых знаний», необходимых для адекватной интерпретации исходного текста, и в частности то, что называется «знание предмета», необходимое для успешного перевода в рамках специализации переводчика. Понятие переводческой компетенции может быть конкретизировано применительно к тем или иным разновидностям перевода...» (Швецер, 1988, с. 28).

2.4. Перевод – предельный случай билингвизма

2.4.1. Понятия «билингвизм» и «интерференция»

Явление билингвизма представляет собой владение индивидом родным и одним или несколькими иностранными языками. Эти языки находятся в контакте, последствия которого проявляются в речевой деятельности индивида. «Согласно Уриелю Вайнрайху, два или более языков находятся в контакте, если ими пользуются попеременно одни и те же люди. Явление попеременного использования одним и тем же человеком двух языков следует во всех случаях называть билингвизмом» (Мунэн, 1978, с. 36).

Своеобразие явления билингвизма, независимо от связи его с переводческой деятельностью, состоит в том, что владение двумя (и более) языками имеет, как правило, асим-

метричный характер. У большинства билингвов в процессе языкового контакта доминирует один (родной) язык, данный ему с молоком матери, и одна культура, впитанная вместе с этим языком (и отраженная в данном языке как в языковой картине данного этноса). С позиций доминирующего языка и доминирующей культуры интерпретируются значения лексических единиц, система смыслов речевых произведений на другом языке, воспринимаются факты иноязычной культуры.

«Вайнрайх приходит также к выводу, что если два языка находятся в контакте в практике попеременного использования одним и тем же индивидом, то в языке данного индивида обычно можно обнаружить “примеры смещения норм каждого из двух языков”, которые являются следствием пользования более чем одним языком. Такое смещение представляет собой интерференцию в речи индивида. Например, если французский язык является первым и на нем говорят *un simple soldat*, то индивид переносит это словосочетание на английский язык в форме *a simple soldier* вместо существующей английской формы *a private soldier* (Мунэн, 1978, с. 36). Таким образом, явление билингвизма неотделимо от явления интерференции.

Интерференция (от лат. *inter* – *между собой, взаимно* и *ferio* – *касаюсь, ударяю*) как понятие представляет собой взаимодействие языков (языковых картин мира, лингвокультур) в условиях двуязычия, складывающегося при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка. Термин «интерференция» используется также для обозначения результатов самого явления интерференции, которые могут быть позитивными или негативными. Соответственно различают положительную/конструктивную интерференцию и отрицательную/деструктивную интерференцию.

Положительная интерференция привлекает меньше внимание исследователей, поскольку проявляется в приобретении, закреплении и углублении знаний, умений и навыков в одном языке под влиянием другого и протекает незаметно,

не требуя дополнительных усилий. Примером данной интерференции может служить перенос умений и навыков на уровне языковых и речевых универсалий, например, структурирование речи в форме высказывания, построение высказывания по определенной модели предложения, общей для контактирующих языков.

Отрицательная интерференция выражается в отклонении от системы, норм и узуса иностранного, «вторичного» языка-речи под влиянием родного.

В рамках языка как системы интерференция способна охватывать все уровни языка, но особенно заметна в фонетике (акцент, нарушение интонационного рисунка высказывания). Главный источник интерференции на фонетическом уровне – расхождения в системах взаимодействующих языков: различный фонемный состав, различное соотношение интегральных и дифференциальных признаков, различные правила позиционной реализации фонем, их сочетаемости, различная интонация. На лексическом уровне интерференция обусловлена несовпадениями в отношениях между означающими и означаемыми знаков в двух языках. Часто можно наблюдать различия ассоциативных полей лексики, несовпадение лексической сочетаемости и многое другое. Источником интерференции является и различный состав грамматических категорий и/или различные способы их выражения (Лингвистич. энциклопед. сл., 1990; Гарбовский, 2004, с. 317).

В качестве примера расхождений и, как следствия, области интерференции на уровне системы языка можно привести состав и способы выражения грамматических категорий глагола, приведенных Т.И. Вендиной (2003).

Анализ грамматических категорий глагола свидетельствует, что их количество и объем в языках мира различен. Например, в абхазско-адыгейских языках глагол обладает такими редкими морфологическими категориями, отсутствующими в других языках, как категория союзности (с помощью которой выражается идея совершения действия с кем-либо), понудительности (каузати-

ва), версии (передающей отношение действия к его субъекту или косвенному объекту). А в лезгинском языке глагол имеет категорию времени и наклонения, но не изменяется по лицам и числам.

В большинстве языков флективного и агглютинативного типа глаголу присущи грамматические категории времени, вида, наклонения, залога.

В английском, французском, немецком и русском языках глагол характеризуется рядом общих грамматических категорий, а именно: категориями времени, вида, наклонения, залога, лица и числа.

Категория времени локализует действие во времени (чаще всего через отношение к моменту речи) и выражается тройко:

- в противопоставлении трех временных форм, указывающих на одновременность, следование или предшествование моменту речи (настоящее, будущее, прошедшее время);

- в «относительности времени», характеризующем действии через отношение к какой-либо иной точке отсчета, которая в свою очередь локализуется относительно момента речи (например, плюсквамперфект и перфект в латинском, немецком и романских языках);

- в противопоставлении «реального времени» «гипотетическому» (двучленное противопоставление: например, в языке йоруба (распространенном в Нигерии) «реальное время» соответствует настоящему и прошедшему, а «гипотетическое» – будущему).

Область интерференции при переводе с английского, французского и немецкого языков на русский язык может быть обусловлена, в частности, наличием нескольких временных форм для передачи одновременности, следования или предшествования моменту речи в плане прошедшего, настоящего, будущего в английском, французском, немецком языках. Если в русском языке только три времени: настоящее, прошедшее и будущее, то в указанных языках существует разветвленная система прошедших и будущих времен и строгая система согласования времен. Например, в английском языке насчитывается двадцать шесть временных форм английского глагола, которые могут передавать отношение действия, обозначенного глаголом, не только к моменту речи,

но и разграничивать определенность/неопределенность действия, законченность/незаконченность, длительность/мгновенность и т.д.

Категория времени тесно связана с категориями вида и наклонения. Категория вида может иметь разное формальное выражение (синтетическое и аналитическое) и разное содержание в языках мира.

В славянских языках различают совершенный и несовершенный вид. Глаголы совершенного вида выражают действие, достигшее своего предела, исчерпавшее себя с его достижения (например, *свеча догорела*); глаголы несовершенного вида выражают действие, не достигшее своего предела, более того, не предусматривающее предела в своем протекании (например, *я говорю*). Глаголы несовершенного вида имеют все три формы времени, глаголы совершенного вида – только две: прошедшее и будущее. В сослагательном и повелительном наклонении противопоставление времен отсутствует.

В английском, испанском и некоторых других языках выделяется так называемый прогрессивный вид (континуатив), передающий действие в процессе его осуществления в конкретный момент времени, и общий вид (непрогрессив).

В немецком и французском языках нет категории вида, видовое значение достижение/недостижение предела передается другими средствами. Например, категория вида во французском языке может быть отражена в прошедших временах, одни из которых характеризуют прошедшее действие как завершенное (*Passé composé*, *Passé simple*) другие, как правило, как незавершенное (*Imparfait*).

В некоторых языках время, вид и наклонение выступают в глаголе нерасчлененно, например, в арабском языке.

Категория наклонения характеризует отношение действия глагола к реальности. Действие, обозначенное глаголом, может по-разному относиться к реальности: оно может быть реально-существующим, предполагаемым или произведенным по требованию другого лица. Количество наклонений вариативно в языках и может достигать десяти.

В большинстве языков флективного типа, в частности в славянских, различаются три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. В некоторых южнославянских языках

выделяется еще и пересказывательное наклонение (комментатив), выражающее оттенок недоверия, сомнения.

В агглютинативных языках количество наклонений может колебаться от 4 (например, в караимском языке: изъявительное, повелительное, желательное-сослагательное и условное) до 10 (например, в нахских языках: изъявительное, повелительное, безотлагательно-повелительное, желательное, просительно-желательное, категорически-повелительное, понудительное, сослагательное, потенциальное, неопределенное).

В тюркских языках помимо изъявительного и повелительного наклонений выделяются желательное и условное, имеющие свое формальное выражение.

В английском, как и в русском, различают три наклонения: изъявительное, повелительное, сослагательное, а во французском – четыре: изъявительное, повелительное, сослагательное, условное.

Если в русском языке имеется одна форма сослагательного наклонения, выражаемая формой прошедшего времени с частицей *бы*, то в английском и французском языках сослагательное наклонение представляет собой развернутую систему и выражается различными формами и системой времен.

Глагол может обозначать действие, по-разному направленное на субъект и объект, в связи с чем в глаголе выделяется категория залога.

В залоговой системе каждого языка содержатся как минимум две формы: формы активного залога (действительного) и формы пассивного (страдательного) залога.

В форме активного (действительного) залога субъект действия занимает позицию подлежащего, а объект действия занимает позицию прямого дополнения.

В форме пассивного (страдательного) залога субъект действия занимает позицию присказуемого дополнения, а объект действия – позицию подлежащего.

Некоторые языки имеют более разветвленную систему залоговых форм. В якутском языке, например, их насчитывается пять: активный, страдательный, возвратный, совместно-возвратный и побудительный залог. Тюркские языки кроме действительного и страдательного залога обладают также возвратным,

взаимным, понудительным залогами, каждый из которых (кроме действительного) имеет свои формообразующие аффиксы.

В разных языках мира глагол, обозначая действие (состояние) через отношение к лицу или субъекту действия (исключение составляют лишь инфинитив и безличные глаголы), может иметь категорию лица, как например, в английском, французском, немецком и русском языках. Однако известны языки, в которых глагол не имеет форм лица ни в одном из наклонений, кроме повелительного, например: монгольский, китайский, вьетнамский, датский, шведский.

Идентичность наличия данной категории в языках не означает, однако, аналогичного объема. Так, в некоторых языках категория лица глагола осложняется дополнительными социальными моментами. Например, во французском и русском языках формы второго лица множественного числа используются как формы вежливости. А в корейском языке рядом с категорией лица (которая грамматически практически не выражена) развилась даже грамматическая категория социальной ориентации, позволяющая пятью различными глагольными «формами вежливости» передавать отношение говорящего к различным лицам (к ребенку, родственнику, другу, незнакомцу, к старшему и т.д.).

Глаголом может быть выражено и отношение к объекту действия, с чем связано такое его свойство, как переходность. В некоторых языках (например, картвельских, абхазско-адыгейских) лицо объекта имеет самостоятельное выражение, отличное от лица субъекта.

В языках флективного типа с богатой морфологией существует и классификация глаголов по формально-грамматическим разрядам, определяющим типы их спряжения. Например, в русском языке – глаголы первого и второго спряжения, в германских языках – сильного и слабого спряжения.

В языках флективного типа с богатой морфологией существует и классификация глаголов по лексико-грамматическим разрядам, обозначающим способ глагольного действия, например, способы глагольного действия в русском языке: начинательный – *запеть*, ограничительный – *постоять*, многократный – *хаживать*, окончательный – *отзвучать* и др.

Наиболее интересные и в то же время наиболее сложные явления интерференции возникают, однако, не на уровне языка как системы, а на уровне узуса, в процессе реализации языка в речи, когда в силу интерференции фонетически, лексически, грамматически и даже интонационно грамотная речь на иностранном языке покрыта налетом чужого. В ней не оказывается того, что должно было бы быть в речи носителя языка, и, напротив, может возникнуть то, чего в речи носителя языка, скорее всего, не было бы (Гарбовский, 2004, с. 317).

2.4.2. Явления билингвизма и интерференции в переводе

Явление билингвизма и сопутствующее ему явление интерференции не чуждо и переводческой деятельности. «Перевод – это языковой контакт и одновременно явление билингвизма». Перевод – это «предельный случай билингвизма, редкий со статистической точки зрения, где сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организованно; случай, когда говорящий билингв сознательно борется против любого отклонения от лингвистической нормы, против любой интерференции...» (Мунэн, 1978, с. 37). Иначе говоря, для переводческого билингвизма характерны понимание негативных явлений интерференции, знание приемов ее преодоления, стремление к сознательному и последовательному противодействию отрицательной интерференции.

Перевод – это ситуация билингвизма особого рода. Если обычно билингв пользуется то одним языком, то другим в зависимости от ситуации общения, то при переводческом билингвизме в условиях опосредованной коммуникации переводчик использует два контактирующих языка. В процессе перевода оба языка не только присутствуют, но и соотносятся друг с другом в акте речи и функционируют практически одновременно, благодаря механизму переключе-

чения с лингвокультуры одного социума на язык и культуру другого социума. «Именно эта соотнесенность, и в первую очередь соотнесенность на уровне узуса и нормы, и образует языковую базу переводческой компетенции» (Швейцер, 1988, с. 26).

В отличие от условий одноязычной коммуникации, переводческая деятельность направлена не на создание или восприятие первичного текста (оригинала), а на воссоздание текста-оригинала на языке перевода. Цель переводческой деятельности есть создание вторичного текста – текста перевода. Имея дело со сложным языковым и речевым знаком – текстом, с воссозданием на языке перевода уже существующего речевого произведения (оригинала), переводчик оказывается во власти не только двух систем языков, но и уже материализованного в знаках одного из этих языков высказывания/текста как сложного знака лингвокультуры. Следовательно, интерференция проявляется как взаимодействие, взаимовлияние на уровне дискурса, на уровне текстовых стратегий и конвенций, имеющих лингвистическую и этнокультурную составляющую.

В переводе осуществляется как контакт, так и столкновение культур на когнитивно-культурологическом уровне. Но не только культуры одного народа с культурой другого как объективных способов жизнедеятельности народов, а и культуры исходного этноса, субъективно воспринятой и описанной автором оригинала в рамках текста, с субъективными представлениями переводчика о чужой культуре и об особенностях ее интерпретации автором оригинала. Автор оригинального речевого произведения создает некую модель как результат отражения воспринимаемого фрагмента действительности. Эта модель – продукт его индивидуальной когнитивной и творческой деятельности. Именно эту модель и должен декодировать переводчик, обратившись к тексту оригинала. Именно эта авторская (субъективная) отраженная модель действительности, а не сама объективная действительность

воспроизводится в переводе, получает свое материальное воплощение в тексте перевода с помощью знаков языка, которые выражают обобщенное представление о том или ином фрагменте действительности (Гарбовский, 2004, с. 320).

В процессе декодирования оригинала и на этапе порождения текста перевода переводчик делает выбор исходя из культурно-когнитивных и ситуационных соображений. Без культурно-когнитивной компетенции, которая включает, среди прочего, умение использовать языковые средства на основе определенных представлений, и без учета ситуационных факторов, иными словами, тех внешних обстоятельств, в которых осуществляется акт коммуникации и которые релевантны для каждого отдельного случая, «переводчик не сможет десубъективизировать исходный текст и объективизировать текст перевода адекватно новой ситуации» (Львовская, 2008, с. 112).

Коммуникативная ситуация создается прежде всего самими коммуникантами: автором исходного текста, переводчиком и реципиентом перевода, их соответствующими личностями, их манерой бытия и общения, их интересами, мотивами и целями. Помимо этого существует ряд обстоятельств, которые влияют на речевое и неречевое поведение каждого из них и отражаются на стратегии и выборе переводчика. Среди этих обстоятельств – тема, место и время коммуникации, социальные роли коммуникантов и, конечно же, условия работы переводчика.

Культурно-когнитивные и ситуационные факторы не действуют по отдельности, их разделение условно в целях анализа. «Они частично перекрываются, образуя единую группу коммуникативных факторов, которые иногда обобщенно именуют коммуникативной ситуацией» (Львовская, 200, с. 113).

«Культурно-когнитивные факторы могут быть сведены в первом приближении к:

- пресуппозитивным, энциклопедическим и фоновым знаниям переводчика и представлениям переводчика о соответствующих знаниях двух других участников коммуникативного акта как представителей их соответствующих культур;

- концептуальным знаниям переводчика и его представлениям о концептуальных знаниях двух других участников коммуникативного акта как представителей их соответствующих культур;

- знаниям переводчика о нормах речевого и неречевого поведения, включая текстовые конвенции и их соотношение с концептуальными системами в двух культурах.

Эти факторы всегда будут релевантными, какой бы ни была коммуникативная ситуация; единственное, что может изменяться, это степень релевантности каждого из упомянутых факторов.

Факторы, которые мы условно обозначаем как “ситуационные”, варьируют от одного коммуникативного акта к другому. К ним относятся:

- знания переводчика о конкретной теме коммуникации;

- знания переводчика об авторе исходного текста как индивиде (его индивидуальном восприятии мира, отношении к теме, его социального статуса и т.д.);

- представление об индивидуальной манере автора достичь целей своей речевой деятельности, которые переводчик формирует в процессе десобъективизации исходного текста;

- знания переводчика об остальных обстоятельствах, которые могут оказаться релевантными в конкретном случае;

- знания об адресате как индивиде (его индивидуальном восприятии мира и т.п.) и представления переводчика об его индивидуальной коммуникативной деятельности, на-

целенной на десубъективизацию текста перевода (прогнозирование трудностей с которыми он может столкнуться);

– переводчик как субъект деятельности: “внутренние” факторы или самодетерминация (переводчик как индивид и профессионал, его индивидуальное восприятие мира и т.п.) и условия работы.

...Функционирование факторов, обуславливающих деятельность переводчика, имеет гибкий характер принятия решений в рамках шкалы допустимых возможностей, ограниченной функционально-интенциональной программой автора исходного текста и приемлемостью текста перевода в принимающей культуре» (Львовская, 2008, с. 113–114, 117).

Каждое воплощение текста оригинала в тексте перевода несет отпечаток индивидуальности переводчика. Вариативность, корректность, равнозначность воплощения в переводе исходной авторской модели действительности зависит не только от вариативной способности языка-речи, но и от компетентности и мастерства переводчика. Интерпретируя оригинал, переводчик пытается расшифровать субъективные смыслы исходного текста, оперируя общими, то есть объективными, смыслами знаков. Но его интерпретация также субъективна. Она подчинена его собственному когнитивно-культурологическому опыту в родной и иноязычной культуре, его умению понять частное, субъективное через общее объективное. Именно поэтому один и тот же текст может быть понят разными людьми по-разному, поэтому в практике художественного перевода множественные переводы одного и того же произведения – обычное дело (Гарбовский, 2004, с. 272). В том числе многочисленны варианты переводов поэтических текстов. Приведем в качестве примера два варианта перевода 130-го сонета У. Шекспира.

W. Shakespeare
Sonnet 130

My mistress' eyes are nothing like the sun;
Coral is far more red then her lips' red;
If snow be white, why then her breasts are dun;
If hairs be wires, black wires grow on her head.
I have seen roses damasked, red and white,
But no such roses see I in her cheeks,
And in some perfumes is there more delight
Than in the breath that my mistress reeks.
I love to hear her speak, yet well I know
That music hath a far more pleasing sound;
I grant I never saw a goddess go –
My mistress when she walks treads on the ground.
And yet, by heaven, I think my love as rare
As any she belied with false compare.

У. Шекспир 130-й сонет

Перевод Владимира Васильева

Глаза любимой солнце не затмят,
С кораллом не соперничают губы,
Снег белизной ее груди не брат,
И волосы, как проволока грубы,
Вы на щеках возлюбленной моей
Ни алых роз, ни белых не найдете;
Духи благоуханней для ноздрей,
Чем дух, что от ее исходит плоти.
Я голосом ее прельщен весьма,
Но музыке я столь же жадно внемлю.
Полет богинь – гармония сама,
Моя любовь простую топчет землю.
И все ж она тех женщин мне милей,
Которым златоусты льют елей.

У. Шекспир 130-й сонет

Перевод Александра Шаракшанэ

Глаза любимой – вовсе не светила,
Кораллом губ ее не назовешь,
Грудь белизною снега не затмила,
А черный волос с проволокою схож.
Видал я розы всякие когда-то,
Но роз в ее щеках не нахожу.
И есть куда приятней аромату,
Чем тот, что отличает госпожу.
Хоть слышать голос мне ее по нраву,
В нем музыка отроду не жила,
Как ходят боги, я не знаю, право,
Но у любимой поступь тяжела.
И все ж, клянусь, моя любовь пре-
красна,
Хоть пышной лжи не слышит еже-
часно.

В процессе перевода как процессе взаимодействия и столкновения родной и вторичной лингвокультуры переводчику приходится преодолевать «лингвоэтнический барьер»: расхождения языковых систем исходного языка и языка перевода, расхождения речевой нормы/узуса, действующих в коллективах носителей исходного языка и языка перевода, расхождения коммуникативно релевантной преинформации носителей исходного языка и языка перевода, то есть экстралингвистических знаний, которые используются при восприятии и интерпретации текста, в том числе культурно-исторической информации и информации об актуальных текущих событиях, а также несовпадение устойчивых привычек в области восприятия, интерпретации и построения текста (Латышев, 1988; Латышев Л.К., Семенов, 2003).

Под влиянием исходного языка, текста оригинала как сложного языкового знака и как речевого произведения, асимметричности концептов, лежащих в основе языковых форм и отражающих национальную специфику мировидения, расхождения объема фоновых знаний коммуникантов, в тексте перевода появляется отрицательная, или деструктивная интерференция.

Примерами проявления отрицательной интерференции в деятельности переводчика на уровне текста могут служить, например, буквализм (искажение смысла оригинала в тексте перевода при автоматическом перенесении лексических единиц и синтаксических структур, например: *Notre Dame de Paris* (фр.) – «наша дама из Парижа», а не *Собор Парижской Богоматери*), появление в тексте перевода «ложных друзей переводчика» (слов, которые в исходном языке и языке перевода имеют одинаковую или схожую форму, но разное значение, например, *Princess Golitzyne* (англ.) – *принцесса Голицына*, а не *княжна Голицына*, *der Zentner* (нем.) – *центнер*, а не *пятьдесят килограмм*, *journal* (фр.) – *журнал*, а не *газета*), нарушения стилистических

норм, а также искажение эмоционально-оценочного настроения речевого произведения, его тональности.

В качестве примера искажения эмоционально-оценочного настроения речевого произведения, его тональности сошлемся на сопоставительный анализ поэтического произведения – стихотворения Н. Heine «Ein Fichtenbaum» (входящего в цикл «Мечты о далекой возлюбленной») и его перевода – стихотворения М.Ю. Лермонтова «Сосна»:

Ein Fichtenbaum
Н. Heine

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh!
Ihn schläfert, mit weißer Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.

Er träumt von einer Palme,
Fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert,
Auf brennender Felsenwand.

Сосна
М.Ю. Лермонтов

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

«Гениальный М.Ю. Лермонтов несколько “подпортил” своим переводом известное стихотворение Генриха Гейне о северном кедре, тоскующем о далекой юной пальме... В переводе Лермонтова о прекрасной пальме тоскует... сосна» (Тер-Минасова, 2004, с. 203). Противопоставление двух грамматических родов *der Fichtenbaum* (кедр) – *die Palme* является инвариантным элементом содержания. Непередача этого противопоставления уводит восприятие в несколько иной аллегорический план. На передний план выходит мотив одиночества, тоски по родственной душе (Латышев, Семенов, 2003, с. 99). Редакция М.Ю. Лермонтова «сделана в эпическом, сказочном тоне и, по-видимому, совершенно сознательно создает благодушное настроение», уничтожая трагическую концепцию оригинала, «вытравливая в переводе все трагическое» и заменяя трагический тон оригинала красивой романтикой. «...Сущность стихотворения

Гейне сводится к тому, что некий мужчина, скованный по рукам и ногам внешними обстоятельствами, стремится к недоступной для него и тоже находящейся в тяжелом заточении женщине, а сущность стихотворения Лермонтова – к тому, что некое одинокое существо благодушно мечтает о каком-то далеком, прекрасном и тоже одиноком существе». Достигается это (среди прочих приемов) накоплением эпитетов, отсутствующих в оригинале. Если стихотворение Гейне «отличается крайней сдержанностью языка: ни одного лишнего слова, отчего каждое слово приобретает удивительную значимость», то в стихотворении Лермонтова накопление эпитетов создает «то сказочное очарование, которое пленяет нас в стихотворении в связи с его основной темой о сказочном прекрасном “далеко”». В результате внесенных изменений появляется оригинальное произведение. «Лермонтовское стихотворение является хотя и прекрасной, но совершенно самостоятельной пьесой, очень далекой от своего оригинала» (Щерба, 2007, с. 367–378).

Совершенно иначе воспринимается перевод Ф.И. Тютчева того же стихотворения:

*На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.
Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет одинока....*

Сохранив авторскую направленность, оппозицию родов, поэту удается передать тоску о любви (Латышев, Семенов, 2003, с. 98).

ЧАСТЬ III

ВИДЫ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА

В теоретическом плане выделение отдельных видов перевода связано с разработкой частных и специальных теорий перевода, раскрывающих специфику каждого вида перевода. В практическом плане классификация видов перевода дает основу для специализации переводчиков на определенных видах переводческой деятельности.

При построении классификаций видов перевода могут учитываться различные критерии. Мы рассмотрим некоторые из них, представляющиеся наиболее интересными для переводчика технических и естественнонаучных дисциплин.

3.1. Классификация видов перевода по субъекту переводческой деятельности

К критериям, представляющим интерес для переводчика технических и естественнонаучных дисциплин относится, в частности, критерий субъекта переводческой деятельности, позволяющий разграничить традиционный перевод, выполняемый человеком, машинный, или точнее, компьютерный перевод и смешанный перевод.

Машинный перевод, или точнее, компьютерный перевод – это перевод, выполненный компьютерной программой. Современные компьютерные программы перевода достаточно совершенны, но они до сих пор не могут разрешить самую сложную задачу процесса перевода: выбор контекстуального варианта, который в каждом тексте обусловлен многими причинами. В настоящее время результат этого перевода в

лучшем случае может быть использован как черновой вариант будущего текста, который будет создавать и редактировать переводчик, а также как средство, чтобы в крайней ситуации отсутствия переводчика получить общее представление о теме и содержании текста.

Смешанный перевод – это перевод, выполненный с использованием традиционной и компьютерной переработки текста. В данном случае речь идет об использовании компьютера как еще одного инструмента, обеспечивающего осуществление процесса перевода с помощью информационных и справочных материалов, размещенных в Интернете.

3.2. Классификация видов перевода по способу восприятия исходного текста и презентации текста перевода

Функционирование общения в двух формах, устной и письменной, и направленность осуществления процесса перевода от оригинала (исходного текста) к тексту перевода обусловили разработку классификации видов перевода по способу восприятия текста оригинала и презентации текста перевода, или по каналу связи. Согласно классификации видов перевода по способу восприятия оригинала и презентации перевода выделяются письменная и устная формы перевода.

3.2.1. Письменный перевод

Письменный (зрительно-письменный) перевод – наиболее распространённый вид профессионального перевода, при котором восприятие исходного (переводимого) текста осуществляется зрительно, а оформление текста перевода – письменно.

В письменном переводе соотношение языков в процессе межъязыкового общения обычно остается неизменным.

Для письменной переводческой деятельности характерна специализация переводчиков на переводе с определенного языка (односторонний перевод).

При письменном переводе, имея дело с фиксированными (печатными) текстами, переводчик располагает временем, чтобы обратиться за справкой к необходимым материалам, может относительно продолжительное время работать над переводом, корректируя избранные варианты и выбирая оптимальный. Использование дополнительных источников информации: словарей, справочников, различных баз данных, возможность проконсультироваться у специалистов или других переводчиков, а также тщательная обработка, редактирование перевода позволяют передать исходный текст на языке перевода с большей точностью, достичь более высокого уровня эквивалентности тексту оригинала, чем при устном переводе.

Особо отметим в качестве дополнительного источника информации ресурсы Интернета. Использование компьютера и ресурсов Интернета позволяет значительно расширить информационно-тематический поиск в деятельности переводчика. Переводчик может использовать электронные словари, системы автоматизированного перевода on-line; найти публикации по теме перевода; посетить профессиональные форумы переводчиков и задать необходимые вопросы; войти в чат и найти носителя языка для получения лингвистических или этнокультурных сведений; просмотреть последние сообщения по теме перевода для уточнения терминологии и расширения знаний по специальности; использовать для профессионального общения с коллегами электронную почту и т.д.

Кроме того, в ситуации перевода письменного текста переводчик обладает перспективным знанием всего текста, приступает к переводу, располагая информацией всего текста. Прочтение и анализ текста строятся от общего, целого к деталям, частному, проходят без излишней торопливости,

поэтапно, до тех пор, пока переводчик не установит тип смысловых отношений между элементами текста и не подберёт эквивалентные, адекватные средства их отражения в тексте перевода в соответствии с контекстуальным окружением и жанрово-стилистической принадлежностью текста.

С другой стороны, в письменном переводе не всегда можно учесть в таком же объеме, как при устном переводе, факторы, связанные с личностью отправителя и с личностью получателя: участники подобного коммуникативного акта удалены друг от друга в пространственном и/или временном отношении.

В ситуации письменного перевода функции переводчика может дублировать и редактор текста перевода. Коммуникативные действия редактора по корректировке отдельных фрагментов уже переведенного текста в ряде случаев реализуются в форме редакторских примечаний и комментариев преимущественно культурологического характера.

В целом же для письменного перевода в отличие от устного характерна релевантность меньшего числа признаков, составляющих условия осуществления акта перевода. Так, устный перевод детерминирован еще целым рядом специфических требований, предъявляемых именно к устному переводу. К таким требованиям можно отнести темп речи переводчика, объем переводимой информации, недопустимость повторов-улучшений, использование специфических переводческих приемов в некоторых ситуациях перевода.

3.2.2. Устный перевод

В отличие от письменного перевода под понятием устный перевод объединяют все виды перевода, предполагающие восприятие и оформление текста в устной форме.

При устном переводе переводчик ограничен во времени, поэтому на первое место выступает хорошая реакция переводчика, умение переключаться с одного языка на другой и

его умение быстро отыскивать необходимые эквиваленты и объединять их в соответствующие структуры на основе поверхностных синтаксических связей, обусловленных актуализацией подобранных единиц.

Дополнительная сложность вызвана и особой психологичностью непосредственно «живого» контакта между участниками акта устного перевода.

Одноразовое устное предъявление оригинала и порождение текста перевода в виде серии однократных актов исключает возможность возвращения к оригиналу или существенных исправлений перевода. Невозможность обратной корректировки, редактирования представляет дополнительные трудности при опосредованной устной коммуникации.

Характер протекания переводческой деятельности при устном переводе создает определенные ограничения для достижения максимальной эквивалентности и обуславливает некоторые потери информации, как при восприятии переводчиком оригинала, так и при выборе варианта перевода.

Внешние факторы и неречевое поведение (мимика, жесты, позы, движения коммуникантов) во многом могут помочь переводчику. Однако не надо забывать, что они имеют национальную специфику и интерпретация одних и тех же элементов неречевого поведения может различаться у разных народов. Как следствие, может появиться потребность в языковой компенсации дифференциала неречевых действий носителей исходного языка и носителей языка перевода.

В рамках устного перевода различают устный последовательный и синхронный перевод.

3.2.2.1. Последовательный перевод

Устный последовательный перевод исторически предшествовал синхронному переводу. Расцвет последовательного перевода приходится на период между Первой и

второй мировыми войнами, когда многосторонняя дипломатия пользовалась фактически двумя рабочими языками – английским и французским, особенно в Лиге Наций. Когда после Второй мировой войны возникла Организация Объединенных Наций с пятью официальными языками, очень скоро стало ясно, что последовательный перевод крайне неэкономичен (Чернов, 2007, с. 5). И на международных конференциях он уступил место синхронному переводу.

В отличие от синхронного перевода, в последовательном переводе восприятие речи на исходном языке и порождение речи на языке перевода разделены во времени. А следовательно, усиленно загружается и работает память, поскольку оказывается необходимым удержать в памяти значительный отрезок оригинала (или перевода), что приводит к тому, что последовательный перевод осуществляется, как правило, с опорой на переводческую запись (Чернов, 2007, с. 5).

Устный последовательный перевод может осуществляться после прослушивания всего текста или фрагмента текста, высказывания. Последний вид устного последовательного перевода называется абзацно-фразовым.

Последовательный абзацно-фразовый перевод – это вид перевода, при котором оригинал переводится не после прослушивания всего текста целиком, а по абзацам или фразам в паузах, специально делаемых выступающим или участником беседы для перевода. Продолжительность звучания речи до паузы произвольна и по времени может охватывать как несколько секунд, так и несколько минут. А пауза, выделенная для перевода, должна быть сведена до минимума.

К обязательным требованиям в устном переводе относится его высокая скорость. В среднем она должна находиться у верхнего предела скорости восприятия устной речи. Если оратор говорит быстро, она должна быть равна речи оратора. Если он говорит медленно, переводчик должен гово-

речь быстрее оратора. Паузы между речью переводчика и речью оратора должны быть сведены до минимума.

В научном общении широко распространен перевод научных сообщений, речей, докладов с предварительной подготовкой, что значительно облегчает труд переводчика. В этом случае, как правило, заранее можно получить текст всего доклада и, изучив его и поработав со словарями и справочниками, подготовиться к переводу.

При подготовке к устному переводу переводчику необходимо получить от заказчика информацию о теме встречи, о предыстории обсуждаемых на встрече вопросах, возможных выступающих. Значимыми для понимания и последующего перевода являются корректно составленные коммуникативные портреты автора перевода и адресата перевода. Составлению портрета адресанта и адресата способствуют, с одной стороны, знания о принадлежности оратора к определенной лингвоэтнокультуре, научной школе, предыдущие выступления и печатные работы, социальный статус и т.д., с другой стороны, знания о составе аудитории, для которой будет переводиться высказывание.

При последовательном устном переводе, особенно если он выполняется не по фразам или абзацам, а после всего текста, большая нагрузка падает на память. Память переводчика, ее развитие и тренированность в значительной степени определяют качество последовательного перевода.

Однако даже тренированная память не может гарантировать полного и точного воспроизведения подлинника, если текст оригинала велик. А исходное сообщение при последовательном переводе, как правило, достаточно развернуто во времени и является преимущественно монологом.

Традиция непрерывного последовательного перевода всего текста по завершении выступления оратора, существовавшая на международных конференциях (например, известный случай перевода речи французского дипломата Андре Франсуа-Понсе в Лиге Наций продолжительностью в 2,5 ча-

са), потребовала для памяти вспомогательного средства. Таким вспомогательным средством оказалась переводческая запись. Техника записей в последовательном переводе выдвинулась на передний план в западных школах, поскольку организаторы международных конференций категорически высказывались за «непрерывный» последовательный перевод, при котором оратор, не прерывая своего выступления полностью, произносит речь, после чего наступает очередь переводчика.

Переводческая запись не имеет ничего общего ни с конспектом или протоколом, ни со стенографией. Переводческая запись эффективна только при немедленном воспроизведении воспринятого текста. Использование стенографии повлекло бы дословное воспроизведение, то есть отказ от основных принципов перевода. Будучи системой записей, основанной на слове, она помешала бы переводчику сосредоточиться на основных мыслях, развиваемых в речи и, следовательно, дать корректный перевод (Van Hoof, 1962, с. 71; Selescovitch, 1975, с. 84).

Жан Эрбер отмечал, что даже лучшие специалисты стенографии не могут охватить взглядом несколько строчек, что нетрудно при обычной буквенной записи и тем более с использованием большого числа символов. А это бывает необходимо, когда следует, например, сократить речь, ликвидировать повторы и т.д. Помимо этого невозможно достаточно быстро исправить или дополнить стенографические записи, когда оратор вносит правки или перестраивает фразу, если она оказалась неоконченной, если ее смысл был изменен в ходе речи. И наконец, даже лучшим специалистам стенографии не удастся прочесть свою запись в том темпе и с той выразительностью, которые необходимы для перевода (Herbert, 1952, с. 37–38).

Система, базирующаяся на записи слов, а не мыслей, неизбежно создает предпосылки для дословного перевода, снижает интеллектуальную активность в момент восприятия

(нет необходимости отбирать лексический материал для записи), порождает значительные трудности при оформлении перевода (Миньяр-Белоручев, 2005, с. 4).

Конспект или протокол имеют другой недостаток: они фиксируют не каждую мысль, не каждую произнесенную фразу. Они суммируют несколько мыслей, иногда много фраз и извлекают из них главное, наиболее существенное. Переводчик же не имеет права заниматься отбором «главных мыслей», отбрасывая целые фразы. Он имеет право находить более краткие формулировки высказанного, но обязан передавать слушателям все оттенки каждой выраженной мысли (Миньяр-Белоручев, 2005, с. 4).

Переводческая запись имеет двойную ценность: на этапе перевода она дает возможность сконцентрировать внимание на всех важных моментах/отрезках высказывания, стимулирует интеллектуальную активность и тем самым предполагает запоминание, а при передаче сообщения на языке перевода она помогает восстановить смысл высказывания (Миньяр-Белоручев, 2005, с. 3; Selescovitch, 1975, с. 87).

Необходимость зафиксировать каждую мысль (но не каждое слово) оратора, независимо от темпа его речи, обуславливает краткую форму записи. Количество записей меняется в зависимости от сложности текста.

Согласно Р.К. Миньяр-Белоручеву (2005), переводческая запись может осуществляться в нескольких формах, а именно:

а) формулирование высказывания, как правило, на языке перевода на основе смыслового анализа мысли, высказанной оратором, и фиксация при этом элементов речи, которые могут быть опорами памяти при воспроизведении и которые представляют определенную трудность для запоминания (например, даты, имена собственные). В ходе анализа выделяется наиболее важная информация (слова, имеющие наибольшую семантическую нагрузку), преобразовывается

второстепенная информация (трансформация лексического материала) и фиксируются трудно запоминаемые реалии. Наиболее важную информацию, как правило, несут субъект и предикат. Например, следующее сообщение, воспринятое на слух: *12 тысяч рабочих промышленных предприятий Сен-Назера приняли участие в митинге протеста против решения администрации местного металлургического завода об увольнении 240 рабочих* – может быть представлено в записи следующим образом: *12 000 (рабочих) Сен-Назера митингуют против увольнения 240 (рабочих);*

б) сокращенная запись слов в буквенном выражении. Ведется такая запись на родном языке. Возможность осуществления такой записи базируется на известном положении теории информации об избыточности языка. Избыточность языка дает возможность записывать не все буквы в слове. В русском языке такими буквами являются гласные в середине слова, насчитывающего более четырех букв. Например, *нстиц дмкртя это цн вещь, как нпрмр, рыба цн прдкт. Но гнл рыба см стрш яд. Гнл дмкртя, мы вдм это на прмре истри, првдла к особо прстпнм ржмм.* Помимо опущения гласных, мы видим, что прилагательные могут быть записаны еще более сокращенно и без окончаний. Не обязательна запись и удвоенных согласных;

в) вертикальное расположение записи с учетом синтаксических связей предложения, обеспечивающее экономичность и наглядность переводческой записи. Вертикальное расположение записей предполагает запись группы подлежащего на первом месте, а ниже с некоторым отступлением вправо – группы сказуемого и т.д. Однородные члены предложения располагают столбиком, что позволяет отказаться от целого ряда соединительных и разделительных союзов (*и, да, или, либо*). При этом порядок слов при записи может не соответствовать порядку слов исходного предложения. Например, предложение *«18 марта 1871 года в Париже впервые в истории человечества была установлена дикта-*

тура пролетариата» может быть записано в переводческой записи следующим образом:

*Диктатура пролетариата
была установлена в Париже
18 марта 1971 года
впервые в истории человечества;*

г) широкое использование знаков и символов, обозначающих не одно слово, а группу понятий, объединенных по ряду признаков.

Использование символов обусловлено наличием таких характеристик, как экономичность, наглядность и универсальность. Экономичность заключается в простоте их графического изображения. Наглядность символов в том, что они воспринимаются легче, чем слова, и легко ассоциируются с обозначаемыми словами. Универсальность символов проявляется в том, что они являются носителями лексического значения (независимо от языка-источника). «Значительное преимущество большинства знаков и символов заключается в том, что они не принадлежат никакому определенному языку и могут легко быть записаны при восприятии одного языка, а прочитаны на другом, так же как и цифры» (Herbert, 1952, с. 38). Символы индифферентны или гибки в плане грамматического значения, то есть один и тот же символ в зависимости от контекста может указывать различные части речи: сказуемое, прилагательное, существительное. Например, символ *-o-*, сложившийся из изображения рукопожатия, легко ассоциируется со словами *дружба, дружить, дружный; сотрудничество, соглашение, договор, взаимодействие* и т.д. Для передачи некоторой необходимой грамматической информации в записях предусматривается закрепленный порядок слов или условные знаки.

К устному последовательному переводу относят и устный перевод на слух докладов и сообщений, а также дру-

гих типов текстов, зафиксированных на том или ином носителе (аудиопленке, CD) в устной форме.

3.2.2.2. *Синхронный перевод*

К видам устного перевода принадлежит также синхронный перевод. Первый опыт применения синхронного перевода относится к 1928 году, когда данный вид перевода был использован в Советском Союзе на VI конгрессе Коминтерна. Однако до конца Второй мировой войны он так и не стал профессиональным видом деятельности. Датой рождения синхронного перевода как профессионального вида деятельности принято считать Нюрнбергский процесс. Широкое распространение синхронного перевода обусловлено его экономичностью во времени, «ибо синхронный перевод позволял экономить время, практически не затрачивать вообще дополнительного времени на перевод». С возникновением наряду с последовательным переводом синхронного перевода «произошла как бы специализация». «Последовательный перевод сохранился как инструмент обслуживания двусторонней дипломатии, двусторонних отношений. Синхронный перевод обслуживает многостороннюю дипломатию и шире – многосторонние отношения» (Чернов, 2007, с. 13).

Синхронный перевод – это «такой вид устного перевода, который осуществляется одновременно с восприятием сообщения на языке оригинала с помощью технических средств в специально оборудованной кабине и в процессе которого – в условиях дефицита времени – на единицу текста перерабатывается информация ограниченного объема» (Чернов, 2007, с. 13). «Особенность синхронного перевода, отличающая его от всех остальных видов перевода, заключается именно в том, что его основная и в сущности единственная цель – обеспечить общение между разноязычными участниками акта коммуникации в момент совершения этого акта» (Чернов, 2007, с. 46).

Для синхронного перевода, так же как и для последовательного абзацно-фразового характерно осуществление устного перевода после однократного предъявления текста оригинала. Однако если при абзацно-фразовом переводе выделяется определенный временной отрезок – пауза для осуществления деятельности переводчика, хотя и довольно ограниченная, то при синхронном переводе переводчик поставлен еще в более жесткие условия. Ему приходится осуществлять перевод до завершения отдельного фрагмента текста оригинала, зачастую и до завершения высказывания-предложения, что обусловлено ограниченностью процесса перевода (перекодирования сообщения) крайне сжатыми сроками осуществления перевода (перевод в условиях острого дефицита времени) – «средней величиной отставания (несколькими секундами)» перевода от речи оратора. «Процесс перевода начинается и заканчивается одновременно (или практически одновременно) с речью оратора». Для деятельности переводчика-синхрониста характерна «одновременность процессов слушания и говорения», одновременность восприятия, интерпретации, понимания исходного текста и создание текста перевода, что можно рассматривать как осуществление данных процессов «в условиях “шума”, “помех”» (Чернов, 2007, с. 11, 47).

При синхронном переводе переводчик находится в изолированной кабине и оратора видит либо издали через специальное окно, либо на экране монитора, а слышит его речь через наушники. Как правило, синхронные переводчики работают в паре, сменяясь каждые 10–20 минут.

Помимо указанного вида синхрона существует, так называемый шепотный синхрон. В этом случае переводчик работает не на широкую аудиторию, а с отдельным лицом и переводит тихо, вполголоса или шепотом информацию, значимую для реципиента.

Общим для абзацно-фразового и синхронного перевода является односторонняя направленность, то есть перевод

только с одного языка на другой (в международной практике, как правило, с иностранного языка на родной). И этим данные виды перевода отличаются от двустороннего перевода.

3.2.2.3. Двусторонний перевод

Двусторонний устный перевод представляет собой последовательный перевод переговоров, беседы, осуществляемый в условиях непосредственного контакта с обоими коммуникантами, когда разноязычные коммуниканты обмениваются репликами, поочередно выступая в роли адресанта (автора высказывания) и адресата (реципиента). В этом случае переводчик осуществляет перевод попеременно в двух направлениях, а именно: с исходного языка на язык перевода и с языка перевода на исходный язык.

Хотя в этом случае каждый акт перевода направлен в одну сторону – от адресанта к адресату, исходный язык постоянно меняется, и от переводчика требуется умение переводить с каждого из языков, которыми пользуются коммуниканты. И здесь переводчику вдвойне важно владеть механизмом переключения с переводящего языка на язык перевода, а затем с языка перевода на исходный язык.

3.2.2.3. Смешанные виды перевода

Помимо видов перевода, указанных выше, принято выделять также смешанные виды перевода. К ним относят перевод с листа и письменный перевод на слух.

Перевод с листа (зрительно-устный перевод) – вид устного перевода, при котором переводчик воспринимает текст зрительно, то есть имеет перед глазами оригинал, и зрительно предъявляемую информацию преобразует в устное сообщение (текст) на языке перевода. Сложность данного вида перевода заключается в том, что переводчик должен без подготовки (без предварительного прочтения данного текста

целиком) или с подготовкой, ограничиваемой несколькими минутами (дающими переводчику получить самое общее представление о тексте), перевести текст, как бы считывая его «с листа».

Данный вид перевода осуществляется как последовательно, так и синхронно. При последовательном переводе процессы восприятия текста и оформления текста перевода следуют, чередуясь один за другим. Вначале переводчик читает про себя предложение, а затем переводит его. После чего приступает к следующему предложению. При зрительно-устном синхронном переводе происходит одновременное оформление перевода одного предложения и восприятие следующего предложения исходного текста. В данном случае мы наблюдаем те же явления, что и при синхронном устном переводе при восприятии оригинала на слух.

Письменный перевод на слух – это письменный перевод текста, воспринятого на слух. В настоящее время данный перевод существует, главным образом, как учебный вид перевода в виде упражнений, например, перевод диктантов или письменный перевод аудиозаписи. Как переводческая деятельность такой вид перевода может быть необходим при переводе телефонограмм, записей, сделанных на пленку, радио- и телепередач, переговоров, конференций и различных собраний и заседаний.

Такова номенклатура видов перевода по способу восприятия переводимого текста и презентации текста перевода. Как видим, она довольно разнообразна. Следует отметить, что при наличии ряда общих умений каждый из вышеуказанных видов перевода требует формирования своих собственных, специальных умений. Учитывая преимущество и сложность формируемых умений различных видов перевода, в обучении переводу принята следующая последовательность: письменный перевод – устный перевод (перевод с листа – абзацно-фразовый перевод – синхронный перевод).

3.3. Функционально-типологическая классификация видов перевода

Вышеприведенная классификация отражает лишь формальную сторону функционирования текстов перевода, а именно: устную или письменную форму. Отбор и систематизация текстов перевода может быть построена и с учетом типологического и функционального критериев, то есть с учетом жанрово-стилистического своеобразия и основной коммуникативной функции текста.

3.3.1. Классификация видов перевода по функции текста

Согласно основной функции текста (функции сообщения, воздействия и общения) выделяют следующие функциональные виды перевода: художественный перевод, перевод религиозных сочинений и информативный (специальный, прагматический, нехудожественный) перевод (Виноградов, 2001).

Художественный перевод охватывает все жанровое разнообразие художественной литературы (проза, поэзия, фольклор), литературной критики и публицистики. У художественных текстов две основные взаимосвязанные текстообразующие функции: воздействия и эстетическая. В таких текстах особое значение приобретает форма изложения. В литературе воплощается не только и не столько рациональное, сколько художественное и эстетическое познание действительности. От того, как и в какой форме материализуется содержание, зависит эстетическая ценность произведения и уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя. В художественных текстах используются единицы и средства всех стилей, но все эти стилевые элементы включаются в особую литературную систему и приобретают новую, эстетическую функцию. Конечно, художественные тексты подразделяются на виды, например, соответствующие

литературным жанрам. У каждого из видов окажется своя художественная и функциональная специфика. Тем не менее, независимо от жанра текста, основная задача переводчика художественных текстов – передать художественно-эстетические достоинства оригинала, создать равноценный художественный текст на языке перевода. «От художественного перевода ожидается аналогия формы и эстетического воздействия» (Райс, 1978, с. 225).

Любопытна точка зрения, согласно которой художественные произведения подвержены проверке временем и изменениям в соответствии с духом и влиянием времени. Поэтому одна и та же тема или художественный образ нуждаются в новых осмыслениях, и каждое новое поколение нуждается в новом переводе одного и того же художественного произведения – примерно через 30–50 лет (Ившин, 2005).

Близкий к художественному переводу по своим текстообразующим функциям и имеющий многовековую традицию перевод религиозных сочинений охватывает перевод канонических книг Священного Писания, Жития святых, теологических сочинений и т.п. и имеет свои традиции. Интересным представляется тот факт, что на сегодняшний день Библия переведена более чем на две тысячи языков мира.

Художественному переводу и переводу религиозных сочинений противопоставляется информативный перевод. Информативным (нехудожественным, специальным) переводом называется перевод текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-либо сведений, определенной информации, а не в художественно-эстетическом воздействии на читателя. К таким текстам принято относить все материалы за исключением художественной литературы и религиозных сочинений. Основная задача переводчика таких текстов – наиболее полная передача содержащейся в них информации, обеспечение инвариантности на уровне содержания.

Деление на художественный перевод, перевод религиозных сочинений и информативный перевод указывает лишь на основную функцию оригинала, которая должна быть воспроизведена в переводе. Фактически же в каждом из этих основных видов перевода выделяются более мелкие подвиды со своими особенностями, влияющими на выбор переводческой стратегии. Так, к информативному (нехудожественному, специальному, прагматическому) переводу можно отнести научный перевод, перевод официально-деловых и общественно-информативных текстов, а также неформальный перевод – перевод разговорных бытовых текстов. Особенностью разговорных текстов является то, что они реализуются в устной диалогической форме и ориентированы, как правило, на личные отношения.

Перевод официально-деловых текстов охватывает перевод государственных, административных и юридических документов, деловой переписки. Указанные документы регулируют отношения людей как членов общества. Как правило, данные тексты существуют в письменной регламентированной форме и отличаются от устных форм официально-делового общения. Последние реализуются в диалогической или полилогической речи и имеют свою специфику.

В качестве ещё одного подвида информативного перевода выделяется перевод общественно-информативных текстов, включающих документы общественно-политического, социально-культурного характера. Они содержат самую различную информацию, проходящую по каналам массовой коммуникации: газетам, журналам, радио и телевидению. Их главная функция – сообщение. Например, информативную функцию имеют такие сообщения, как «новости», «вести». Конечно, в средствах массовой информации есть и тенденциозные тексты, рассчитанные на обработку общественного мнения. Это так называемые пропагандистские тексты. Однако функция сообщения остаётся в них основной, преобладающей над функцией воздействия. Форма

этих текстов чаще всего письменная, а на радио или телевидении они ретранслируются в устной форме.

Научным переводом называется перевод текстов специальных отраслей знаний и назначения сфер деятельности человека, например, в сфере экономики, экологии и т.д.

В переводе научных текстов важно в первую очередь, хотя и не исключительно, ориентироваться на передачу «информативного содержания», «обеспечение инвариантности на уровне плана содержания». «...Заложенная в тексте информация должна быть передана в переводе в полном виде и в соответствии с законами и нормами языка перевода». «Язык перевода доминирует, поскольку... информационное содержание... читатель должен получить в первую очередь в привычной языковой форме» (Райс, 1978, с. 214, 218).

Среди научных текстов в рамках академического подстиля научного стиля выделяют, прежде всего, тексты специальные, рассчитанные на профессионалов, и, во-вторых, в рамках научно-популярного подстиля научного стиля – научно-популярные тексты, предназначенные для массового читателя.

Научно-популярные тексты отличаются общедоступным изложением материала по различным отраслям знания. «Авторы популярной литературы временами также имеют склонность к “литературному творчеству”. Решающей характеристикой популярных текстов является, однако, следующее: предметная правильность, достоверность информации и современность языка. Правда, авторы таких текстов используют и специальную терминологию и фразеологию (с различной частотностью). Однако решающим для дифференциации и для языкового оформления является в конечном счете круг читателей, на который ориентируется автор» (Райс, 1978, с. 214). К. Райс полагает, что если автор обращается к специалистам (в учебниках или специальных изданиях), то при переводе главное – точная передача предметных значений. Если же он обращается к широкому кругу непро-

фессионалов, интересующихся определенным предметом (научно-популярные книги, журналы широкого профиля), то повышенное внимание следует уделять стилистической стороне текста (Райс, 1978, с. 214). Последнее положение представляется спорным, поскольку в переводе воссоздаются все виды информации, в том числе и стилистическая.

В текстах той или иной области знания или сферы общения выявляются общие черты. Тексты, имеющие общие черты, рассматриваются как определенные типы текстов – речевые жанры. Например, в научном общении выделяются такие речевые жанры, как научная статья, реферат, аннотация, лекция, доклад и т.д.

Научному дискурсу присуща функция сообщения и ориентации на логически последовательное, объективное и доказательное изложение содержания. Научные тексты реализуются главным образом в письменной форме. Устные выступления на конференциях, съездах, симпозиумах, как правило, воспроизводят письменный оригинал, составленный заранее. Согласно мнению К. Райс, при переводе радиодоклада необходимо сохранять не только инвариантность на уровне содержания, но и приспособлять речевой синтаксис к потребностям языка перевода (Райс, 1978, с. 224).

3.3.2. Прагматика информативных видов перевода

Специфика перевода информативных текстов в значительной степени определяется не только функцией и своеобразием исходного текста, но и прагматикой, задачей, предназначением перевода. Перевод всегда функционально задан, он осуществляется в определенных целях. Коммуникативный эффект, ожидаемый заказчиком перевода, может не совпадать с коммуникативным эффектом, задуманным автором оригинала. Цели перевода могут быть различными, и соответствующие им тексты перевода будут принципиально отличаться друг от друга. Как справедливо отмечает

З.Д. Львовская, с момента получения заказа на перевод начинают действовать факторы, обуславливающие деятельность переводчика. В этом смысле перевод всегда социально детерминирован. Заказ уже предполагает наличие данных (обобщенных в большей или меньшей степени) о будущем адресате текста перевода (издательство, журнал, газета, фирма, которые заказывают перевод, или адресат/адресаты устного перевода). Более того, заказ определяет сам тип двуязычной деятельности, иными словами, будет ли она эквивалентной (перевод) или гетеровалентной (порождение текста перевода, который будет иметь отличную коммуникативную функцию и, следовательно, отличную от исходного текста концептуальную программу (Львовская, 200, с. 106).

Стремясь выполнить определенную задачу, которую он полученную от заказчика, в интересах и по поручению которого осуществляется перевод, «переводчик оказывается перед выбором: либо ориентироваться на автора исходного речевого произведения, отождествляя себя с ним и “своего” получателя с получателем оригинального произведения и пытаться вызвать у своего получателя аналогичный коммуникативный эффект, то есть осуществить прагматическое уподобление переводного текста оригинальному, либо ориентироваться только на “своего получателя”, стремясь создать тот коммуникативный эффект, который предполагает новая коммуникативная ситуация». Если переводчик придерживается второй стратегии, то изменяется прагматическое значение оригинала (Гарбовский, 2004, с. 394).

В научном переводе «специалисты, работающие в различных областях теории и практики, нередко предъявляют к переводам требования особого, нетрадиционного характера. Выполнение этих требований делает перевод неадекватным семантико-стилистической “фактуре” и основной коммуникативной функции оригинала, но вместе с тем адекватным информационному запросу определенного типа. В подобных случаях коммуникативные интенции, опреде-

ляющие коммуникативные функции и тем самым структурно-смысловые и стилистические особенности текста перевода, исходят от получателя перевода и необязательно совпадают с коммуникативными интенциями отправителя оригинального сообщения». Однако если данные тексты «...правильно передают требуемый аспект информации, заключенный в иноязычном тексте, то есть реализуют коммуникативную установку, инициируемую получателем, их следует признать полноправными переводами...» (Ванников, 1988, с. 37–38), хотя они, конечно же, не являются «собственно переводами». Когда переводчик сознательно изменяет коммуникативный эффект, к которому стремились авторы исходных речевых произведений, происходит «прагматическое преобразование» исходного текста. В результате такого преобразования текст перевода начинает выполнять новую функцию, что приближает его к другим видам языкового посредничества (Гарбовский, 2004, с. 395–397).

Учет указанных особенностей делает закономерным рассмотрение процесса перевода как создание информационно-коммуникативного текста. При этом текст перевода выступает как информационная единица, соответствующая и ограниченная поставленной коммуникативной задачей.

Коммуникативно-функциональная прагматика научной сферы общения обуславливает возможность следующей классификации видов перевода.

В зависимости от целей перевода, задающих, в частности, способ перевода, выбираемый переводчиком, и структурно-семантическую организацию текста, информация в тексте перевода может быть представлена как в полном объеме, так и в неполном, свернутом, усечённом виде, частично. А это позволяет различать следующие виды перевода: полный (сплошной) перевод, направленный на полное транскodирование текста оригинала, передающий смысловое содержание оригинала без пропусков и сокращений, и неполный перевод, передающий смысловое содержание оригинала с

пропусками и сокращениями. Полный перевод применяется для передачи исходных текстов, содержание которых имеет настолько высокую значимость для адресата, что информация должна быть донесена до реципиента переводного текста во всем объеме. И в данном случае мы имеем дело с общепринятым понятием перевода («собственно перевод»).

В рамках неполного перевода выделяют фрагментарный перевод, сокращенный, адаптированный и резюмирующий перевод, предполагающие определенные преобразование информации текста. Такие виды перевода «представляют собой синтез собственно переводческого процесса с другими видами переработки текстов: реферированием, аннотированием, комментированием, поисковым чтением и т.д.» (Ванников, 1988, с. 38).

Так, фрагментарный перевод представляет собой перевод не целого текста, а лишь отдельного отрывка или отрывков текста. Однако выделенный для перевода отрывок выполняется в технике полного перевода.

Сокращенный перевод – это перевод, для которого характерно опущение при переводе отдельных частей оригинала по моральным, политическим, идеологическим или иным соображениям практического характера. При этом предполагается, что переводимые части оригинала передаются коммуникативно равноценными отрезками речи на языке перевода, хотя весь оригинал воспроизводится лишь частично.

Адаптированному переводу присуща частичная экспликация (упрощение и пояснение) структуры и содержания оригинала в процессе перевода с целью сделать текст перевода доступным для восприятия отдельными группами реципиентов, не обладающих достаточными познаниями, профессиональным или жизненным опытом, необходимыми для полноценного понимания оригинала. Наиболее часто в информативном переводе подобная адаптация связана с тем,

что перевод сложного научного текста предназначается для широкого круга неспециалистов.

Резюмирующий перевод – это перевод, предполагающий определенные преобразования информации текста в соответствии с целью перевода, диктуемой заказчиком. Данный вид перевода с наибольшим основанием может быть отнесен к адаптивному транскодированию. И как таковой может быть не связан даже с частичным функциональным или структурным отождествлением исходного и конечного текстов. Он предназначен для более или менее полной передачи содержания иноязычного оригинала в такой форме, которая необходима для достижения цели коммуникации и задается определенным видом транскодирования в соответствии с социальным заказом. Эта цель может заключаться как в оказании желаемого воздействия на определенного адресата, так и в извлечении из исходного текста определенной части информации. Естественно, такой перевод может быть оценен скорее по критерию адекватности, чем эквивалентности.

Резюмирующий перевод ориентирован на заданный объем и характер информации и осуществляется путем составления различных форм передачи информации, воплощаемых в типах текстов (аннотациях, рефератах, резюме, обзорах и т.д.), связанных с отбором и перегруппировкой информации и изложением ее на языке перевода. Для каждого из этих типов текстов задаются примерный объем и правила изложения материала, облегчающие восприятие переданной информации. Представление этих типов текстов на языке перевода позволяет (с известной долей условности) относить их к особым видам перевода, по крайней мере, в сфере информативного, в частности научного, перевода, где такие виды перевода стали признанной практикой, обусловленной прагматикой научного общения.

В отличие от полного перевода задача резюмирующего перевода – передача на языке перевода текста оригинала в целях общего ознакомления или ознакомления с основным

содержанием (ключевой информацией), когда те или иные детали не являются коммуникативно значимыми. Объем текста перевода, его лексико-семантический, синтаксический и стилистический образ различаются и адаптируются к жанрово-стилистическим нормам определенных типов текстов языка перевода.

Техника резюмирующего перевода представляет собой передачу информации исходного текста на языке перевода путем функционального преобразования единиц оригинала. Функциональное преобразование может основываться на лексико-семантических, грамматических и стилистических трансформациях исходного текста, примененных в целях его общего сокращения и упрощения. В рамках резюмирующего перевода отметим следующие его виды:

- аннотационный перевод (перевод-аннотация) – перевод, в котором отражаются лишь главная тема, предмет и назначение переводимого текста;

- реферативный перевод (перевод-реферирование) – перевод, содержащий относительно полные сведения о реферируемом документе – его назначении, тематике, методах исследования, полученных результатах;

- аспектный перевод – перевод лишь части текста в соответствии с каким-либо заданным признаком отбора (аспектом);

- консультативный перевод – вид информативного перевода, выполняемый в присутствии заказчика, уточняющего по ходу перевода интересующие его аспекты содержания текста оригинала. Данный вид перевода осуществляется обычно в устной форме, включает элементы аннотирования, реферирования, выборочного перевода с листа.

3.4. Способы перевода

В рамках функциональной классификации представляется целесообразным рассмотреть, каким способом может осуществляться тот или иной вид перевода. В основе техники полного перевода может быть использован дословный, семантический (контекстуальный) или ситуативный (коммуникативно-прагматический) перевод, степень эквивалентности которых отличается по ряду параметров.

Дословный (пословный) перевод заключается в словном воспроизведении исходного текста в единицах языка перевода, при котором синтаксическая структура исходного языка заменяется аналогичной структурой языка перевода. При буквальном переводе грамматика и порядок слов оригинала имеют доминирующее значение по сравнению с языком перевода. Например: *He was in London two years ago.* – *Он был в Лондоне два года назад.* Примером дословного перевода может служить и перевод интернациональных фразеологизмов: *the sword of Damocles* – *épée de Damoclès* – *Дамоклов меч.* Дословный перевод представляет собой довольно распространенную форму. Переводчик стихийно стремится прибегать, прежде всего, к формальным элементам, использовать словарные эквиваленты, воспроизводить в переводе морфологические формы и синтаксические конструкции, сохранять порядок слов подлинника там, где это не противоречит структуре, норме и узусу языка перевода. Однако нередко приходится отказываться от дословного перевода (механической подстановки слов языка перевода, аналогичных словам исходного языка) из-за различных факторов. Дословное воспроизведение форм подлинника может привести к стилистическим отклонениям, а также к искажению смысла или нарушению норм и узуса языка перевода. Данное явление называется буквализмом. Напомним выше приведенный пример: *Notre Dame de Paris* – *Наша дама из Парижа* (а не *Собор Парижской Богоматери*).

Дословный перевод достаточно часто используется в целях лингвистического анализа (поскольку позволяет передать информацию о синтаксической структуре оригинала), в комментариях к непереводимой игре слов или фразеологических единиц (при этом сопровождается пометкой «буквально» или «дословно»), при переводе поэтических произведений как подстрочник.

В целом ряде случаев и ситуаций общения дословный перевод неприменим, поскольку он может противоречить смыслу, нормам или узусу языка перевода. В этих случаях используются семантический или ситуативный (коммуникативно-прагматический) перевод.

Семантический (контекстуальный) перевод заключается в передаче точного контекстуального значения фрагмента оригинала. При этом можно выделить две стратегии. В первом случае используемые языковые средства ориентированы на язык перевода. Например, перевод английского местоимения *you* будет иметь варианты *ты/вы* в зависимости от контекста. А перевод английского фразеологизма «*It rains cats and dog*»s будет иметь эквиваленты «*Льет, как из ведра*» в русском языке и «*Il pleut à verse*» во французском языке. Словосочетание «*in the dead night*» следует переводить «*глубокой ночью*» на русский язык и «*en pleine nuit*» на французский. Выражение «*indian summer*» имеет соответственно эквиваленты «*бабье лето*» и «*été indien*». А слово *сутки* – *24 hours* (англ.) и *24 heures* (франц.). Как видим, в приведенных примерах стратегия перевода ориентирована на способ выражения, принятый в языке перевода. Данная стратегия применяется к общеупотребительным лексико-грамматическим элементам исходного текста, таким как стандартные синтаксические структуры, пунктуация, длина предложений, типичные метафоры, союзы, широко распространенные общекультурные и научно-популярные термины и выражения, зачастую зафиксированные в словарях.

Несоответствия двух языков (семантические и синтаксические ограничения) преодолеваются благодаря использованию соответствий, зафиксированных в словарях, переводческих закономерностей, правил перевода.

Однако есть и такие случаи, когда контекстуальный перевод элемента, фрагмента текста не может быть выражен на основе уже зафиксированных соответствий и требует творческого подхода переводчика по поиску варианта, соответствующего контексту (узкому, широкому, ситуативному, лингво-культурологическому).

Вариантом семантического перевода является и стратегия, ориентированная на лингвокультуру исходного языка, на сохранение особенностей исходной формы выражения знака, фрагмента оригинала. Цель данной стратегии – передать малейшие нюансы авторского стиля, авторского замысла. Она уместна при переводе нестандартных, авторских оборотов, оригинальных стилистических приемов, необычной лексики. Применяется при переводе художественной литературы, ориентирована на специфику, форму знака, фрагмента исходного текста и сохраняет как можно больше его особенностей, вплоть до буквального перевода.

Ситуативный (коммуникативно-прагматический) перевод представляет собой создание текста перевода с адекватным исходному воздействием на адресата. Коммуникативный перевод всецело ориентирован на реципиента (адресата), обеспечивая ему простую и ясную передачу исходного сообщения в привычной для него форме в стандартных ситуациях общения. Он представляет собой «прагматически обусловленное преобразование». «Прагматически обусловленные преобразования имеют своей целью достижение в тексте перевода коммуникативного эффекта, эквивалентного тому, который может быть выявлен в тексте оригинала. В результате преобразования этого типа сохраняется прагматическое значение исходной единицы, в то время как семантические и синтаксические значения могут полностью или

частично изменяться» (Гарбовский, 2004, с. 395). При этом «изменение семантической структуры вызвано не произволом переводчика, а объясняется когнитивными и культурологическими причинами» (Львовская, 2007, с. 25).

В отличие от различных типов адаптивного транскодирования (например, реферирования) коммуникативно-прагматическом перевод не допускает ни сокращений, ни упрощений исходного материала.

Коренное отличие коммуникативно-прагматического перевода от семантического перевода заключается в способе преодоления переводческих трудностей. При семантическом переводе несоответствия двух языков преодолеваются благодаря использованию переводческих трансформаций, переводческих соответствий, правил перевода, выявленных и изученных в теории перевода для конкретной пары языков. При коммуникативно-прагматическом переводе используются эквиваленты по ситуации общения. В стандартизованных, стереотипных ситуациях общения ситуативный перевод обязателен и давно закреплён в языке, носит клишированный характер. При помощи ситуативного перевода переводятся такие клише, как разного рода надписи, сигнальные знаки, дорожные указатели, формулы вежливости и т.д. Например:

Осторожно, двери закрываются – Watch the door, please!

Keep clear of the door!.

Здравствуйте! – How do you do?

Угощайтесь! – Help yourself!

Правильно! Правильно! – Hear! Hear!

Осторожно, злая собака! – Beware of the dog!

По газонам не ходить! – Keep of the grass!

Осторожно, окрашено. – Wet paint/

Тихий ход, дорожные работы. – Slow, men at work.

Выделение дословного, семантического, ситуативного (коммуникативно-прагматического) перевода не означает их противопоставления или изолированности. Разграничение их

относительно. Как правило, большинство сложных текстов переводится с применением различных способов. Предпочтение одного из них определяется критерием оптимальной эквивалентности

ЧАСТЬ IV

НОРМАТИВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ПЕРЕВОДА

4.1. Норма перевода в различные исторические эпохи

Проблема нормы и качества перевода, как и многие другие проблемы теории перевода, поднималась неоднократно на протяжении всей истории переводческой деятельности. И хотя данная проблема решалась неоднозначно, однако можно отметить, что в основе тех или иных критериев оценки перевода, выдвигаемых отдельными исследователями перевода или представителями переводческих школ, сколь разнообразными они ни были бы, прослеживается функциональная направленность. Функциональная направленность проявляется в том, что норма перевода отражает те цели, которым служит переводческая деятельность в данную эпоху и в конкретном социуме, и в данной конкретной культуре, и те причины, по которым текст перевода создается именно тем или иным образом как речевое произведение. Норма перевода отражает соответствие как самой переводческой деятельности, так и текста перевода как результата данной деятельности, общепринятым взглядам на цели и задачи перевода в данный момент времени (с исторической точки зрения) и характер невольных или сознательных отклонений от этой нормы. А качество текста перевода определяется степенью соответствия речевого произведения переводческой норме. «Социальная норма перевода представляет собой совокупность наиболее общих правил, определяющих выбор стратегии перевода. Эти правила в конечном счете отражают те требования, которые общество предъявляет к переводчику» (Швейцер, 1988, с. 19).

Понятие нормы, будучи относительно статичным в определенную эпоху, в исторической перспективе является относительно подвижным. И в разные исторические эпохи представления о нормативных требованиях к тексту перевода различаются. Известное латинское изречение «*Tempora mutantur et nos mutamur in illis*» (Времена меняются, и мы меняемся с ними) можно отнести и к переводу: «*Tempora mutantur et translatio mutatur in illis*» (Времена меняются, и перевод меняется с ними). Не будучи раз и навсегда заданными, нормативные требования перевода «варьируются от культуры к культуре, от эпохи к эпохе и от одного типа (жанра) текста к другому» (Швейцер, 1988, с. 19).

Текст перевода в качестве единицы знакового общения представляет собой особым образом организованную содержательно-смысловую целостность. Данная целостность может быть определена как система элементов функционально, то есть по некоторой причине и для некоторой цели (целей) общения, объединенная в единую иерархическую структуру (иерархию коммуникативных программ) общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением) (Дридзе, 1995, с. 81) участников общения. В соответствии с переводческой традицией при создании текста перевода такими участниками общения «соавторами перевода» являются либо переводчик, автор оригинала и реципиент перевода, либо переводчик и реципиент (заказчик) перевода (позиция автора оригинала могла сознательно игнорироваться). Соответственно выбиралась та или иная переводческая стратегия.

На самых ранних этапах переводческой деятельности в ней проявлялись две разные тенденции. Исследователи полагают, что уже 2000 лет, со времен великого писателя и оратора Рима Марка Тулия Цицерона (106–43 гг. до н.э.), первым противопоставившим вольный и буквальный перевод, переводчики спорят, какой из них предпочтительнее, вольный или буквальный и что следует понимать под вольным и буквальным переводами.

Первая тенденция – тенденция буквального перевода связана с переводом богословских сочинений, и в первую очередь Библии. Рассматривая данные сочинения как священные, как «слово Божье», где не только каждое слово, но и порядок слов есть таинство, переводчики-богословы стремились к максимально дословному буквальному переводу Священного Писания, то есть созданию текста перевода как сложного иконического знака. «Буквализм ранних переводов Библии проистекал... не столько из сознательного теоретического принципа, сколько из пиетета, из “трепета” перед библейскими текстами» (Дридзе, 1995, с. 81).

Вторая тенденция связана с переводом светской литературы. В переводе светских сочинений с античных времен доминировал вольный (свободный) перевод. Первым защитником вольного перевода выступил Цицерон. В предисловии к переводу речей «О венке» Демосфена и Эсхила с греческого языка на латинский он пишет: «...я не счел необходимым передавать слово словом, но я сохранил смысл и силу слов. В самом деле, я полагал, что читателю важно получить не то же число, а, так сказать, тот же вес... И если, как я надеюсь, мне удалось передать эти речи, сохранив все их достоинства, т.е. высказывания, фигуры и конструкции речи, и следуя словам, однако лишь до той степени, пока они не противоречили нашему вкусу, и если мы не перевели все слова греческого текста, мы постарались воспроизвести смысл» (цит. по: Гарбовский, 2004, с. 69).

Противопоставление буквального и вольного перевода сохранилось и в более позднее время, когда выбор одной из переводческих стратегий определялся не характером переводимого текста, а позицией переводчика, его пониманием цели и содержания переводческой деятельности.

Сторонники буквального перевода полагали, что задача перевода заключается в максимальном копировании исходного текста. Их оппоненты возражали, считая, что буквальный перевод не создает полноценного текста на языке

перевода. Они отстаивали право переводчика вносить изменения в целях создания полноценности текста перевода.

Анализ истории перевода показывает, что противоречивость в понимании нормы перевода, правил перевода существовала всегда. Английский исследователь Т. Сэвори при попытке свести воедино требования, предъявляемые к переводу различными авторами, получил целый список взаимоисключающих принципов, отражающих изменчивость переводческой нормы, а именно:

1	Перевод должен передавать слова оригинала	Перевод должен передавать мысли оригинала
2	Перевод должен читаться как оригинал	Перевод должен читаться как перевод
3	Перевод должен отражать стиль оригинала	Перевод должен отражать стиль переводчика
4	Перевод должен читаться как произведение, современное оригиналу	Перевод должен читаться, как произведение, современное переводчику
5	Перевод не должен допускать добавления и опущения	Перевод может допускать добавления и опущения
6	Перевод стихов должен осуществляться в прозе	Перевод стихов должен осуществляться в стихах

(Комиссаров, 1999, с. 107–108)

Вариативность переводческой нормы в исторической перспективе отражает результат своеобразия социально-исторического развития каждого отдельного социума. Данное своеобразие обуславливает состояние словесности нации (например, период становления, формирования национального литературного языка или его расцвета) и соответствующие ему представления общества о корректности, правильности или изяществе перевода, требования религиозной, политической или переводческой цензуры («навязанного соавторства», «переводческого своеволия» по отношению к автору оригинала), которые приводят к сознательному откло-

нению от оригинала. Например, во французской переводческой школе «прекрасных неверных» XVIII века, в целях «точности, ясности и приятности» восприятия перевода публикой, переводчик вовсе не стремился воссоздать оригинал. «Переводя «Илиаду» в стихах, я ставил себе целью дать публике французскую поэму ... и полагал, что могу достигнуть этой цели только в том случае, если поэма будет короткой, интересной и свободной по крайней мере от больших недостатков. ... Я часто позволял себе большую смелость: выпускал целые книги, изменял порядок событий и даже осмелился измышлять некоторые эпизоды... Я сократил количество книг в «Илиаде» с двадцати четырех до двенадцати, и они у меня гораздо короче, чем у Гомера... Я думаю, что в моем сокращенном переводе они (важнейшие части действия) образуют более правильное и более впечатляющее целое, нежели у Гомера» (Удар де ла Мот, 1985, с. 372).

«С точки зрения современной семиотической теории перевода, “прекрасных неверных” можно рассматривать как интересный образец прагматически адекватного перевода. Переводчики обликвали смыслы, извлеченные из оригинального произведения, в ту форму, которая оказывалась наиболее приемлемой для получателей перевода, форму, которую надеялся, ожидал получить читатель» (Гарбовский, 2004, с. 129).

Для русских переводчиков XVIII века также характерны многочисленные переделки – «склонение на русские нравы» (замена иностранных имен на русские, замена бытовых деталей, обстановки действия) (Федоров А.В., 1960, с. 9). Та же тенденция прослеживается и в XIX веке, о чем свидетельствуют, в частности, некоторые русские переводы, «в которых текст перевода подвергался полной русификации». Например, приписываемый О.И. Синковскому перевод баллады Бернса «Джон Ячменное Зерно» выполнен ритмизированной прозой в духе русской народной былины и включает элементы русского просторечия (*бусурманы, известь*), что

позволяет расценивать его скорее «как стилизованное пере-
ложение»:

Были три царя на Востоке,
Три царя сильных и великих,
Поклялись они, бусурманы,
Известь Ивана Ерофеича Хлебное зернышко.
И вырыли они глубокую борозду, да и бросили его в нее,
И навалили земли на его головушку,
И клялись они, бусурманы,
Что извели Ивана Ерофеича Хлебное зернышко
(Швейцер, 1988, с. 19).

Обоснование «переводческого сотворчества» (и как следствие прагматически адекватного перевода) отражено и в концепции перевода В.Г. Белинского. Он признавал два «рода» перевода: «...их должно быть два: один, имеющий целью по возможности заменение подлинника и в художественном, и в историческом, и в литературном отношениях; другой, имеющий целью ознакомление публики с великим драматургом» (речь идет о пьесах Шекспира). Второй род перевода служит как бы промежуточной ступенью и нацелен на просвещение и формирование вкусов публики, поскольку большинству публики Шекспир пока не доступен в настоящем своем виде. «Переводчик должен строго сообразовываться со вкусом, образованностию, характером и требованиями публики. Вследствие этого... он не только имеет право, но обязан выкидывать все, что непонятно без комментария... для уразумения чего нужно особенное изучение... Если бы искажение Шекспира было единственным средством для ознакомления его с нашей публикою – и в таком случае не для чего было церемониться; искажайте смело, лишь бы успех оправдал ваши намерения» (Белинский, 1960, с. 197–198).

Другим примером функциональной predeterminedности социального характера нормы перевода, ее функцио-

нальной прагматики могут служить требования переводческой цензуры религиозного характера. Религиозная цензура проявлялась, главным образом, при столкновении культур, отличавшихся ярко выраженной конфессиональной направленностью. Об этом, в частности, свидетельствуют факты соприкосновения христианского и мусульманского мира в период Средневековья. В эту эпоху широко известные сюжеты подвергались то христианизации, то исламизации в зависимости от того, для какой аудитории соответствующая версия предназначалась. Показательна в этом отношении пользовавшаяся большой популярностью в средневековом мире дидактическая повесть «Стефанит и Ихнилат», восходящая к индийскому сборнику притч «Панчатантра», пересказанному по-арабски под названием «Калила и Димна», а затем переведенному на греческий язык и воспринятому многими литераторами. Хотя упомянутые повести не являются собственно христианскими, но в переводах им был сообщен настолько сильный назидательный характер, что, будучи формально светскими, эти книги все же стоят ближе к христианской литературе (Хухуни, Валуйцева, 2006, с. 33–38).

«Переводческая коррекция» или «переводческое соавторство» в тексте перевода имеет место и тогда, когда при передаче исходного текста наблюдается столкновение автостереотипа (представления адресата перевода о себе) с гетеростереотипом (представлением автора оригинала об адресате перевода) (Там же). Примером может служить следующий факт. При переводе трактата С. Пуффендорфа, в котором давались характеристики народам Гавриила Бужинский (один из сподвижников Петра I) опустил описание представления автора о русских, не совсем лестное для национального самолюбия. Интересной была реакция государя на переводческую вольность. Не найдя данного описания, «государь с гневом обратился к переводчику: «Глупец, что я тебе приказывал сделать с этой книгой?» «Перевести», – отвечал тот. «Разве это переведено, – возразил царь. – Тотчас поди, –

прибавил Петр, – сделай, что я тебе приказал, и переведи книгу, как она в подлиннике есть» (Пекарский, 1873, с. 328, цит. по: Хухуни, Валуйцева, 2006, с. 35).

Своеобразным проявлением функциональной нормированности перевода может служить и переводческая цензура политической направленности. Она выражается в идеологизации перевода.

В качестве примера приведем перевод английской народной баллады «King John and the Abbot», выполненный С.Я. Маршаком, «Король и пастух» (XX век, социалистическая Россия), и для наглядности сравним его с переводом, сделанным Ф.Б. Миллером «Король и аббат» (старинная английская баллада) (70-е годы XIX столетия, царская Россия).

С точки зрения идеологизации перевода, представляет интерес фрагмент, выделенный Г.М. Хухуни (2006, с. 36–37) курсивом в тексте оригинала, в переводе С.Я. Маршака и в переводе Ф.Б. Миллера.

Оригинал:

When I am set so high in my steed
With my crown of gold upon head
Amongst all my nobility, with joy and much mirth,
Thou must tell me to one penny what I am worth

*For thirty pence our Saviour was sold
Amongst the false Jews, as you have been told,
And nine and twenty's the worth of thee,
For I think thou art one penny worser than he.
(За тридцать пенсов наш Спаситель был продан/
Среди вероломных евреев, как вам об этом этом рас-
сказывали/
Твоя же цена – двадцать девять пенсов/
Ибо я полагаю, что ты на один пенни стоишь дешевле)*

Перевод Ф.Б. Миллера:

Во-первых, когда средь вельмож во дворце
Явлюсь я в порфире и царском венце,

Тогда премудрость твоя нам откроет,
Чего твой монарх приблизительно стоит.

*Господь наш Спаситель, скажу я в ответ,
Был продан евреям за тридцать монет;
За двадцать девять назначу примерно:
Одною хоть меньше вы стоите верно.*

Перевод С.Я. Маршака:

Вопросы такие: когда средь вельмож во дворце
Явлюсь я в порфире и царском венце,
Тогда премудрость твоя нам откроет,
Чего твой монарх приблизительно стоит.

*Пастух королю отвечает с поклоном:
Цены я не знаю
Коронам и тронам.
А сколько ты стоишь, –
Спроси свою знать,
Которой случалось тебя продавать!*

Если мы сравним фрагменты, выделенные курсивом, с исходным текстом, то увидим, что они различаются функциональной направленностью, эффектом коммуникативного воздействия на адресата.

Согласно современной теории перевода текст перевода, «собственно перевод» должен соответствовать ряду условий, а именно:

- быть эквивалентным исходному тексту в коммуникативно-функциональном отношении;
- быть в максимально возможной мере (не противоречащей первому условию) семантико-структурным аналогом исходного текста;
- не содержать «компенсирующих» отклонений от исходного текста, выходящих за пределы меры переводческих трансформаций (Латышев, Семенов, 2003, с. 53).

Следовательно, с точки зрения современной теории перевода (ограничивающей свободу переводчика в рамках «собственно перевода» мерой переводческих трансформаций, обеспечивающих культурно-когнитивную приемлемость перевода в принимающей культуре и не допускающих, в частности, искажение смысла оригинала, функционально-интенциональной программы автора исходного произведения), переводом правомерно было бы назвать только перевод Ф.Б. Миллера. А вариант С.Я. Маршака представляет собой слишком радикальное изменение авторского замысла, и, как следствие, слишком радикальное изменение авторского способа подачи содержания, «украшательство» с идеологической подоплекой и скорее может быть расценен не как перевод, а как самостоятельное оригинальное произведение. В данном произведении нарушается «коммуникативный эффект первичного текста», искажается оригинал на минимально достаточном для перевода уровне эквивалентности – уровне цели высказывания. Помимо этого, в указанном фрагменте искажена система смыслов оригинала и внесена коннотация, отсутствующая в исходном тексте.

В рамках современной переводческой парадигмы радикальные изменения авторского способа подачи содержания, даже если подобные изменения могут сделать для носителей языка перевода текст более привычным и соответствующим их лингвокультурным навыкам, представляются недопустимыми. Встречающиеся порой еще и сейчас излишне вольные переводы художественных произведений (особенно стихотворных), а иногда и текстов других жанров могут быть объяснены, с одной стороны, игнорированием требования максимально возможной семантико-структурной близости исходному тексту, с другой – крайне узким представлением переводчика о сущности коммуникативно-функциональной эквивалентности. Такой переводчик считает чуть ли не единственно важным, чтобы текст перевода как можно лучше звучал по-русски, а мыслительно-содержательная адекват-

ность перевода оригиналу его волнует значительно меньше (Латышев, Семенов, 2003, с. 52–54). В переводе С.Я. Маршак мышлительно-содержательная адекватность уступает место «волюнтаривной адекватности» переводчика.

Современное переводоведение, как и предшествующие переводческие школы, исходит из функциональной направленности перевода. При этом разработка вопросов теории перевода, и в частности вопроса нормы перевода, ведется в рамках коммуникативной парадигмы лингвокультурного общения. Коммуникативные (культурно-когнитивные) нормы перевода не устанавливают статичные критерии, а выступают в качестве «фильтров», которые ограничивают произвол переводчика и устанавливают пределы, за которыми текст перевода уже не может рассматриваться в качестве перевода данного текста (Львовсзая, 2007, с. 159–160).

В качестве таких фильтров – базовых критериев соответствия норме перевода современная теория перевода оперирует понятиями эквивалентности и адекватности перевода.

4.2. Эквивалентность перевода

Эффективность опосредованной лингвокультурной коммуникации во многом определяется степенью близости текста перевода оригиналу. Вопреки презумпции идентичности текста перевода и оригинала, бытующего у широкой публики, специалистам известно, что коммуникативное приравнивание разноязычных текстов в процессе перевода сопровождается более или менее существенными опущениями, добавлениями и изменениями, подпадающими под понятие «адаптация внутри перевода» и обусловленными культурно-когнитивными расхождениями этносов. Переводчику постоянно приходится решать, какими элементами оригинала можно пожертвовать, чтобы сделать возможным полноцен-

ное воспроизведение других, коммуникативно более значимых частей текста или целого текста.

Одним из центральных понятий теории перевода, позволяющих оценить текст перевода является понятие эквивалентности перевода. «Одним из требований, издавна выдвигаемых теорией и практикой перевода, является требование эквивалентности текстов – исходного и конечного... Эквивалентность перевода является нормативным понятием... одной из наиболее важных онтологических черт перевода» и довольно часто присутствует в определениях перевода (Швейцер 1988, с. 78). Различные понимания эквивалентности отражают эволюцию взглядов на сущность перевода, а понятие эквивалентности распространяется на отношения фрагментов и микроединиц исходного и переводного текстов и на отношения данных текстов в целом (Я.И. Рецкер, 2004; В.Н. Комиссаров, 1980; А.Д. Швейцер, 1988; Латышев, Семенов, Catford, 1965; Nida, Taber, 1969; Koller, 1983; Jäger, 1975 и др.).

Термин «эквивалентность» (от лат. *aequivalens* – *равносильный, равнозначный*) употребляют для обозначения всевозможных отношений типа равенства, то есть отношений, обладающих свойствами рефлексивности (отражения), симметричности и транзитивности. Полный изоморфизм может быть только между абстрактными, идеализированными объектами. Изоморфизм связан не со всеми, а лишь с некоторыми фиксированными в познавательном акте свойствами и отношениями сравниваемых объектов, которые в других отношениях и свойствах могут отличаться (Философский сл., 1991, с. 531, 155).

В теории перевода слово «эквивалентный» означает являющийся эквивалентом, равноценный, равнозначный, равносильный, заменяющий что-либо в каком-либо отношении. Соответственно эквивалент – это нечто равноценное, равнозначашее, равносильное, заменяющее что-то в каком-либо отношении (Гарбовский, 2004, с. 265).

Понятие «эквивалентность», в первую очередь, относится к результату перевода, то есть к тексту перевода, и означает соответствие, равнозначность текста перевода тексту оригинала и предполагает их взаимозаменяемость. Помимо этого понятие эквивалентность может относиться к сегменту текста или микроединицам текста как текстовым единицам перевода.

Эквивалентность перевода на уровне текста – это категория, отражающая оптимально возможную величину полноты и точности передачи информации, системы смыслов оригинала в тексте перевода при отсутствии их тождества.

Текст – это информационная единица. А значит, равнозначность/эквивалентность оригинала и текста перевода достигается при наиболее полном и идентичном воссоздании (в границах возможного) в тексте перевода всей разнообразной информации, содержащейся в тексте подлинника. Данная информация должна быть передана и сохранена в тексте перевода таким образом, чтобы вызвать общность понимания, единый коммуникативный эффект у реципиентов, представителей двух разных этнокультур. И эта общность понимания, ее коммуникативная значимость должна распространяться на информацию, воздействующую на разум и чувства адресата, и обуславливать аналогичные ассоциации.

В идеале цель эквивалентного перевода должна была бы состоять в исчерпывающей передаче коммуникативно-прагматической (функционально-интенциональной инвариант), смысловой (инвариант плана содержания, смысл текста), семантико-структурной (семантики текстовых единиц и синтаксических структур), жанрово-стилистической (текстуально-нормативной/дискурсивной и коннотативной) и ассоциативно-образной составляющих переводимого текста. (Ср. пять видов эквивалентности В. Коллера: денотативная эквивалентность (*referential, or denotative equivalence*), предусматривающая сохранение содержания текста (в переводческой литературе – «содержательная инвариантность», или «инвариантность плана со-

держания»); коннотативная эквивалентность (connotative equivalence), передающая коннотации текста через выбор синонимических языковых средств (в переводческой литературе – «стилистическая эквивалентность»); текстуально-нормативная эквивалентность (text-normative equivalence), связанная с текстовыми конвенциями и ориентированная на жанровые признаки текста, речевые и языковые нормы (также часто относится к «стилистической эквивалентности»); прагматическая эквивалентность (pragmatic equivalence), ориентированная на получателя (в переводческой литературе – «коммуникативная эквивалентность»); формальная эквивалентность (formal equivalence), ориентированная на передачу художественно-эстетических, каламбурных, индивидуализирующих и других формальных признаков, характеристик оригинала (Koller, 1983, с. 186–191, 1995, с.191-222; Швейцер, 1988, с. 80).

Однако на практике в силу культурно-когнитивных причин категория эквивалентности означает относительную, максимально возможную общность текста перевода и оригинала. Абсолютная эквивалентность «является идеализированным конструктом». Асимметрия концептуальных и языковых картин мира этносов, расхождения в семантике языковых знаков, расхождения в построении и функционировании дискурсов, различия в самой реальности, описываемой в переводимых текстах, культурные различия этносов обуславливают объективную нетождественность исходного текста и текста перевода. Приравнивание, равнозначность указанных текстов относительна.

Эта относительность эквивалентности прослеживается, как в теории, так и на практике. Различается теоретически возможная эквивалентность и оптимальная эквивалентность. Первая задается объективными факторами. Она определяется когерентностью контактирующих лингвокультур. Вторая достигается в конкретном акте общения и задается, как объективными факторами, так и субъективным фактором – профессиональной компетентностью конкретного переводчика.

Каждый раз, переводя текст в целом или какой-либо из его сегментов, переводчик стоит перед задачей установить иерархию ценностей, подлежащих сохранению в переводе, и на ее основе – иерархию требований эквивалентности в отношении данного текста. При этом «требование коммуникативно-прагматической эквивалентности при всех условиях остается главнейшим, ибо именно это требование, предусматривающее передачу коммуникативного эффекта исходного текста, подразумевает определение того его аспекта или компонента, который является ведущим в условиях данного коммуникативного акта. Иными словами, именно эта эквивалентность задает соотношение между остальными видами эквивалентности – денотативной, коннотативной, текстуально-нормативной и формальной» (Швейцер, 1988, с. 81).

Итак, эквивалентность перевода – понятие относительное. Принятие относительности эквивалентности в теории перевода имеет решающее значение для характеристики переводческой деятельности, поскольку позволяет ставить реальные цели в процессе перевода. Оно позволяет положительно решать вопрос о переводимости речевого произведения с одного языка на другой и отвергнуть теорию непереводимости. Действительно, если рассматривать эквивалентность как основное свойство текста перевода в его отношении к тексту оригинала, то именно неабсолютный характер этого отношения позволяет избежать максимализма в оценке возможностей перевода и определить, в каком отношении/степени текст перевода оказывается равнозначным, равносильным, равноценным переводимому тексту. Определение этого отношения лежит в основе определения качества перевода и оценки правомерности переводческих действий.

Сегодня в теории перевода утвердилось положение, что перевод всегда возможен, но не абсолютен. Это обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Эквивалентность исходного текста и текста перевода относительна, поскольку языковые картины мира (языки) предста-

вителей двух разных культур, отражающие национальную концептуальную картину мира данных социумов, никогда не бывают идентичными, точно такими же, кодирование языковыми средствами знаний о мире отличается этнокультурной спецификой. Приравнивание исходного текста и текста перевода относительно (а не абсолютно) как на уровне содержания, так и на уровне формы. Объективность относительности эквивалентности текста перевода обусловлена культурно-когнитивными расхождениями, находящими отражение в системных межъязыковых расхождениях, асимметрии культурных реалий, стилистических факторов и т.п.

Помимо объективных факторов на степень эквивалентности текста перевода влияет и субъективный фактор – индивидуальные особенности переводчика, его профессионализм, способность понять, интерпретировать исходный текст и смоделировать текст перевода, метатекст в рамках иной культуры. Понимание и интерпретация исходного текста осложнены, в частности, тем фактом, что «возможно, не существует двух получателей, которые понимали бы сообщение и отвечали бы на него одинаковым образом. Это означает, что абсолютная эквивалентность не возможна никогда, так как никогда не существует двух индивидов, которые полностью бы разделяли одни и те же лингвистические и культурные фоны» (Nida, Reyburn, 1981, с. 5–7; цит. по Львовская 2008, с. 27).

Эквивалентность перевода зависит также от условий работы переводчика, от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Уровень/степень эквивалентности изменяется в зависимости от вида перевода, то есть от того, имеем ли мы дело с устным или письменным переводом, художественным или информативным: научным, официально-деловым, газетно-публицистическим и т.д.

Рассмотрим вслед за В.С. Виноградовым (2001, 2007, с. 21) вышеприведенное положение на примере устного и

письменного перевода. Сравнение указанных видов перевода показывает, что уровень эквивалентности устно и письменно переводимых текстов весьма различен. Наиболее сложным для достижения эквивалентности является устный синхронный перевод. Сама его сущность не позволяет добиться высокой степени эквивалентности. Особенностью синхронного перевода является почти одновременное восприятие, понимание оригинала и создание текста перевода. Почти параллельное осуществление этих операций, дефицит времени, необходимость закончить перевод почти одновременно с наступающим, говорящим вынуждает переводчика использовать приемы уплотнения, компрессии информации (то есть передачи ее меньшим объемом лексических единиц, более экономичными синтаксическими конструкциями, исключением семантической избыточности), увеличивать темп собственной речи (то есть говорить быстрее, чем оратор), прибегать к вероятностному прогнозированию (то есть умению предугадывать смысл фразы по ее начальным лексическим единицам, ключевым словам). Все эти явления обуславливают «редуцированную относительную эквивалентность» (Виноградов, 2001, с. 21; 2007, с. 22) текста перевода оригиналу при синхронном переводе.

Сходная неполнота эквивалентности характерна для всех видов устного перевода (Там же).

Справедливым представляется и рассмотрение В.С. Виноградовым (2001, 2007) и относительной эквивалентности научных текстов. Степень относительности эквивалентности научных текстов зависит от совместимости научных картин мира контактирующих в переводе культур, особенностей представления научного знания в дискурсе, видов и типов научных текстов, в особенностях организации различных текстовых жанров или речевых форм (описания, объяснения и т.д.).

Лингвокультурная специфика научного текста проявляется не только на микроуровнях – лексическом, граммати-

ческом, фонетико-фонологическом, но и на макроуровне текста – на уровне дискурсивных стратегий. Продемонстрируем это на ряде примеров.

Например, в результате сопоставительного анализа немецких и русскоязычных научных докладов выявлены следующие дискурсивные особенности:

- немецкие ученые в отличие от русскоязычных коллег, как правило, предваряют свое выступление презентацией плана выступления, с указанием специфики рассматриваемого вопроса;

- в немецких докладах принято указывать подтемы, что не характерно для русскоязычных работ;

- русскоязычные докладчики недостаточно четко разграничивают собственные мысли и тезисы цитируемых исследований (Kotthoff, цит. по Günther S., 2001, с. 15–32).

Сопоставительные исследования англоязычного и немецкоязычного научного дискурса показали, что в англоязычных научных журналах работы немецких авторов зачастую критикуются за «нечитабельность», и при этом наиболее распространенными недостатками считаются «тяжеловесность», «запутанность», «многословность» и «хаотичность» (Clyne, 1991, с. 376–383). Такая оценка связана с тем, что в соответствии с нормами англоязычного научного дискурса пишущий должен соблюдать линейную прогрессию развертывания текстов и избегать повторов. Немецкие же работы характеризуются дигрессивностью, то есть нелинейностью, в них распространены отступления (экскурсы) и повторы, подчиненные логике построения аргументации. Немецкоязычный научный стиль предполагает экстенсивную обработку результатов уже имеющихся исследований по выбранной теме, что затрудняет непротиворечивое изложение проблемы. В свою очередь, немецкоязычные ученые упрекают англоязычных коллег в том, что тексты последних поверхностны и представляют собой эссе, а не научные статьи.

В связи с ассоциативной оценкой нарушений привычных письменных норм научной речи можно привести и другие примеры. Можно, в частности, отметить, что для научных работ латиноамериканцев характерно субъективное изложение и образное языковое оформление, что в глазах немцев делает, например, рефераты мексиканских студентов похожими на литературные произведения. В свою очередь, немецкие научные тексты отличаются избыточностью теоретического материала, дигрессивной структурой и строгой, обезличенной формой презентации (Günther, 2001, с. 15–32).

Сопоставительный анализ научного дискурса выявляет и неодинаковую значимость отдельных жанров в контактирующих лингвокультурах. В связи с этим в контрастивной текстологии говорят о различном структурировании жанровых полей (Adamik, 1999, с. 141–149). Так, например, во французской лингвокультуре жанр «библиография» не играет значительной роли и представлен слабо, в то время как в английской и немецкой этот жанр достаточно хорошо развит. Жанр «доклад на конгрессе» (нем. «Kongressbericht») принадлежит к типам текста, регулярно встречающимся в немецких журналах, в то время как во французской научной прессе он практически не представлен.

Неодинаковую значимость в построении научного дискурса могут иметь и аналогичные компоненты структурирования научного текста, например, роль заголовка в научном тексте. Так, при анализе заголовков в немецкоязычной и франкоязычной научной литературе было выявлено, что, например, в немецкоязычных филологических журналах заголовки обычно эксплицитно выражают тему исследования и является в какой-то мере самостоятельным текстом, находящимся в тесной связи с соответствующей статьей. Заголовки французских публикаций в большинстве своем не позволяют сделать однозначный прогноз о содержании текста, их можно понять только в контексте той или иной научной работы. При этом подобные особенности заголовков функционально

оправданы в каждой из культур. Французские научные журналы обычно представляют собой тематические сборники, то есть читателю с первого взгляда известен предмет публикации, поэтому заголовок отдельной статьи не обязательно должен сжато представлять ее содержание. В немецких же журналах чаще печатаются статьи на разные темы, поэтому заголовки призваны давать исчерпывающую информацию для ориентировки читателя. Кроме того, форма заголовка в немецкой научной литературе отражает стремление автора подготовить включение заголовка в библиографические сборники, которые, как было отмечено, являются распространенным жанром немецкоязычной научной коммуникации (Иванова, 2004, с. 103–107).

Вышесказанное наглядно демонстрирует, что лингвокультурная специфика в значительной степени обуславливает относительность эквивалентности научных текстов. Повышает же степень эквивалентности научных текстов единство и унифицированность представления научных знаний. Например, чем более формализован научный текст, а это происходит прежде всего в точных и естественных науках, тем выше степень эквивалентности текста перевода оригиналу. «Переводы некоторых трудов по физике, химии, математике или биологии, состоящих из стереотипных фраз, которые вводят соответствующие формулы, оказываются почти тождественными оригиналу» (Виноградов, 2007, с. 24).

Относительность эквивалентности текста перевода оригиналу в научном переводе обусловлена необходимостью соответствовать норме и узусу научного дискурса в языке перевода, следовать национально-культурным особенностям лингвистического оформления научного дискурса в принимающей культуре. А это приводит, например, к снижению экспрессии, эмоциональности при переводе с английского и французского языка на русский, так как русский научный стиль отличается меньшей эмоционально-экспрессивной насыщенностью.

Причиной относительной эквивалентности могут служить и расхождения терминологических систем в контактирующих языках, например, номинации мер и весов.

Помимо этого, довольно часто и в рамках одного языка, а не только на уровне контактирующих языков может наблюдаться «разнобой» терминологии, отсутствовать ее единство. В зависимости от научной школы, научного направления и даже в концепции одного и того же исследователя один и тот же объект или явление могут обозначаться различными терминами (Виноградов, 2007, с. 24).

Помимо объективных факторов относительная эквивалентность научного перевода зависит и от субъективного фактора – переводчика, его профессиональной компетентности, предполагающей среди прочих составляющих и профессиональную компетентность в конкретной области научных знаний.

В целях достижения оптимальной эквивалентности текста перевода оригиналу в научном переводе, для полного понимания переводчику может потребоваться обращение к предыстории рассматриваемого вопроса, знакомство с предыдущими публикациями, высказываниями автора.

Помимо этого в научном тексте, как и в любом другом, не вся информация может быть выражена эксплицитно. Некоторые факты, явления могут подразумеваться автором высказывания, то есть быть представлены в тексте имплицитно. И переводчик должен уметь извлечь не только эксплицитную, но и имплицитную информацию.

Извлечение имплицитной информации предполагает задействование механизма инференции, обеспечивающего понимание текста на уровне глубинного смысла, на уровне его интерпретации (Дроздова, 2003; Кубрякова, 2002; Макаров, 2003). Инференция представляет собой когнитивную операцию, которая позволяет при работе над текстом выйти за рамки языкового выражения текста, извлечь «сверхтекстовую» или «затекстовую» информацию, эта «операция семан-

тического вывода заключается в том, чтобы используя наличествующие в дискурсе или тексте реальные знаковые формы, выйти в их “прочтении” за их пределы, то есть определить, что из них следует или же вытекает» (Кубрякова, 1996, с. 30).

Итак, относительность эквивалентности текста перевода оригиналу есть данность. Она предполагает взаимозаменяемость сравниваемых объектов, но взаимозаменяемость не абсолютную, а возможную в каком-либо отношении. А это ставит вопрос о том, в каком отношении/степени текст перевода оказывается равнозначным, равносильным, равноценным тексту оригинала. Что позволяет лингвистам трактовать понятие эквивалентности как сложное, многоуровневое в рамках иерархической модели уровней эквивалентности или многоаспектное в рамках одномерной модели эквивалентности. Сопоставление текстов переводов с их оригиналами проводится по целому ряду параметров и свидетельствует, что можно выделить несколько уровней/типов эквивалентности, в каждом из которых воспроизводятся различные составляющие исходного текста. Изучение типов/уровней эквивалентности позволяет определить, какую степень близости к оригиналу переводчик может достичь в каждом конкретном случае.

Сопоставление выделяемых уровней эквивалентности у ряда исследователей «показывает несмотря на внешнюю вариативность терминов большое сходство в определении уровней эквивалентности и явную привязанность к идее о семиотической природе перевода, о взаимодействии в переводе трех типов отношений знака к окружающей действительности» (Гарбовский, 2004, с. 300).

Для семиотики (науки о знаках и знаковых системах) характерно выделение трех аспектов взаимодействия знаков между собой и их отношений с окружающей средой: синтактика, семантика и прагматика.

Если ограничить область семиотики только языковыми системами, то синтактика может быть определена как отношение между знаками в речевой цепи, то есть в тексте, с которым реально и сталкивается переводчик. Семантика определяет трехстороннее отношение между знаком, обозначаемым им предметом (денотатом) и понятием об этом предмете (сигнификатом). Прагматика выражается в отношении между знаками и теми, кто их использует, то есть между участниками коммуникации: адресантом и адресатом, а в переводе – автором оригинала – переводчиком – реципиентом перевода. Вышеописанные отношения и демонстрирует табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Уровни эквивалентности

Категории текста	Исследователь и выделяемые им уровни эквивалентности		
	Г. Егер	А.Д. Швейцер	В.Н. Комиссаров
цель высказывания	прагматический (для чего говорить)	прагматический	уровень цели коммуникации
смысл высказывания	семантический 1 (сигнификативный) (как сказать)	семантический (компонентный)	уровень способа описания ситуации
смысл высказывания	семантический 2 (денотативный) (о чем сказать)	семантический (референциальный)	уровень описания ситуации
структура высказывания	синтаксический (как расположить элементы высказывания относительно друг друга)	синтаксический	уровень структуры высказывания
единицы перевода			уровень лексико-семантического соответствия

(Гарбовский, 2004, с. 300)

Уровни эквивалентности образуют иерархическую структуру, в которой прагматический уровень занимает высшее место. «Прагматический уровень, охватывающий такие жизненно важные для коммуникации факторы, как ком-

муникативная интенция, коммуникативный эффект, установку на адресата, управляет другими уровнями. Прагматическая эквивалентность является неотъемлемой частью эквивалентности вообще и наслаивается на все другие уровни и виды эквивалентности», независимо от того, образуют ли уровни и виды эквивалентности иерархическую систему или рассматриваются в рамках одномерной системы. «Любой выбор переводчика, какими бы радикальными ни были несовпадения между семантическим содержанием ИТ и ПТ, всегда преследует достижение максимально возможного сходства/коммуникативной эквивалентности между концептуальными программами двух текстов...» (Львовская, 2008, с. 196).

Выбор уровня (или уровней), на котором устанавливается эквивалентность, «определяется специфической для данной ситуации конфигурацией языковых и внеязыковых факторов, от которых зависит процесс перевода», то есть культурно-когнитивными и ситуационными детерминантами.

Соответственно, при оценке текста перевода в каждом конкретном случае данный перевод можно считать эквивалентным, если он воспроизводит оригинал на максимально возможной совокупности уровней эквивалентности, то есть на уровне оптимальной эквивалентности.

Степень/уровни эквивалентности могут быть достаточно объективно определены путем сопоставления текста перевода с оригиналом, они служат одним из критериев при оценке результатов переводческого процесса.

Прагматическая доминанта эквивалентности перевода и адаптация текста перевода к культурно-когнитивным нормам и условиям коммуникативной ситуации его функционирования (вытекающие из «оперативного принципа перевода», а именно: его «двойной ориентации на концептуальную программу автора исходного текста и на «приемлемость» текста перевода в принимающей культуре) позволяет счи-

тать, что качество текста перевода, его равнозначность оригиналу обусловлена прежде всего: соотносительностью функционально-интенционального инварианта текстов оригинала и перевода и аналогичным (максимально возможно идентичным) воздействием («коммуникативным эффектом») исходного текста и текста перевода на реципиентов в двух различных этнокультурах. «Любая эквивалентность подразумевает такое отношение между текстом А и текстом В..., при котором сохраняется определенный инвариант. Наиболее общим, существенным для всех уровней и видов эквивалентности инвариантным признаком является соответствие коммуникативной интенции первичного отправителя коммуникативному эффекту конечного текста» (Швейцер, 1988, с. 94).

Соблюдение указанного положения предполагает что «перевод никогда не должен вступать в противоречие» с «функционально-интенциональным инвариантом» исходного текста, «концептуальной программой автора исходного текста, иными словами:

- перевод не должен приводить к ложным импликациям, то есть к таким импликациям, которые не вытекают из исходного текста;

- перевод должен содержать импликации, релевантные для концептуальной программы исходного текста и для ее понимания адресатом текста перевода, независимо от того, имеют ли эти импликации эксплицитные или имплицитные маркеры» (Львовская, 2008, с. 97).

Помимо этого, функционирование текста перевода в новой коммуникативной ситуации принимающей культуры предполагает, что

- «перевод не должен противоречить релевантным факторам коммуникативной ситуации принимающей культуры, то есть он должен быть адекватным новой ситуации;

- перевод не должен вступать в противоречие с нормами речевого и неречевого поведения принимающей

культуры в целом и текстовыми конвенциями в частности» (Там же).

Указанные требования «служат своего рода коммуникативными “фильтрами”, способными не допустить произвола переводчика». Не умаляя творческого характера деятельности переводчика, «оставляя поле для многих (но не всех) вариантов» с точки зрения семантико-структурной близости (аналогичности) текста перевода и оригинала (которая может колебаться от полной неязыковой несхожести до максимально возможного совпадения – перевода «слово в слово»), коммуникативные фильтры «устанавливают границы возможным вариантам», подчиняя их прагматической доминанте – цели высказывания и ограничивая их «допустимой мерой переводческих трансформаций» (Латышев, 2001, с. 37–40), определяемых культурно-когнитивными и ситуационными детерминантами (Львовская, 2008, с. 97).

«Полная эквивалентность, охватывающая как семантический, так и прагматический уровень... является идеализированным конструктом. Это не значит, что полная эквивалентность вообще не существует в действительности. Случаи полной эквивалентности вполне возможны...» (Швейцер, 1988, с. 95). Однако довольно часто достижение прагматической эквивалентности происходит за счет потерь (больших или меньших) «семантико-структурной аналогичности исходного текста и текста перевода, под которой понимается степень тождественности мыслительного содержания и средств его языкового выражения в их совокупности» (Бабушкина, 2005, с. 2). Причиной отсутствия языковой аналогичности могут быть ее невозможность в принципе – из-за отсутствия в системе языка перевода языкового аналога единицам или конструкциям исходного языка, либо отказ от аналогичных единиц при необходимости адаптации создаваемого текста к «лингвоэтнической коммуникативной компетенции» носителя языка перевода, либо недостаточно мотивированные отступления или потери семантико-

структурной аналогичности из-за «переводческих вольностей».

Возможность семантико-структурной аналогичности исходного текста и текста перевода, хотя и относительная, обусловлена наличием межъязыковых соответствий, выявленных в процессе переводческой практики. В рамках таких пар языков, как французский и русский, немецкий и русский, английский и русский, насчитывается немало структурных и семантических параллелей: аналогии в области лексической семантики, категориально-грамматических форм, синтаксических структур и т.д. Степень семантико-структурной аналогичности исходного текста и текста перевода или его фрагментов может быть определена при помощи «коэффициента аналоговости» (Бабушкина, 2005). Показателями семантико-структурной аналогичности исходного текста и текста перевода могут выступать следующие виды (формы) воспроизведения лексической семантики в переводе:

- равнокатегориальная лексико-семантическая эквивалентность – сохранение семантики и категориально-морфологических признаков единицы исходного языка (части речи), которая сопровождается сохранением синтаксической структуры в 95% случаев (здесь и далее приведены данные исследований немецко-русских переводов), например: *Die Würde des Menschen ist unantastbar* – *Достоинство человека неприкосновенно*;

- разнокатегориальная лексико-семантическая эквивалентность – совпадение лексической семантики исходного текста и текста перевода, но несовпадение их категориально-морфологических признаков, которая сопровождается сохранением синтаксической структуры в 31% случаев, например: *Aber diese erfordern eine ärztliche Indication* – *Но это требует заключения врача*;

- перераспределение лексической семантики – перегруппировка семантических компонентов, содержание получает иную группировку: по-иному распределяются морфемы,

лексемы, синтагмы, семантика одного слова может воспроизводиться несколькими, и наоборот, что сопровождается сохранением синтаксической структуры в 29% случаев, например: *Ein kleiner Mann, von dem ich nur den tiefgebeugten Rücken sah...* – *Небольшой человек, у которого я ничего, кроме согнутой в глубоком поклоне спины, разглядеть не мог...*;

– адекватная лексико-семантическая замена с полным отсутствием семантического инварианта: замена единицы исходного текста равнокатегориальной единицей языка перевода с иным лексическим значением, но с аналогичным функциональным потенциалом, что позволяет воспроизвести речевое воздействие исходного текста, которая сопровождается сохранением синтаксической структуры в 76% случаев, например: *Ich saß wie auf Kohlen* – *А я сидел как на иголках* (Бабушкина, 2005, с. 2–11).

Понятие «эквивалентность» охватывает отношения как между целыми текстами, так и между его единицами или сегментами. «Эквивалентность – это соотношение между первичным и вторичным текстами (или их сегментами)». «Любая эквивалентность подразумевает такое отношение между текстом А и текстом В или их сегментами, при котором сохраняется определенный инвариант» (Швейцер, 1988, с. 95, 94). При этом эквивалентность исходного текста и текста перевода не подразумевает эквивалентность всех сегментов или микроединиц данных текстов. И наоборот: эквивалентность отдельных сегментов или текстовых единиц еще не означает эквивалентность текстов в целом. При установлении эквивалентности предпочтение отдается эквивалентности текстов. «Говоря об отношениях эквивалентности следует не забывать важнейшего для теории перевода положения о примате эквивалентности текста над эквивалентностью его сегментов» (Швейцер, 1988, с. 94).

Особенностью эквивалентности единиц текста является то, что «в переводе эквивалентность устанавливается не между словесными знаками как таковыми... Функционируя в

строе связного текста как текстовые единицы, языковые единицы, в том числе и словарные, не просто реализуют свое системное, закрепленное в языке значение, но и приобретают под давлением контекста и внеязыковой ситуации новые значения и их оттенки» (Швейцер, 1988, с. 93–94).

4.3. Адекватность перевода

В ряде случаев опосредованной лингвокультурной коммуникации достижение максимальной эквивалентности в силу ряда причин является невозможным, необязательным и даже нежелательным. Это вызвало необходимость во введении в теории перевода второго «нормативно-оценочного» термина «адекватность перевода», обозначающего соответствие перевода требованиям и условиям конкретного акта межъязыковой коммуникации (Комиссаров 1999, с. 113; Швейцер 1988, с. 95). «Обе категории (эквивалентность и адекватность) носят оценочно-нормативный характер. Но если эквивалентность ориентирована на результаты перевода, на соответствие создаваемого в итоге межъязыковой коммуникации текста определенным параметрам оригинала, адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта, с его детерминантами и фильтрами, с выбором стратегии перевода, отвечающей коммуникативной ситуации. Иными словами, если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» (Швейцер, 1988, с. 95).

В русском языке понятие «адекватность» (от лат. *adaequatus* – *приравненный*) закрепилось за отношением между какими-либо действиями субъектов и ситуациями, в которых эти действия реализуются (ср. адаптировать действия в рамках социально-ролевых отношений адекватно ситуации общения), либо действиями и ожидаемыми от них результа-

тами (ср. адаптировать действия адекватно поставленной цели), действиями и нормами поведения (ср. программировать и реализовывать действия в соответствии с принятыми нормами вербального и невербального поведения в данной ситуации общения) и т.п.

В теории перевода категория адекватности выводится из переводческой практики, из тех условий, в которых протекает перевод. «Перевод адекватен тогда, когда переводческое решение в достаточной мере соответствует коммуникативным условиям» (Швейцер, 1988, с. 97).

Категория адекватности характеризуется как категория, имеющая оптимальный (а не абсолютный) характер. Ее возникновение обусловлено тем, что в реальной жизни переводчик не всегда имеет возможность максимально полно передать всю информацию, заключенную в исходном речевом произведении (то есть добиться максимально возможного воспроизведения оригинала) по тем или иным причинам. В ряде случаев переводчик вынужден сокращать сообщение, прибегать к компрессии, чтобы успеть за выступающим. Порой он вынужден изменить функциональное значение исходного текста в соответствии с конкретной ситуацией общения. «Порой отступления от строгих требований полной эквивалентности оказываются связаны с такими культурными детерминантами перевода, как переводческая норма и литературная традиция. Это находит свое проявление, в частности, в переводе названий художественных произведений... В этой сфере переводческой деятельности традиционно допускается вольный перевод, порой сводящийся к полному переименованию произведения с учетом специфики новой культуры... Еще более заметные модификации в соотношении исходного и конечного текстов вносятся в тех случаях, когда переводчик ставит перед собой цель, связанную со специфическим назначением перевода и с особым характером читательской аудитории» (Швейцер, 1988, с. 97–98).

Таким образом, между понятиями «эквивалентность» и «адекватность» существует принципиальное различие. Оно вызвано тем, что при использовании первого «речь идет о максимальном требовании, предъявляемом к переводу. Адекватность же представляет собой категорию с иным онтологическим статусом. Она опирается на реальную практику перевода, которая часто не допускает исчерпывающей передачи всего коммуникативно-функционального содержания оригинала. Адекватность исходит из того, что решение принимаемое переводчиком, нередко носит компромиссный характер, что перевод требует жертв и что в процессе перевода во имя передачи главного и существенного в исходном тексте (его функциональных доминант) переводчику нередко приходится идти на известные потери. Более того, в процессе вторичной коммуникации нередко... модифицируется и сама цель коммуникации, что неизбежно влечет за собой известные отступления от полной эквивалентности исходного и конечного текстов.

Отсюда вытекает, что требование адекватности носит не максимальный, а оптимальный характер: перевод должен оптимально соответствовать определенным (порой не вполне совместимым друг с другом условиям и задачам) (Швейцер, 1988, с. 96).

Понятие адекватности ориентировано на соответствие перевода «тем модифицирующим его результат факторам, которые привносит вторичная ситуация (установка на другого адресата, на другую культуру, на другую норму перевода, литературную традицию, специфическую коммуникативную цель перевода и др.) (Швейцер, 1988, с. 99).

Адекватность перевода предполагает прежде всего его соответствие тем ожиданиям, которые возлагают на него участники коммуникации: создатель оригинала, получатель/заказчик текста перевода, переводчик. Однако, учитывая то, что цель сообщения (коммуникативная интенция) автора оригинала и цель переводчика данного оригинала могут

совпадать, а могут и различаться, адекватность как свойство перевода ориентирована в большей степени на получателя текста перевода, заказчика. Это так называемая «дезиративная адекватность» (Ванников, 1988) заказчика перевода. Соответственно, адекватный перевод – это перевод, отвечающий цели, поставленной перед переводчиком заказчиком, которая может не всегда совпадать с коммуникативной целью исходного текста, задаваемой автором оригинала. Заказчик может потребовать и полный перевод всего текста, и перевод какого-то фрагмента, и обобщенно передать информацию оригинала. Поставленная коммуникативная задача может привести к тому, что дезиративно-адекватный перевод будет в ряде отношений существенно отличаться от оригинала: быть семантически неполным, не совпадать с ним в стилистическом отношении, иметь другой порядок и даже другую структуру изложения, тем самым приближаясь или переходя в один из видов гетеровалентной коммуникации.

Понятие адекватности может быть распространено на тексты перевода, сохраняющие коммуникативную функцию (коммуникативную цель) оригинала в тексте перевода. В этом случае речь идет о текстах, в которых сохраняется коммуникативная интенция автора оригинала при переводе. На семантико-структурном уровне данные тексты не всегда являются эквивалентными. «Культурная интертекстуальность, будь то в ее когнитивном аспекте (несовпадение знаний, релевантных для данной ситуации) или в том, что касается норм речевого поведения, превращается в основание для изменения семантической структуры ПТ относительно ИТ. Эти изменения или «манипуляции» должны обеспечить адекватность перевода новой ситуации или, иными словами, его приемлемость в принимающей культуре» (Львовская, 2008, с. 92). Заданность цели и ситуации общения обуславливает вариативность выбора средств в переводе в соответствии с нормой и узусом употребления речевых единиц, речевых клише каждого отдельного этноса. Так, например, будут аде-

кватными коммуникативно-прагматические переводы в стандартных ситуациях общения. Сравните: *По газонам не ходить – Keep of the Grass. Угощайтесь, пожалуйста! – Help yourself! – Servez-vous, s'il vous plait.* И в данном случае мы можем говорить о «функциональной, или функционально-прагматической адекватности» текста перевода тексту оригинала, целью которой является равнозначное воздействие на реципиента, единый коммуникативный эффект. «От функционально адекватного перевода требуется... лишь правильная передача коммуникативной функции оригинала, его «функциональной доминанты» (Ванников, 1988, с. 35). Данный вид адекватности в ряде исследований весьма близок к понятию «коммуникативной эквивалентности», означающей «интенционально-функциональную эквивалентность» исходного текста и текста перевода (Львовская, 2008, с. 140), или динамической эквивалентности (Nida, 1964; Nida, Taber, 1969) Ср. «Единственная связь, которую ПТ должен сохранить с ИТ, – это коммуникативная эквивалентность, что означает в свою очередь, что при интерпретации смысла ИТ переводчик должен «выжать» из его формы всю коммуникативную нагрузку и затем искать в принимающей культуре самый адекватный способ достижения этой коммуникативной эквивалентности, не обращая внимания на совпадение/несовпадение формы как таковой (Львовская, 2008, с. 87). Переводческое преобразование данного типа продиктовано прагматическими соображениями. Переводчик хочет вызвать у реципиента определенную реакцию. При этом он в меньшей степени связывает себя структурой синтаксической организации и семантикой высказывания оригинального произведения (Гарбовский, 2004, с. 397).

В то же время, сталкиваясь с переводческими задачами разных уровней, для достижения поставленной цели переводчик вынужден каждый раз принимать решение, формируя тем самым оптимальную стратегию перевода. Выбирая стратегию перевода адекватно поставленной цели, он прибе-

гает к тому или иному способу перевода (полному, выборочному, резюмирующему или фрагментарному т.д.). Например, перед переводчиком стоит задача – извлечь из оригинала и передать основную/ключевую информацию. Если в процессе перевода эта задача выполнена (а выполняется она способом реферативного перевода) и цель достигнута, то и в этом случае можно говорить о «волюнтативной» адекватности перевода. Здесь адекватность отражает стратегию переводчика. В ней проявляется собственная коммуникативная установка переводчика, определяющая стратегию перевода. «В случае волюнтативно адекватного перевода переводчик является также и соавтором текста перевода» (Ванников, 1988, с. 39).

Таким образом, категория адекватности отвечает на вопрос, соответствует ли перевод как деятельность и как результат данной деятельности коммуникативным условиям данного акта лингвокультурного общения. Адекватность является, главным образом, характеристикой степени соответствия стратегии переводчика, созданного им текста перевода, прежде всего ожиданиям получателя/заказчика перевода, цели коммуникации, ситуации общения и национально-культурным нормам поведения, принятым в данных ситуациях.

Взаимодействие в триаде автор оригинала – переводчик – реципиент текста перевода изменяется в соответствии с конкретными условиями коммуникативного акта определенной сферы общения. Ситуация общения, запрос получателя/заказчика, компетентность переводчика определяют адекватность перевода, проявляющуюся в таких ее аспектах, как дезиративная, волюнтативная, функциональная.

Адекватный перевод – это перевод, удовлетворяющий, в первую очередь, поставленной прагматической задаче.

Дезиративно-адекватный перевод – это перевод, отвечающий на информационный запрос потребителя, соответствующий ожиданиям, коммуникативной цели заказчика перевода, но не обязательно передающий всю совокупность ин-

формации и коммуникативную цель оригинала, задаваемую автором исходного текста.

Функциональный/прагматически-адекватный перевод – это перевод сохраняющий и передающий основную (доминирующую) коммуникативную функцию, коммуникативный эффект оригинала при расхождении семантико-семантической структуры.

Волюнтативно-адекватный перевод – это перевод, отражающий коммуникативную установку переводчика, его стратегию.

Общей чертой адекватности и эквивалентности (точнее прагматического уровня эквивалентности по Г. Егеру и А.Д. Швейцеру, или уровня цели коммуникации по В.Н. Комиссарову, выделяемого в рамках понятия эквивалентности) является сохранение в тексте перевода («собственно перевода») функционально-коммуникативной направленности (коммуникативной цели и коммуникативного эффекта исходного текста), концептуально-интенционального инварианта, концептуальной программы автора ИТ.

Прагматическое значение и коммуникативный эффект, достигнутые при переводе, даже при отсутствии эквивалентности на семантико-структурном уровне, делают перевод адекватным.

«Оба термина – *эквивалентный перевод* и *адекватный перевод* – имеют оценочный и относительный характер. Различие заключается в том, что термин *эквивалентный перевод* оценивает общий результат двуязычного коммуникативного процесса как в аспекте концептуальной верности ИТ, так и в аспекте верности пользователю ПТ, в то время как термин *адекватный перевод* оценивает соответствие ПТ новой коммуникативной ситуации, которая возникает в принимающей культуре... Поскольку коммуникативная эквивалентность охватывает два требования, которым должен отвечать ПТ, а именно: максимально возможная верность концептуальной программе ИТ и приемлемость ПТ, можно утверждать, что

коммуникативно эквивалентный перевод всегда будет по определению адекватным новой ситуации, но обратное не всегда имеет место. Можно создать в рамках двуязычной деятельности ПТ, который будет адекватным новой коммуникативной ситуации и не будет эквивалентным ИТ, то есть не будет иметь отношений функционально-интенциональной эквивалентности ИТ (например, случай «требований заказчика» в *scopos theorie* К. Райс и Г. Вермеера, который не исключает возможности нового информативного толкования в соответствии с запросом клиента, имеющего иную коммуникативную функцию, иными словами, другую концептуальную программу, отличную от программы ИТ...). Если исходить из коммуникативного подхода к переводу, понимаемому как эквивалентная двуязычная деятельность, понятие *эквивалентного перевода* должно быть шире понятия *адекватный перевод*, поскольку первый предполагает оба требования: максимально возможную верность КПА ИТ и максимально возможную верность новой коммуникативной ситуации (читай, адресату перевода), в то время как второй означает лишь адекватность новой коммуникативной ситуации, созданной в принимающей культуре» (Львовская, 2008, с. 88).

Соотношение эквивалентности и адекватности в каждом акте перевода определяется выбором стратегии, который переводчик делает на основе учета ряда факторов, составляющих переводческую ситуацию. Из числа этих факторов наибольшее значение имеет цель перевода, тип переводимого текста и характер предполагаемого реципиента перевода.

Соответственно критерием оценки качества перевода может быть степень близости к оригиналу, качество языкового оформления текста, соответствие перевода поставленной цели.

Во многих случаях помимо общей характеристики качества перевода требуются более конкретные указания на достоинства и недостатки перевода. Сопоставительный ана-

лиз оригинала и текста перевода позволяет выявить несоответствия, то есть ошибки перевода как на уровне всего текста в целом, так и на уровне составляющих текста. Исследователями выделяются две группы ошибок. Во-первых, это ошибки по степени отклонения от содержания оригинала. Во-вторых, это ошибки нормы и узуса перевода.

Степень искажения смыслов (содержания) оригинала в тексте перевода позволяет выделить переводческие ошибки, которые могут быть представлены в определенной градации:

- самая грубая ошибка – полное искажение смысла, содержания (искажение, опущение или прибавление ключевой информации), приводящее к дезинформации адресата (в результате перевод указывает на совершенно другую референтную ситуацию). Причина подобного грубого искажения смысла обычно кроется в неправильном понимании оригинала;

- неточная передача смысла оригинала, всякого рода неточности перевода (искажение, опущение или прибавление вторичной информации);

- отклонение от стилистических норм языка перевода, шероховатости перевода стилистического характера (неудачный выбор слов, громоздкие фразы, использование малоупотребительных в данном типе текстов языковых единиц, злоупотребление заимствованиями и т.д.).

Корректное воспроизведение смыслов оригинала обусловлено недопустимостью модификаций, мотивированных субъективным выбором переводчика, если нарушаются:

- точность сообщаемой в исходном тексте информации (произвольная интерпретация коммуникативного задания автора, смысловое искажение, неточности, неоправданное введение новой или дополнительной информации, опущение части информации);

- оценочность взглядов автора исходного текста;
- функциональная перспектива исходного текста;

– эстетическая ценность исходного художественного текста.

Вторая группа ошибок – это нарушения обязательных норм и узуса языка перевода: правил сочетаемости слов, грамматических правил, правил орфографии и пунктуации. Эти ошибки связаны с недостаточным владением переводчиком языком перевода или его неумением преодолеть влияние языка оригинала. Совершенное владение и языком оригинала, и языком перевода – неременная составляющая переводческой компетенции.

ЧАСТЬ V

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПОРОЖДЕНИЯ ТЕКСТА ПЕРЕВОДА

5.1. Теоретическое моделирование процесса перевода

5.1.1. Понятие «модель перевода»

Перевод представляет собой целенаправленную деятельность, отвечающую определенным требованиям и нормам. Эти нормы лежат в основе целостной ориентации переводчика и обуславливают логику переводческих решений при создании текста перевода.

Всесторонний анализ перевода и моделирование процесса перевода предполагает учет деятельностной, процессуальной стороны (динамический подход) перевода и учет его результата – текста перевода (статический подход).

При исследовании результата перевода в качестве метода исследования используется сопоставительный анализ исходного текста и текста перевода. В ходе данного анализа текст перевода рассматривается как результат межъязыкового и межкультурного, иначе говоря, лингвосоциокультурного взаимодействия. На конечном результате данного взаимодействия сказывается ценностная и психологическая ориентация посредника-переводчика, осуществляющего опосредованную коммуникацию.

При исследовании процессуальной стороны перевода в качестве метода исследования используется построение моделей переводческого процесса. «Как и во всякой другой теоретической дисциплине, в теории перевода возможно – и действительно имеет место – построение не одной какой-

нибудь, но целого множества моделей, по-разному отображающих моделируемый процесс и отражающих различные его свойства. Сложность описываемого объекта, его многосторонность исключают возможность построения одной единственной “универсальной” модели, которая была бы в состоянии отразить сразу все стороны во всех их сложных взаимных связях и отношениях. В силу этого в современной теории перевода существует целый ряд так называемых «моделей перевода», причем каждая из этих моделей отражает тот или иной аспект, ту или иную сторону реально существующего явления – процесса перевода... все они по-своему верны, поскольку моделируют одно и то же явление (процесс перевода), хотя с разных сторон; и, разумеется, ни одна из существующих моделей не может претендовать на абсолютную истинность или универсальность... С другой стороны, существующие модели перевода (а также те, которые могут быть созданы в будущем) отнюдь не исключают друг друга – они во многом совпадают, частично перекрывают друг друга и лишь в своей совокупности дают представление о процессе перевода во всей его сложности и многообразии» (Бархударов, 2008, с. 8).

Модель перевода – это условное изображение процесса перевода, основанное на попытке распространить на перевод некоторые общие положения других наук (языкознания, психологии, психолингвистики, этнопсихологии, теории коммуникации, теории деятельности и др.). В силу отсутствия непосредственного наблюдения за процессом перевода моделирование носит гипотетический характер, строится на основе умозаключительных посылок, научной рефлексии и экспериментальных самонаблюдениях и саморефлексии переводчиков. Более простые модели перевода по мере развития теории перевода преобразуются в соответствии с представлениями исследователя о структуре и протекании переводческой деятельности.

Достоверность моделирования проверяется экспериментально, а также путем сопоставления текстов оригинала и перевода. Модели, не подтвердившие свою состоятельность, отбрасываются.

В работах исследователей теории перевода описаны и проанализированы различные способы моделирования переводческого процесса. Приведем анализ наиболее распространенных моделей перевода: ситуативной (денотативной), трансформационной, семантической, информационной, психолингвистической, коммуникативно-функциональной, теории закономерных соответствий (Комиссаров, 1973, 1999; Швейцер, 1973; Ширяев, 1979; Львовская, 1985, 2008; Гак, 1998; Миньяр-Белоручев, 1999, Гарбовский, 2004; Виноградов, 2006; Иовенко В.А., 1992, 2005; Чернов, 1987, 2007 и др.).

5.1.2. Ситуативная модель перевода

Ситуативная (денотативная) модель перевода – одна из наиболее распространенных моделей перевода. В ее основе лежит ситуативный критерий, различающий характер ситуативности: ситуации реальной/воображаемой действительности (внеязыковые ситуации) и ситуации «словесно-воссозданные» («словесно-выраженные», речевые ситуации) в тексте (Виноградов, 2006). Данная модель исходит из того факта, что денотативное значение всех языковых знаков соотносится с определенными элементами внеязыковой действительности (объективной реальности или реальности, воображаемой, сказочной, фантастической). В качестве таких элементов могут выступать классы объектов (денотаты) или единичные предметы (денотаты/референты), явления или отношения внеязыковой действительности. А создаваемые при помощи языкового кода (языка/речи) тексты/высказывания представляют собой речевую ситуацию, соотносимую с определенной ситуацией внеязыковой (реальной или вообра-

жаемой, сказочной, фантастической) действительности, то есть некими денотатами, поставленными в определенные отношения друг к другу.

Общность окружающего мира, единство биологической структуры человека как вида, единство законов мышления обуславливают такое функционирование языкового кода, которое позволяет любую внеязыковую ситуацию описать средствами любого языка. Даже если в языке отсутствуют наименования для каких-либо элементов действительности, всегда существует возможность либо образовать в этом языке новые единицы тем или иным способом, либо описать эти элементы с помощью языковых единиц, которыми данный язык располагает, используя компенсаторные переводческие приемы.

Учитывая, что основное содержание любого сообщения заключается в отражении определенной внеязыковой ситуации, ситуативная модель перевода рассматривает процесс перевода как процесс описания при помощи языка перевода той же ситуации, которая описана на языке оригинала. «Иначе говоря, переводчик воспринимает ситуации и суждения в одной материальной форме и воспроизводит их в другой, а денотаты остаются неизменными» (Виноградов, 2006, с. 27). Процесс перевода интерпретируется следующим образом. Воспринимая текст оригинала, переводчик интерпретирует значение вербальных знаков исходного языка в соответствии с их речевой функцией в тексте и выясняет, какую ситуацию реальной действительности описывает оригинал. Уяснив денотат оригинала, переводчик отыскивает единицы речи, чтобы описать ту же ситуацию на языке перевода. Например, если отъезд французской делегации домой на русском языке выражается фразой «Французская делегация вылетела на родину», то есть обозначается с помощью слов, выражающих способ передвижения + недостаточно конкретное место назначения, то во французском языке та же самая ситуация обозначается с помощью слов, выражающих воз-

вращение + конкретное место назначения: «La délégation française regagne Paris» (Гак, 1998).

В ряде случаев, например при описании стереотипных ситуаций общения, этот процесс перевода может разворачиваться в более свернутом виде. Переводчику заранее известно, что определенные речевые единицы исходного языка и языка перевода имеют одинаковые денотаты. В этом случае он напрямую заменяет единицы оригинала соответствующими единицами языка перевода.

Таким образом, согласно денотативной модели, процесс перевода осуществляется в два этапа: от текста оригинала к действительности и от действительности к тексту перевода.

По сути, согласно денотативной модели, перевод представляется возможным потому, что между единицами пары языков, задействованных в переводческом процессе, предварительно устанавливается ситуативное тождество путем обращения к действительности. Ситуационная модель апеллирует к языковым/речевым стандартам, имеющимся в каждом языке, и их соответствиям в аналогичных ситуациях в других языках, например: *Fragile – Осторожно, стекло*.

Модель перевода при этом сохраняет свою основную ориентацию: объяснение процесса перевода как обращение к описываемой ситуации.

Исследователи полагают, что, хотя ситуативная модель не обладает абсолютной объяснительной силой, она прекрасно работает в ряде случаев:

– когда ситуация определяет необходимый единственно приемлемый или наиболее приемлемый вариант перевода, например, в стандартных ситуациях общения: «Stop, I have a gun» – «Стой! Буду стрелять», «Wet paint» – «Осторожно окрашено».

– при переводе безэквивалентной лексики, то есть при переводе слов, не имеющих прямых соответствий в язы-

ке перевода, значения которых определяются по реальной ситуации действительности;

– при недостаточной эксплицитности вербальной информации исходного текста для выбора соответствующего варианта перевода из ряда возможных.

Таким образом, ситуативная модель перевода дает возможность объяснить те особенности процесса перевода, которые связаны с обращением переводчика к реальной действительности.

Ограниченная объяснительная сила ситуативной модели прежде всего в том, что она не разъясняет основной механизм перехода от исходного текста к тексту перевода. Помимо этого, прекрасно работая в стандартных ситуациях общения, она не объясняет вариативность выбора языковых средств, присущую большинству ситуаций общения. Ситуативная (денотативная) модель не может объяснить возможность нескольких вариантов перевода одного и того же отрезка оригинала и не способна дать теоретическую основу для обоснования выбора между этими вариантами. Обращение к действительности позволяет определить, что сказано в тексте перевода, но не то, как это сказано.

5.1.3. Трансформационная модель перевода

Если ситуативная модель строится на идентичности двух ситуаций, описываемых с помощью пары языков, участвующих в процессе перевода, то трансформационная модель рассматривает процесс перевода как деятельность по преобразованию или трансформации оригинала в текст перевода (Ревзин, Розенцвейг, 1964; Найда, 1978).

Возникновение этой теории связано с идеями лингвистического учения, известного как трансформационная порождающая грамматика (Chomsky, 1957, 1965). Во-первых, в модели Н. Хомского заложена идея дифференциации двух понятий: владение языком (competence) и его использование в речи

(performance). Во-вторых, различаются два синтаксических уровня: поверхностный и глубинный, что позволяло объяснить отсутствие параллелизма между исходным языком и языком перевода на поверхностном уровне. В-третьих, «самый важный притягательный момент для теории перевода заключался в том, что в теории Хомского предлагалось около двух десятков универсальных трансформационных процессов, применение которых позволило получить синтаксические модели в любом языке. Лелеялась надежда, что с помощью этих универсальных трансформаций станет возможным объяснить деятельность переводчика» (Львовская З.Д., 2008, с. 18).

Трансформационная грамматика рассматривает правила порождения взаимосвязанных синтаксических структур, которые характеризуются общностью лексем и основных логико-синтаксических связей. Например, структуры «Ребенок бросил мяч», «Мяч был брошен ребенком», «Брошенный ребенком мяч», «Бросание мяча ребенком», отличаясь по форме составляющих их единиц, обладают значительной общностью – инвариантностью плана содержания. Подобные структуры могут быть получены одна из другой по соответствующим трансформационным правилам. Среди данных структур могут быть выделены исходные – «ядерные» структуры, из которых выводятся или к которым сводятся остальные структуры – «трансформы». Например, если за ядерную структуру принята предикативная структура «деятель – действие»: «Ребенок бросает», то из нее легко вывести прочие трансформы, сохраняющие это основное отношение: «Бросание мальчиком», «Бросающий мальчик», «Брошенный мальчиком» и т.п.

При построении этой модели перевод понимается как преобразование текста исходного языка в текст на языке перевода. «Переводчик воспринимает оригинал, производит в сознании ряд межъязыковых трансформаций и “выдает” готовый перевод. Главными оказываются операции по преобразованию так называемых «ядерных синтаксических струк-

тур», которые, согласно сторонникам этой модели, совпадают в различных языках и характеризуются общностью логико-синтаксических связей и лексического состава. Иными словами, текст оригинала понимается как совокупность исходных структур, которым должны быть соответствия в языке перевода или эти соответствия должны “выводиться” согласно правилам трансформации. В сознании переводчика оригинальный текст на фазе анализа минимизируется в набор ядерных структур, затем на следующем этапе набор этот замещается эквивалентными структурами языка перевода, которые потом преобразуются в... текст перевода, соответствующий оригиналу» (Виноградов, 2006, с. 28). Поскольку между ядерными структурами двух языков существует полная эквивалентность, перевод на уровне этих структур будет сводиться к простой подстановке: замещению ядерной структуры исходного языка ядерной структурой языка перевода.

Таким образом, процесс перевода строится в три этапа. На первом этапе производная структура в оригинале возводится к ее ядерной структуре в исходном языке. На втором этапе происходит переход от ядерной структуры языка оригинала к аналогичной ядерной структуре языка перевода. На третьем этапе ядерная структура языка перевода преобразуется в производную структуру языка перевода в соответствии с нормой и узусом данного языка.

Оценивая значимость трансформационной модели перевода, исследователи полагают, что, утверждая существование языка-посредника или ядерных структур, она в значительной степени обосновывает технику перевода при смысловом способе перевода и технику переводческой скорописи в устном последовательном переводе.

Помимо этого, рассматривая формальные единицы оригинала и перевода как взаимосвязанные трансформы, трансформационная модель стимулирует сопоставительное изучение разноязычных форм, между которыми устанавливаются отношения переводческой эквивалентности. А это

создает теоретическую базу для описания системы переводческих отношений двух конкретных языков, что составляет одну из задач специальной теории перевода.

На основе сопоставления исходных и конечных форм переводческих преобразований выявляются различные типы переводческих трансформаций, приемов перевода, широко используемых в практике перевода.

Ограниченная объяснительная сила трансформационной модели связана с рассмотрением только тех сторон переводческой деятельности, которые рассматривают соотношение грамматических, а именно синтаксических структур исходного языка и языка перевода.

5.1.4. Семантическая модель перевода

Трансформационная модель может быть дополнена семантической моделью, обращенной к моделированию единства смыслового содержания текста оригинала и перевода, раскрытию сущности эквивалентных отношений между содержанием оригинала и перевода, выявлению межъязыковых соответствий. Эквивалентность содержания исходного и переводного текстов предполагает если не идентичность, то достаточно близкое подобие составляющих смыслового содержания данных текстов. А процесс перевода, следовательно, сводится к выделению данных составляющих смыслового содержания вплоть до элементарных единиц.

Уже в первых работах по теории перевода содержание исходного текста, передаваемое в тексте перевода, представлялось следующими компонентами:

- смысловое, или предметно-логическое содержание, то есть содержание, охватывающее всю фактическую информацию;
- экспрессивно-стилистическая составляющая, включающая жанрово-стилистическую и эмоционально-

экспрессивную характеристику единиц текста и текста в целом.

Дальнейшее развитие лингвистических исследований плана содержания, связанное «с постулатом о наличии в языках глубинных содержательных категорий и структур, общих для всех языков» (Виноградов, 2006, с. 28), привело к более детальному описанию элементов смыслового содержания. В нем были выделены такие элементы смысла, как семы.

В основе этой модели лежит попытка распространить на перевод применяемую в лингвистике процедуру компонентного анализа содержательных единиц языка, позволяющую представить значение (семантику) языковой единицы как пучок (набор) более мелких элементарных смыслов – сем. Выделение отдельных сем в содержании языковой единицы производится путем определения дифференциального признака, по которому содержание данной единицы противопоставляется близкой по значению другой единице данного языка.

Метод компонентного анализа, использованный впервые в 50-е гг. XX в., строится на положении, согласно которому значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов – сем. Различают архисемы, дифференциальные семы и потенциальные семы (виртуэмы). Архисемы отражают те признаки содержания понятий, которые объединяют их в классы. Например: понятия *говорить*, *кричать*, *пищать* объединены архисемой производства звуков человеком; *гавкать*, *мяукать*, *кукарекать* – архисемой производства звуков животным. Дифференциальные семы сосредоточивают в себе те семы содержания понятия, которые отличают его от других. Потенциальные семы способствуют появлению переносного значения слов (Гарбовский, 2004, с. 398; Гак, 1977, с. 14–15).

В основе семантической модели перевода заложена не общность сем языковой единицы, а общность сем текстовых единиц, общность их «контекстуального значения» (Кэт-

форд, 1978, с. 107), возникающего и образуемого связью единицы с определенным сочетанием релевантных ситуационных признаков данной ситуации общения в рамках данного текста как компонентов смыслового содержания исходного текста и текста перевода.

При этом исходят из того, что при отсутствии тождества между совокупностью сем, закрепленных за единицами двух языков (такое тождество принципиально невозможно в силу национальной культурно-когнитивной специфики значения языковых/речевых единиц), участвующих в переводе, существует определенная общность сем данных единиц, обуславливающая единство смыслового содержания. Данная общность сем и является коммуникативно релевантной для процесса перевода.

В переводе происходит как сокращение набора сем, так и их увеличение, в том числе и в силу специфики грамматического строя языка. Для достижения относительной эквивалентности переводного текста исходному достаточно передать лишь половину общего набора элементарных смыслов (сем) единицы смысла (Гарбовский, 2004, с. 400–403).

Задача переводчика – воспроизвести в переводе те элементарные смыслы – семы, которые имеют коммуникативную значимость для реципиента перевода. Утрата всех прочих сем, содержащихся в значении переводимых единиц, считается при переводе несущественной.

Процесс перевода моделируется в два этапа. На первом этапе определяется семный состав отрезка оригинала и переводчик решает, какие из сем релевантны для коммуникации и должны быть переданы в переводе. На втором этапе в языке перевода подбираются единицы, в значения которых входит как можно больше сем оригинала. В тексте перевода могут эксплицитироваться и имплицитные семы контекста оригинала, и семы, обусловленные нормой и узусом языка перевода.

Представим ситуацию, когда входит девушка и говорит: «I've arrived». Представим, что этот текст перевели на русский язык: «Я пришла». Релевантные признаки в данной ситуации следующие: говорящий (первое лицо), говорящий-женщина, прибытие, прибытие пешком (в противовес приехать), предшествование действия, завершенность действия. «Очевидно, хотя русский текст и представляет собой очень хороший переводческий эквивалент английского текста, он не “означает то же самое”, поскольку в нем выбирается лингвистически (контекстуально) релевантный, но другой набор элементов ситуации». Для английского высказывания «I've arrived» – это говорящий, прибытие, предшествование события, связь с настоящим, завершенность. Для русского перевода «Я пришла» – это говорящий-женщина, прибытие пешком, предшествование события, завершенность (Кэтфорд, 1978, с. 108–109).

Таким образом, в английском высказывании «I've arrived» выделяют пять эксплицитных сем: говорящий (первое лицо), прибытие (без указания на способ передвижения), прошедшее время, связь с другим действием или моментом времени (значение перфекта), связь с моментом речи (значение перфекта настоящего времени). Первые три семы английского высказывания коммуникативно релевантны для перевода. Кроме того, при переводе на русский язык из ситуационного контекста выводится пол говорящего, указание на средство передвижения однократность/повторяемость действия. Учет этих сем и обуславливает вариант перевода «Я пришла».

Ограничительная сила данной модели с точки зрения текстоцентрической модели перевода заключается в том, что «при такой трактовке процесс перевода осуществляется не столько на уровне слов и предложений, сколько на уровне элементарных содержательных компонентов» (Виноградов, 2006, с. 28).

5.1.5. Информационная модель перевода

В отличие от семантической модели, информационная модель перевода не использует тезис о наличии в языках глубинных содержательных компонентов и структур и отрицает положение, что процесс перевода осуществляется на уровне элементарных содержательных компонентов. Информационная модель перевода постулирует, что любой текст и его единицы являются носителями разнообразной информации, которая в сознании реципиента (переводчика) должна быть воспринята и понята, осмыслена в идеале во всем объеме, со всеми ее смысловыми, стилистическими, стилевыми, функциональными, ситуативными, эстетическими и т.п. особенностями. Этот процесс восприятия, понимания текста, происходит одновременно с процессом воссоздания текста, то есть перевода текста на основе информационных эквивалентов на языке перевода. Чем выше уровень подготовленности переводчика, тем быстрее и успешнее осуществляется этот единый процесс переводческой деятельности (Виноградов, 2006, с. 29–30).

Согласно Р.К. Миньяру-Белоручеву (1999), информационная теория перевода ближе всего подошла к ответу на вопрос, что такое перевод. Для понимания этой теории важна интерпретация термина «сообщение» не как «какого-либо текста, предназначенного для слушателя или читателя», а как информации, предназначенной для передачи, причем такой информации, которую может извлечь только конкретный адресат, знакомый с создавшейся ситуацией. Например, если вы попросили у приятеля одолжить некую сумму, а он отвечает, что зарплату он получит только на следующей неделе, то сообщение будет заключаться не в дне выдачи зарплаты, а в том факте, что на данный момент у него нет денег, чтобы вам помочь.

Значимым для информативной теории является и понятие «инвариант», заимствованное из математики. В мате-

матике инвариант обозначает выражение, остающееся неизменным при определенных преобразованиях переменных, связанных с этим выражением. В переводе по аналогии инвариантом называют то, что должно быть выражено в обоих высказываниях, ту информацию, которая должна быть отражена и в исходном тексте, и в тексте перевода. Поскольку всякое высказывание контекстуально обусловлено, то определение инварианта невозможно без учета контекста, ситуации, в которой данное высказывание прозвучало.

Под информацией в теории перевода понимаются сведения, которые несет то или иное речевое произведение в конкретной ситуации. При этом ситуацией называется совокупность элементов реальной действительности, существующих в момент общения или описываемых в тексте. Текст несет семантическую информацию, то есть заключенную в совокупности значений лексических единиц, и информацию о структуре данного текста. Под структурой речевого произведения понимается его организация, так как речевые произведения отличаются своим синтаксисом и стилем, а в поэзии еще размером и рифмой.

Итак, в процессе опосредованного общения переводчик сталкивается с семантической, ситуационной информацией и информацией о структуре высказывания. Исходя из взаимодействия семантической и ситуационной информации, переводчик (как и любой адресат) делает вывод о смысле высказывания. А поскольку семантическая и ситуационная информация у различных адресатов редко совпадает, то интерпретация одной и той же фразы различными адресатами может различаться.

Смысл воспринимаемого высказывания весьма индивидуален, и переводчик должен суметь понять именно тот смысл, который вложил в свое высказывание автор высказывания, а также то, как хочет быть понятым данный автор. А это обуславливает, например, то, что при переводе художественной литературы передаются все три типа информации:

семантическая и ситуационная в виде смысла, а также информация о структуре текста. Переводчик не просто воспроизводит содержание произведения, но и воссоздает стиль, эстетику автора, жанровый характер произведения, средства художественного выражения, в том числе и формы стихосложения. А в устном переводе информацию, предназначенную для передачи, составляет чаще всего смысл, то есть совокупность семантической и ситуационной информации, а иногда только семантическая или ситуационная.

В целом информационная теория перевода констатирует, что перевод не всегда есть верное и полное выражение средствами одного языка того, что выражено средствами другого языка, и постулирует, что целью перевода является передача инвариантной информации.

Кроме того, информационная теория перевода утверждает, что процесс перевода не есть межъязыковая трансформация, а есть поиск и передача информации, что переход от одного языка к другому осуществляется на информационном уровне.

К достоинствам информационной теории перевода можно отнести следующие моменты:

- она преодолела границы письменного перевода и понимания перевода вообще как полной передачи средствами другого языка содержания и формы подлинника, выделяя такое понятие, как информация, предназначенная для передачи, или сообщение;

- вскрыла пути определения информативности текста и вариативность информационного запаса субъекта в зависимости от лексических единиц;

- учитывает «интеллектуальные характеристики» коммуникантов, своеобразие культур, видения мира, а также ситуативные и коммуникативные условия порождения и восприятия текста;

- послужила основой создания системы обучения различным видам перевода;

– предложила теорию несоответствий, позволяющую оценивать качество перевода с помощью измерения информации при сравнении оригинала и текста перевода.

Согласно теории несоответствий, информация текста перевода не может быть абсолютно тождественна информации оригинала. Неизбежны определенные потери и приобретения. Если информацию двух текстов представить в виде кругов, наложенных друг на друга, то эти круги не совпадут (Миллер, 1964). Вся не совпадающая в двух текстах информация подразделяется на информацию переданную и прибавочную. Несовпадающая информация вычленяется в виде речевых отрезков оригинала и текста перевода, и каждый из этих отрезков классифицируется с точки зрения ценности передаваемой им информации. Информация подразделяется на ключевую (информация самой высокой ценности), дополнительную (информация для малокомпетентного адресата), уточняющую (информация незначительной ценности), нулевую (информация, не имеющая никакой ценности). Каждый из несовпадающих речевых отрезков исходного текста и текста оригинала может содержать только одну информацию той или иной коммуникативной ценности.

Анализ выявленных при сопоставлении текстов несоответствий позволяет оценивать качество перевода с точки зрения его информативной ценности, рассматривая в качестве самой серьезной ошибки искажение ключевой информации и не считая ошибкой опущение слов, несущих нулевую информацию (например слов-паразитов).

5.1.6. Коммуникативные модели перевода

Теории перевода известны множественные модели построения переводческого процесса как коммуникативного акта. Перевод рассматривается с позиций теории коммуникации как акт двуязычной коммуникации (Каде, 1978, с. 69–90; Миньяр-Белоручев, 1980, с. 31; Швейцер, 1988,

с. 52 и др.). Более простые модели усложнялись с развитием теории перевода, все более приближаясь к универсальной модели коммуникативного акта Якобсона (Якобсон, 1975). В этой модели коммуникативный акт предстает как система из шести компонентов: отправителя сообщения, его получателя (адресата), предметной ситуации, то есть того, о чем идет речь в сообщении (референта), канала связи, языкового кода и самого сообщения, каждому из которых может соответствовать отдельная речевая функция (эмотивная, конативная, фатическая, референтная, металингвистическая, эстетическая), доминирующая в том или ином речевом произведении (Гарбовский, 2004, с. 238).

Коммуникативные модели перевода имеют определенную познавательную ценность, потому что позволяют взглянуть на перевод не только как на языковое явление, но и как на процесс, особенности которого обусловлены различными факторами. В этих моделях в известной степени реализуется необходимый для современной науки о переводе синтез подходов к переводу.

Наиболее релевантной на данном уровне развития теории перевода представляется коммуникативно-деятельностная модель перевода. В данной модели перевод рассматривается как особый самостоятельный вид речевой деятельности лингвокультурной (межъязыковой и межкультурной) коммуникации (общения).

При структурировании процесса перевода исследователи исходят из положения, что «проблемы перевода – это, в основном, проблемы анализа, понимания и построения текста» (Комиссаров, 1999, с. 58).

Деятельность субъектов речевой коммуникации, в том числе и деятельность субъектов опосредованной межъязыковой коммуникации, осуществляется в сменяющихся друг друга действиях порождения, восприятия, понимания и интерпретации текстов как продуктов/предметов коммуникативных деятельностей. При этом, если в одноязычной коммуникации

текст есть коммуникативная система речевых знаков и знаковых последовательностей, воплощающая сопряженную модель деятельностей адресата и отправителя сообщения, то при переводе исходный текст как взаимодействие сознаний и деятельностей отправителя и переводчика сосуществует с образом в сознании переводчика предстоящего результата его деятельности – текста перевода, который по мере его формирования переводчиком и присвоения получателем становится взаимодействием сознаний и деятельностей переводчика и получателя текста перевода. Следовательно, при переводе имеет место ситуация с участием исходного текста и образа текста перевода, коммуникативная «стыковка» которых осуществляется переводчиком в целях опосредования координации совместной деятельности автора исходного текста и получателя текста перевода, и как минимум трех сопряженных сознаний и трех деятельностей: текстопорождающей (отправителя исходного текста), рецептивно-порождающей (переводчика) и рецептивной (получателя текста перевода) (Иовенко, 2005, с. 18–19). Рецептивно-порождающая деятельность переводчика обусловлена природой переводческого процесса.

5.2. От оригинала к тексту перевода. Дидактический аспект

5.2.1. Понятие «текст»

Всякое вербальное общение, в том числе и двуязычное, есть взаимодействие коммуникантов, в процессе которого они порождают (письменно или устно) и воспринимают (зрительно или на слух) тексты. Вербальное общение осуществляется посредством текстов и представляет собой текстовую деятельность. Являясь единицей общения, текст будет и основной единицей перевода.

Любой текст существует как сложное коммуникативное и структурно-семантическое целое (единство) и является таковым, если он соответствует правилам построения текстов данного типа (речевого жанра).

Текстом является не всякий набор высказываний. Необходимо, чтобы такой набор обладал определенными свойствами, которые позволяют отличать его от случайного соположения предложений (или других единиц) в том или другом акте коммуникации, то есть текстуальностью.

Текст представляет собой речевое произведение:

а) имеющее линейную структуру, сформированную из цепочки высказываний;

б) состоящее как из нескольких или многих сверхфразовых единств, так и отдельного сверхфразового единства или предложения, если оно представляет собой самостоятельное высказывание;

в) обладающее определёнными характеристиками: обусловленностью; целостностью, проявляющуюся в связности и законченности; композиционной оформленностью; коммуникативной направленностью; стилистической и жанровой отнесённостью.

Будучи функционально коммуникативной речевой сущностью, текст оперирует единицами текста-речи. Языковые единицы, функционируя в рамках текста, преобразуются в речевые.

Как целое речевое произведение текст – это явление, прежде всего, социально-речевое, это целостная коммуникативная единица, обслуживающая все сферы общества в континууме коммуникативных ситуаций.

Каждый акт общения осуществляется в конкретной ситуации общения между конкретными партнёрами.

«Коммуникативная ситуация играет для коммуникантов тройную роль: она мотивирует, детерминирует и актуализирует смысл текста. Мотив и замысел автора текста формируются в его сознании под влиянием коммуникативной

ситуации в результате взаимодействия индивидуальных характеристик автора с реальной действительностью, отраженной в момент производства речевого акта в коммуникативной ситуации (мотивировочная роль коммуникативной ситуации). Автор текста разрабатывает концептуальную программу своей речевой деятельности (прагматический аспект) и избирает стратегию ее реализации (семантически компонент) на основании релевантных факторов коммуникативной ситуации, среди которых всегда фигурирует адресат текста (детерминирующая роль коммуникативной ситуации). Адресат реконструирует субъективный смысл текста (прагматический аспект), соотнося семантическое содержание со своими знаниями и с коммуникативной ситуацией (актуализирующая роль коммуникативной ситуации). Как видно, коммуникативная ситуация “участвует”, с одной стороны, в формировании смысла и, с другой стороны, в его интерпретации, являясь, таким образом, значимой для всех коммуникантов» (Львовская, 2008, с. 61).

Порождение текста всегда социально и ситуативно обусловлено и ему присуща национально-культурная специфика, поскольку:

- каждый акт общения осуществляется не только в конкретной ситуации между конкретными коммуникантами – личностями, но и в контексте определенной культуры/культур между представителями одной и той же этнолингвосоциокультурной общности или определенных культур, между представителями различных этнолингвосоциокультурных общностей в случае опосредованной коммуникации;

- каждый текст интертекстуален, то есть в значительной степени создается под влиянием набора ранее созданных текстов в рамках данной культуры при одноязычной коммуникации или в рамках корреляции текстов контактирующих культур в процессе опосредованного общения, которые становятся базой для взаимодействия при создании нового текста.

Функционально текст представляет собой иерархическую структуру, смысловые элементы которой подчинены глобальной теме и глобальной интенции. Под влиянием глобальной коммуникативной цели формируются частичные цели отдельных высказываний (предложений) в рамках текста. «Текст не есть простая последовательность высказываний, он представляет собой последовательность высказываний, логически связанных между собой и структурированных в одно целое согласно концептуальной программе автора (КПА) и выбору, который он осуществляет для реализации этой программы в данной коммуникативной ситуации. КПА формируется автором текста на основании его главного замысла, что не исключает возможности того, что при развитии текста могут появиться второстепенные замыслы, которые никогда не противоречат главному замыслу, а, напротив, подчиняются ему» (Львовская, 2008, с. 42).

В процессе коммуникации общающиеся преследуют определённые цели, соответственно тексты имеют определённую функциональную направленность. Принято считать, что тексты, порождаемые в процессе общения, могут выполнять функции сообщения (информативную), воздействия (эмоциональная, волюнтативная) и общения. Однако в зависимости от позиции исследователя набор и количество функций может варьировать: референциальная, экспрессивная и апеллятивная (Bühler, 1934), которые соответственно связаны с целью коммуникации, автором текста и его получателем. К ним могут быть добавлены метаязыковая, поэтическая и фатическая функции, которые соответственно связаны с кодом, с сообщением и каналом коммуникации (Якобсон, 1975). Данная классификация может использоваться с определёнными терминологическими вариациями и выделением таких функций, как информативная (референциальная), апеллятивная (коннотативная), эвалюативная, эмотивная, фатическая. Ни один текст не является монофункциональным. Автор любого текста, будь то научного или ли-

тературного, может выразить свое отношение и свои эмоции в связи с событиями или явлениями, описанными в тексте (эвалюативная и эмотивная функции), может апеллировать к мнению получателя (апеллятивная функция), или пригласить его к диалогу (фатическая функция) (Львовская, 2008, с. 64, 135–136).

Та или иная функция может быть выражена в тексте более отчетливо, чем другие. Тексты, в том числе и «реальные тексты, с которыми имеет дело переводчик, как правило, полифункциональны...» (Швейцер, 1988, с. 33). Исходя из полифункциональности текста выдвинуто положение о функциональных доминантах текста как о комплексе функциональных характеристик, играющих в нем ведущую роль, отвечающих коммуникативной установке отправителя и определяющих закономерности анализа и синтеза текстов в процессе перевода. Специфическая для данного текста конфигурация функциональных доминант (набор ведущих функциональных характеристик) и определяет вместе с коммуникативной установкой и социокультурными нормами тот инвариант, который подлежит сохранению при переводе. При этом они не детерминируют жестко и однозначно переводческое решение в процессе перевода (Швейцер, 1973, с. 68–70; 198, с. 35).

«Прагматическая субструктура смысла текста включает два соотносящихся компонента, интенциональный и функциональный, каждый из которых имеет свою собственную иерархическую структуру. Вершину интенционального компонента образует главный замысел (ГЗ) автора. На основе своего ГЗ и коммуникативной ситуации автор определяет доминирующую функцию (ДФ) текста (информативную, оценочную, эмотивную, апеллятивную, оперативную, фатическую) или в некоторых случаях делает выбор в пользу сочетания двух функций с явным преобладанием одной из них, которая всегда будет соотноситься с ГЗ. Стремясь к реализации ГЗ, автор порождает ряд последовательных высказыва-

ний, которые образуют более крупные блоки текста: абзацы, разделы, главы. Каждое высказывание или текстовый блок имеют замысел/дополнительные замыслы (ДЗ) автора, которые могут совпадать с ГЗ или отличаться от него, однако они всегда подчиняются ГЗ (способствуют его реализации) и замыслам более крупных блоков. Итак, никакой текст не является монофункциональным. Появление любой ВФ всегда соотносится с соответствующим замыслом. Результатом такого соотношения является концептуальная (интенционально-функциональная) программа автора текста... Прагматическая субструктура текста имеет иерархически-линейный характер. Она иерархична, так как замысел, который имеет каждое высказывание, подчиняется замыслам более крупных блоков текста, а они, в свою очередь, подчиняются ГЗ, равно как вспомогательные коммуникативные функции (ВФ) подчиняются ДФ текста. Линейный аспект прагматической субструктуры отражает логику развертывания текста. Благодаря иерархическо-линейной связи, объединяющей все элементы прагматической субструктуры, обеспечивается логическая когерентность текста: каждое высказывание или более длинные фрагменты логически связаны с пре-текстом (выводятся из пре-текста) и имеют свою функциональную перспективу, нацеленную на пост-текст» (Львовская, 2008, с. 64–66).

«Различные виды и типы текстов отличаются не только своими функциями, но и средствами, которые обычно используются в каждом типе текста для выражения тех же функций в соответствии с интенциями автора и текстовыми конвенциями/идиолектом...

В любом случае то, что отличает один тип текста от другого, не заключается именно в его ДФ... разные типы текстов могут иметь одну и ту же ДФ, например, новость, научный текст, фармацевтический каталог имеют информативную ДФ.

Тот факт, что имеются различные типы и жанры текстов, объясняется существованием разных человеческих дея-

тельностью (наука, журналистика, искусство, торговля или обучение). Исходя из своих профессиональных интересов и деятельности, автор разрабатывает концептуальную программу текста, учитывая релевантные обстоятельства данной коммуникативной ситуации и, особенно, адресат. Так, в одной ситуации ученый намеревается написать теоретическую статью, – а в другой – рецензию, научно-популярную или критическую статью. Определив тип текста, автор разрабатывает его концептуальную программу... КПА автора образована двумя соотносительными программами: интенциональной и функциональной. Внутри этого соотношения приоритет принадлежит интенциональной субпрограмме, на основе которой разрабатывается функциональная субпрограмма, которую автор сочтет наиболее адекватной коммуникативной ситуации. Функциональная субпрограмма состоит из доминирующей функции и дополнительных функций, которые наряду с первой образуют функциональную структуру текста... Маркеры той или иной коммуникативной функции могут быть эксплицитными или имплицитными, что также зависит от интенции автора...

Интенциональная и функциональная субпрограммы полностью соотнесены внутри КПА текста и поэтому имеют одинаковую важность для эквивалентной двуязычной деятельности. Коммуникативная эквивалентность между ИТ и ПТ означает их интенционально-функциональную эквивалентность. Это не означает, что всегда удастся перенести ту или иную дополнительную функцию во фрагмент ПТ, который соотносился бы с аналогичным фрагментом ИТ; могут даже иметь место явления интенциональной утраты дополнительной функции во имя сохранения в переводе верности самым важным факторам КПА ИТ... или по причине приемлемости ПТ (перевод названия русского фильма «*Утомленные солнцем*» – «*Quedamos por el sol*»).

...Эквивалентная двуязычная деятельность предполагает максимально возможную верность КПА ИТ, частью ко-

торой является функциональная субпрограмма, в то время как гетеровалентная двуязычная деятельность допускает ее полное изменение в ПТ» (Львовская, 2008, с. 136–140).

Всякий текст как речевое произведение складывается из единиц ниже текстового уровня. Основными единицами текста являются высказывание (воплощенное в структуре предложения) и сверхфразовое единство.

Напомним, что высказывание – единица коммуникации, а предложение – единица языковой системы. Текст – с точки зрения ортодоксально лингвистической – состоит из предложений, а с коммуникативной – из высказываний. Для целей интерпретации текста важно то, что в графическом изображении они чаще всего совпадают.

Сверхфразовое единство (СФЕ) представляет собой структурно-смысловое единство – группу предложений, тесно связанных собой единством содержания, структурной выделенностью и внутренней связностью. Эти характерные черты СФЕ делают возможным его изъятие из текста при сохранении им семантической самодостаточности и относительной независимости, что и позволяет рассматривать СФЕ как своего рода микротекст или блок текста. Для сверхфразового единства характерно наличие семантического ядра, которое может быть выражено эксплицитно либо выводиться из общего содержания.

Другой сложной текстовой единицей является абзац. Вычленение абзаца не представляет сложности. Абзац всегда графически оформлен.

Абзац и СФЕ могут совпадать в своих границах и, таким образом, как бы отождествляться, но по своей природе это явления принципиально различные. Принято считать, что СФЕ – это структурно-семантическое образование, а абзац – структурно-логическое. Абзац не столько членит смысловое содержание, сколько отражает логику мышления адресанта при создании текста. В научной речи достаточно обычным явлением является совпадение СФЕ и абзаца.

Текст – не просто последовательность предложений и сверхфразовых единств, а законченная, дискретная последовательность, сумма компонентов которой представляет собой не конгломерат обособленных единиц, а связное целое. Нецелостное и несвязное образование по определению текстом не является.

Целостность текста определяется прежде всего его физическими границами. Текст не может ни начинаться, ни заканчиваться с середины предложения. У нормально оформленного текста есть и начало, и конец. И обуславливаются они не только полнооформленностью первого и последнего предложения (это само собой разумеется), но и самой логикой движения мысли, логико-композиционной структурированностью текста.

Связность текста обеспечивается как формальными, так и содержательными факторами. Последнее проявляется, прежде всего в единстве содержания. А само поступательное развитие темы влечет за собой многочисленные семантические связи, представленные ключевыми для темы словами, элементами временного и/или пространственного континуума, общей целевой установкой.

Связность текста реализуется целым рядом собственно языковых средств, как грамматических (например, временные формы глагола, союзы и союзные слова), так и лексических (например: повторы лексических единиц, синонимы, антонимы).

Помимо языковых средств показателем связности являются логические и ассоциативные средства.

Логические средства связности текста направлены на преодоление расчлененности текста на формально выделяемые или содержательно оформленные отрезки, обеспечивая их общую связность. В этих целях используются клишированные речения (например, «во-первых... во-вторых... в заключение»). Логические средства связности особенно характерны для научной речи.

На уровне ассоциативных связей связность текста обеспечивается на основе устойчивых жизненных представлений, контекстуально обусловленных импликаций, фоновых знаний и аллюзий.

Исследователи сходятся во мнении, что теория перевода должна учитывать следующие универсалии текста («универсалии дискурса»): различные способы маркирования начала и конца текста; способы маркирования переходов между внутренними частями текста; логические отношения (например, причина и следствие); темпоральные связи (согласование времен); пространственные связи (логическое расположение абзацев); идентификацию участников дискурса (текста); разные средства выделения тех или иных элементов для фокусирования на них внимания или для эмфазы; сопричастность автора (его позиции, точки зрения); передачу индивидуального своеобразия подлинника, автора. Одновременно с этим отмечается, что в разных языках для выражения «универсалий дискурса» используются далеко не одни и те же средства. И для перевода представляется важным, каким образом реализуются «универсалии дискурса» в контактирующих друг с другом в процессе перевода языках и какие из этого вытекают последствия для структурирования конечного текста (Nida, Naber, 1969, с. 132, 181–182; Найда, 1978; Швейцер, 1988, с. 29–30).

Смысловые и языковые особенности текста определяются как интралингвистическими, так и экстралингвистическими условиями. Не только построение, но и понимание текста, извлечение смысла текста происходит на основе как лингвистических, так и экстралингвистических культурно-когнитивных (пресуппозиций, энциклопедических и фоновых знаний, норм речевого поведения) и ситуационных факторов.

Информация, выраженная в тексте, может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно.

Эксплицитное содержание текста (высказывания) – это содержание, которое непосредственно выражено совокупностью языковых/речевых знаков, из которых этот текст (высказывание) составлено, то есть это то, что сказано «открытым текстом».

Информация высказывания никогда не исчерпывается только эксплицитным содержанием. Та часть информации, которая прямо не выражена в языковых знаках, но так или иначе извлекается из текста называется имплицитным содержанием, или подтекстом. Например, одно и то же высказывание «Чудесная погода!» может иметь прямой смысл при хорошей погоде, а при характеристике плохой погоды – прямо противоположный. Второе толкование смысла зависит от того, какая на самом деле стоит погода, как говорящий ее воспринимает, какова в действительности та ситуация, которая отражена в высказывании, иначе говоря, от того, как данное высказывание соотносится с релевантными факторами данной коммуникативной ситуации.

В процессе общения мы выступаем как коммуниканты: говорящий и слушающий, пишущий и читающий (адресант и адресат) в конкретном акте общения, направленном на достижение определенных коммуникативных целей.

В зависимости от личного или массового общения адресантами и адресатами выступают отдельные личности или коллективные личности – типизированные усреднённые адресанты и адресаты. Так, например, научные статьи адресованы коллективному адресату – специалисту в данной области знаний, а редакционные статьи или передавицы газет имеют коллективного адресанта.

Тексты, порождаемые в процессе общения, могут иметь форму монолога, диалога, полилога. В основе этих форм лежит однонаправленность или взаимонаправленность общения. В случае, когда в коммуникативно-речевом акте активность принадлежит отправителю речи (только один из коммуникантов создает текст), этот акт совершается в моно-

логической форме. В случае участия в нём двух или большего количества лиц, он осуществляется, соответственно, в диалоге или полилоге. В диалоге и полилоге субъекты, меняясь коммуникативными ролями и являясь попеременно, то говорящим, то адресатом, создают текст совместно. В полилоге в отличие от диалога возрастает число (более двух) соавторов текста.

Монологическая и диалогическая формы предопределяют принципиально разное языковое оформление. Монологическая речь – наиболее организованный вид речи. Диалог является составным текстом. Полилог, в котором принимают участие более двух лиц, сводится к нескольким перекрещивающимся диалогам (например, официальная научная дискуссия).

Расположение коммуникантов (удалённое, дистантное или контактное) в процессе общения обуславливает наличие письменной и устной форм коммуникации, определяет также такие параметры речи, как ее обработанность (при подготовленной устной и письменной речи) или необработанность (в случае спонтанной устной речи).

Эмоциональный настрой коммуникантов определяет степень эмоциональности/неэмоциональности речи, экспрессивность или нейтральность используемых языковых средств.

В любом языке имеется значительный фонд слов с устойчивой эмоционально-экспрессивной окраской. Оттенки этой окраски чрезвычайно многообразны и связаны с выражением отношения к предмету или явлению, например: неодобрительное, ироническое, презрительное, торжественно-приподнятое, нейтральное и т.д. Многообразные оттенки эмоционально-экспрессивной окраски (эмоционально-экспрессивной коннотации) принято делить на два больших разряда: с положительной (мелиоративной) и отрицательной (пейоративной) окраской. Среди положительных оттенков выделяют (оценки общие и собственно экспрессивные), на-

пример: торжественную, возвышенную, близкую к ним риторическую и возвышенно – поэтическую. Наряду с ними выделяют эмоциональные оценки: слова одобрительные («прекрасный, грандиозный»), ласкательные («заинька, золотце») и др. Негативные оценки ещё более разнообразны: неодобрительная, презрительная, укоризненная, ироническая, пренебрежительно-фамильярная, бранная.

Наличие или отсутствие эмоционально-экспрессивных средств позволяет говорить об определённой эмоциональной окрашенности всего текста, например, нейтральная, ироническая и т.д. Благодаря наличию экспрессивных средств можно определить тон (тональность высказывания) текста: спокойный, информативный или полемический, декларативный или директивный и т.д.

5.2.2. Текст перевода – основная единица перевода

Независимо от выбранного вида и способа перевода переводчик в процессе перевода создает метатекст в иной культурной и языковой среде. Соответственно, он должен воссоздать оригинал на языке перевода как целостное речевое произведение, обеспечив наличие «текстуальности», отличающее текст от «не текста». При этом данное речевое произведение со всеми его характеристиками является вторичным текстом, репрезентирующим исходный текст.

Текст перевода коммуникативен, если концептуальная программа оригинала опредмечена в нем в соответствующих языковых, текстовых, культурологических параметрах принимающей культуры, вторичной лингвосоциоэтнической общности, ориентирована на прагматику получателя и соотнобразуется с конкретными коммуникативными условиями вторичной ситуации общения.

Деятельность переводчика по созданию текста перевода детерминирована, с одной стороны, корреляцией контактирующих лингвокультур, совместимостью концептуаль-

ных и языковых картин мира участников опосредованной коммуникации (автора оригинала, переводчика, реципиента перевода), с другой – факторами, управляющими переводческой деятельностью. К ним относят потребность, мотив, цели перевода, жанр переводимого текста (тип дискурса), условия осуществления акта перевода, представления о нормах и литературных традициях той или иной эпохи, дискурсивные конвенции, социальный заказ на перевод, объективные потребности общества в данном переводе, представления об эстетических идеалах, ценностные ориентации. Помимо этого, деятельность переводчика и оптимальность ее результатов детерминированы субъективным фактором – профессионализмом переводчика, его конкретными действиями по созданию текста перевода.

Текст перевода воссоздает фрейм оригинала как культурно-когнитивной сущности, отражающей фрагмент действительности в национально-культурной интерпретации. Моделирование текста перевода основано на целостном воспроизведении данного фрейма – смысла, или системы смыслов оригинала: концептуальной программы, семантики языковых единиц, текстуализации фрагментов экстралингвистического опыта и конкретных ассоциаций. При этом осуществляются прагматически обусловленные преобразования эксплицитной и имплицитной информации оригинала в соответствии с новой ситуацией общения и целью/задачей перевода.

Создание текста перевода связано одновременно и с воспроизведением смысла оригинала, и жанрово-стилистическим моделированием информации, переводческой «стилизацией», обеспечивающей «приемлемость» текста перевода в принимающей культуре, его информационную и коммуникативную равноценность в рамках иноязычной культуры. Переводчик вынужден как бы «ламинировать», избегая, с одной стороны «одомашнивания» (привнесения в текст национального колорита отечественной культуры), с другой стороны, излишней «экзотизации» (подчеркивания

культурной чужеродности текста, которая мешает читателю вжиться в происходящее).

Современная теория перевода решает проблемы перевода с текстологических позиций, рассматривая текст в качестве основной единицы перевода, не исключая выделение единиц более мелкого масштаба в рамках текста. Текст считается основной единицей перевода исходя из ряда оснований.

Во-первых, поскольку текст представляет собой единое смысловое целое, значения всех элементов текста, всех его составляющих, взаимосвязаны и подчинены этому целому. А значит, контекстуальное значение и понимание «отдельных цельных элементов сообщения» (Колшанский, 1982, с. 32) в большей или меньшей степени определяется содержанием всего текста и тем местом, которое они в тексте занимают.

В процессе перевода переводчику постоянно приходится идти на компромисс: с одной стороны, он ориентируется на стратегию выбора на уровне целого текста и его достаточно крупных фрагментов. С другой стороны, переводчик придерживается тактики поиска в масштабе «отдельных цельных элементов сообщения», в которых реализуется информативно полноценный фрагмент общения коммуникантов и который в структурном отношении может совпадать с высказыванием или быть больше него.

В переводе величина избираемого переводчиком цельного элемента сообщения варьирует в зависимости от вида перевода (устного/письменного, художественного/информативного: научного, официально-делового и общественно-информативного), типа текста, индивидуальных особенностей переводчика, сложности исходного текста, специфики языковой соотносительности.

Переводчик воспринимает оригинал по цельным элементам сообщения и «работает» с ними, так как он не может осуществить одномоментный перевод всего текста при его

значительном объеме. Поиск соответствий в масштабе отдельных цельных элементов сообщения может осуществляться на еще более низких уровнях языковой системы, единицы которых (фонемы, морфемы, лексемы, словосочетания) входят в состав цельных элементов сообщения. В то же время переводчик непрерывно согласует осуществляемые им выборы с постепенно порождаемым целым, «сличает» создаваемые смыслы отдельных фрагментов текста с текстовым смыслом и особенностями композиционного устройства текста, вносит необходимые коррективы и добивается баланса части и целого.

Проблема переводческого выбора возникает в силу того, что единицы исходного текста не детерминируют однозначно единицы текста перевода, и сам выбор подчиняется постепенно возникающему целому (макротексту). Причем выбор отдельных элементов может быть не прямо подчинен этому целому, а согласован с выбором других элементов в его окружении. Таким образом, деятельность переводчика характеризуется двунаправленностью: от отдельных элементов сообщения к целому тексту и от текста к отдельным элементам сообщения (детерминация целого частями и детерминация частей целым) (Иовенко, 200, с. 19–25).

Принятие решений при переводе, выбор одного из возможных вариантов перевода обусловлены множественностью допустимых решений, существованием, как правило, нескольких равноценных вариантов перевода благодаря синонимии языковых средств, информационной многогранностью исходного текста, различными условиями выполнения перевода (исторический период его создания, территориальная привязка, способ реализации), различными целями перевода и установками на разных получателей.

Процесс принятия решений при переводе осуществляется поисково-избирательным «перебором» различных вариантов перевода, то есть неуклонным и многоступенчатым приближением к оптимальному варианту (Швейцер, 1984,

с. 508), и мгновенным, порой интуитивным нахождением адекватного соответствия для передачи инвариантного содержания (Латышев, 1988, с. 40). Это позволяет полагать, что переводческая деятельность реализуется как на основе логико-дискурсивного мышления, так и с участием интуиции, то есть без полного осмысления механизмов детерминации (Иовенко, 2005, с. 26).

Процесс принятия решений при переводе осуществляется в условиях достаточно высокой степени свободы коммуникативной деятельности переводчика, так как, среди прочих причин, и исходный текст и текст перевода не являются изолированными, полностью автономными и закрытыми системами. Определенная свобода действий переводчика опирается на знание переводческих закономерностей, принципиальную возможность выбора или возможность не осуществлять выбор в ситуации безальтернативного перевода и на неизбежную субъективность в принятии переводческих решений. При этом переводческая свобода в процессе выбора и принятия решений при переводе обусловлена и ограничена необходимостью опосредования координации коммуникативных деятельностей субъектов межъязыковой коммуникации, принадлежащих к различным межкультурным общностям.

Во-вторых, текст является основной единицей перевода, поскольку перевод никогда не бывает абсолютным. В силу культурно-когнитивных и ситуационных причин определенная информация в тексте перевода утрачивается или изменяется. При оценке значимости неизбежных потерь при переводе действует принцип преобладания целого над частью. Это означает допустимость пожертвования менее существенными деталями ради успешной передачи смысла текста, его глобального содержания.

5.2.3. Этапы создания текста перевода

Анализ процесса письменного перевода подводит к тому, что этапы анализа и создания текста перевода, из которых складывается процесс перевода, могут быть условно представлены как этап переводческого/предпереводческого (в зависимости от терминологии автора) анализа исходного текста, направленного на понимание и интерпретацию исходного текста в целях его дальнейшего перевода, этап создания текста перевода, а также этап редактирования и оценки результата перевода.

Условность приведенной последовательности связана со спецификой текстовой деятельности. Независимо от того, идет ли речь о порождении или интерпретации, текстовая деятельность включает все основные фазы предметного действия: ориентировочную, исполнительную и контрольно-коррекционную (Дридзе, 1996).

В процессе письменного перевода его автор выступает как переводчик–читатель, интерпретатор оригинала; переводчик–лингвист, создатель текста перевода; переводчик–редактор и критик созданного текста перевода.

Всякий перевод начинается с целенаправленного переводческого анализа исходного текста, направленного на его понимание и интерпретацию, с извлечения информации из первичного текста, позволяющего выявить смысл и формы текста, определить основные переводческие трудности и наметить пути их преодоления.

Общепринятым является положение, что понимание текста переводчиком кардинально отличается от более поверхностного понимания его обычным читателем в силу специфики переводческой деятельности. Переводчик не только вникает в текст, но и оценивает его как переводчик. «Обязанность переводчика передать не только то, *что* сказано, но и то, *как* это сказано, приводит к аналитической стадии в переводческом процессе» (Рецкер, 2004, с. 18).

Переводческий анализ предшествует собственно переводу текста оригинала. Отметим, что предшествование (анализ *до* перевода) понимается как преобладающий принцип (в реальной практике не исключаются элементы как параллельного, так и последующего анализа, ведущего к корректировке или уточнению переведенного текста в процессе его оценки и редактирования).

Направленный на понимание того, что сказано и как это сказано, переводческий анализ текста предполагает многократное (повторное) прочтение текста, охватывающее такие виды чтения, как глобальное, поисково-ознакомительное и аналитическое. При этом понимание в процессе чтения строится с учетом ситуационно-культурной обусловленности текста, понимания общего содержания и основной мысли текста на основе прочтения всего текста целиком к полному и глубокому пониманию отдельных элементов и фрагментов текста в процессе последующего анализа отдельных составляющих в ходе поисково-ознакомительного и аналитического чтения.

Обучение переводу начинается тогда, когда студент имеет уже определенный уровень языковой компетенции. Каким бы недостаточным этот уровень ни был, он позволяет ему понять с большей или меньшей степенью приближения, если не все содержание, то, по меньшей мере, тему текста. В любом случае сначала следует прочитать исходный текст без словаря, поскольку первое чтение имеет ориентирующий характер: студент входит в тему и в данную референциальную ситуацию, актуализирует свои знания, приступает к поиску недостающих ему знаний, и только затем начинает искать в словаре незнакомые слова и выражения. В этом случае его поиск хорошо ориентирован, при этом сразу же исключается возможность выбора значений, которые не стыкуются с темой или данной референциальной ситуацией. Кроме того, подобный подход способствует развитию «контекстуальной

и ситуационной интуиции», иными словами, ориентации в микро- и макроконтексте (Львовская, 2008, с. 180).

Помимо направленности на понимание информации текста оригинала переводческий анализ связан с прогнозированием целесообразности тех или иных преобразований в тексте оригинала для сохранения ценности оригинала в совокупности его стилистических, смысловых и прагматических характеристик в тексте перевода. Соответствующие средства выражения на языке перевода подбираются только на основе интерпретации подлинника и возникающих в связи с этим переводческих задач, коррелирующих с целью перевода и интенционально-функциональной программой исходного текста. В целом всесторонний переводческий анализ позволяет эффективно решать проблемы подбора эквивалентов в контексте целостной структуры текста и моделировать текст перевода.

Процесс понимания текста имеет свои особенности, и в силу своей сложности может представлять определенную трудность. Известно, что разные реципиенты неодинаково могут понимать один и тот же текст, извлекая из него разную информацию в зависимости от их индивидуальных особенностей, знаний и представлений.

Ранее мы говорили о том, что понимание текста переводчиком отличается от понимания текста читателем. Задачей переводчика является полное и глубокое понимание исходного текста. Такое понимание текста происходит на основе как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Переводчик должен воспринимать целостность текста оригинала и обеспечить целостность создаваемого им текста перевода.

Таким образом, понимание текста основано на осознании целостности с обязательным учетом прагматических правил его построения. При этом важно не только сказанное, но и подразумеваемое, поэтому обязательно учитывать пресуппозиции, которые должны включать не только сказанное

ранее, но и просто известное автору текста, его социальный статус и фоновые знания.

Проникновение в смысловую структуру текста осуществляется в трех направлениях: вертикальном, горизонтальном, глубинном.

Вертикальная структура содержания текста (целостность) создается его формально-тематическим содержанием, начиная с общего замысла или темы текста, которая развивается во все более мелких составляющих текста: подтемах, субтемах, вплоть до отдельных суждений.

При анализе текста по вертикали содержание рассматривается от текста в целом к его частям, то есть сначала выделяется тема текста, затем она разбивается на подтемы, в которых, в свою очередь, различаются составляющие их части. Переводя отдельные единицы, переводчик учитывает место каждой в общей структуре содержания исходного текста и соответственно строит смысловую структуру создаваемого им текста перевода.

Горизонтальная структура содержания текста (связность) создается содержанием каждой из его единиц и взаимодействием единиц между собой, их последовательностью расположения в тексте. Она создается формальными и смысловыми связями между высказываниями (предложениями).

Смысловое единство текста обеспечивается логической последовательностью и непротиворечивостью изложения, логическими связями («итак», «следовательно», «подведем итоги» и др.), использованием стереотипных формул, обозначающих начало и концовку повествования и т.д.

Формальная связность текста достигается при помощи различных языковых средств: анафоро-катафорическими связями, грамматическими способами обеспечения связности, тема-рематической структурой.

Под анафорой понимается совокупность текстовых средств отнесения элементов сообщения к ранее сказанному. Анафорические связи (отсылка к предыдущей части текста)

реализуются с помощью местоимений, наречий, частиц, лексического повтора и других лексических средств (синонимии, антонимии, гиперонима, синекдохи), придаточных предложений.

Катафора – средство связи, обеспечивающее обращение к последующим элементам текста, которое реализуется главным образом с помощью местоимений, наречий, частиц.

К грамматическим способам обеспечения связности относится использование того или иного типа предложения (неполное, вопросительное, восклицательное), однородных членов предложения, видо-временных форм глаголов.

Видо-временная система глаголов выполняет в предложении несколько функций, способствующих созданию единого синтаксического рисунка, а именно: упорядочение временного континуума, связь отдельных смысловых фрагментов текста в единое целое, сегментация текста на смысловые фрагменты.

Связность и смысловое единство текста обеспечиваются также тема-рематической структурой, или актуальным членением, пронизывающим как весь текст, так и отдельное высказывание (предложение). Актуальное членение предложения – это членение предложения в контексте на исходную часть сообщения – тему (данное) и на то, что утверждается о ней – рему (новое). Развертывание текста и каждого высказывания (предложения) в рамках текста строится от известного к неизвестному. В каждом предложении (высказывании) выделяются тема и рема. Тема – исходный пункт сообщения, то – относительно чего нечто утверждается в данном предложении; то, что, как предполагается, известно собеседнику (то, о чем шла речь ранее) или предлагается ему как нечто данное. Темы «скрепляют» текст. От правильно выбранной темы во многом зависит связность предложений. Рема – главный смысловой центр сообщения; то, что утверждается или спрашивается об исходном пункте сообщения – теме, та

новая информация, ради которой это сообщение создано. Рема создает предикативность, законченное выражение мысли.

Актуальное членение предложения имеет свою национальную специфику. Так, в русском предложении коммуникативно значимые компоненты, несущие новую информацию, тяготеют к концу фразы, вплоть до расщепления именного сказуемого, например: *Вернулся он оттуда совершенно иным человеком.* В английском или французском предложении рема может выражаться любыми способами, которые не требуют обязательного помещения значимой информации в конце фразы, например, с помощью неопределенного артикля.

Любой член предложения в соответствии с контекстом или ситуацией может выступать темой или ремой. Тема-рематическое членение высказывания может осуществляться путем выделения ремы интонационными (ударение, паузация), лексическими или синтаксическими средствами. Указывать на смысловой центр сообщения – рему могут также неопределенный артикль, агентивное дополнение (т.е. дополнение при пассиве, обозначающее производителя или источник действия – агенс) в пассивной конструкции, интонация, позиция в предложении, ремовыделительные конструкции, контекст. В тексте последовательность и связность изложения во многом зависят от тема-рематических отношений соседних высказываний. Зачастую рема одного высказывания становится темой последующего высказывания. Помимо этого, определенная тема-рематическая структура создается в целостном содержании текста, когда информация в одной части текста выступает в обобщенной форме в качестве исходного момента (темы) для последующего содержания. Например, за описанием наступления лета следует сообщение, что этим летом произошло.

При создании текста перевода переводчик, как правило, следует тема-рематическому членению оригинала.

Глубинная структура содержания текста (понимание смысла) отражает процесс построения речевых высказываний и включения их в текст. Языковые средства, используемые для передачи задуманного сообщения, отбираются и организуются автором (а затем переводчиком) таким образом, чтобы адресаты (обладающие необходимыми языковыми и фоновыми знаниями), интерпретируя значения этих языковых средств (относительно друг друга и относительно обозначаемой ими реальности), могли бы извлечь из высказывания ту информацию, которую заложил автор/переводчик.

Информация, получаемая адресатами путем интерпретации значений языковых единиц, составляющих высказывание, выступает в качестве собственно языкового содержания высказывания. Это как бы «поверхностное» вербальное содержание, которое всецело зависит от набора языковых средств. Данное содержание актуализируется, контекстуализируется, приобретает в тексте конкретно-контекстуальный смысл. Конкретно-контекстуальный смысл высказывания и всего текста во многом зависит от индивидуальных знаний, эмоций и ассоциаций, фоновых знаний коммуникантов.

Недостаточное владение реципиентом (получателем текста) либо языковыми, либо фоновыми знаниями лишает его возможности адекватно, правильно интерпретировать языковые средства, актуализировать их, соотносить с конкретными референтами.

Референт – конкретный объект внеязыковой действительности, который имеет в виду автор, строя речевое произведение, конкретное высказывание. Референт мыслится как носитель какого-либо признака или элемент какого-либо множества. Референтом может быть как конкретный предмет реальной действительности, так и вымышленный (например, фантастический или сказочный персонаж). С данным объектом у автора связаны свои собственные ассоциации.

Понятие «референт» противопоставляется понятию «денотат» – классу объектов реальной действительности, ко-

торые могут быть определены данным понятием, то есть подпадать под его содержание. Референт и денотат различаются степенью обобщенности как единичное, со всеми присущими ему дифференциальными признаками, и множественное, объединяющее совокупность аналогичных объектов в класс на основе их сущностных признаков. В любом речевом произведении с помощью лингвистического знака называется либо класс предметов, либо какой-либо конкретный предмет этого класса.

Фоновые знания – это социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности.

Полнота понимания содержания текста реципиентом (в том числе и переводчиком при восприятии исходного текста) зависит от его способности выявить то, что заложено автором в тексте, а именно:

- описываемые в тексте предметы реальной действительности в их взаимосвязях и с социально закрепленными прямыми и метафорическими значениями (сфера реального);
- представления автора текста о значениях этих предметов и их взаимосвязях, его впечатления о них, эмоции, связанные с ними (сфера идеального);
- речевые формы текста, избранные автором исходя из их семиотической и эстетической значимости (сфера знаков) для выражения представлений автора.

Сочетание языковых единиц в тексте создает новую информацию. В этом смысле содержание текста (высказывания) оказывается более информативным, чем совокупное значение составляющих его языковых единиц, что и позволяет говорить о глобальном содержании текста.

Глобальное содержание текста представляет собой совокупность трех семантических составляющих: языкового содержания, конкретно-контекстуального смысла и имплицитного смысла.

Именно конкретно-контекстуальный смысл высказывания связывает то, что говорится, с тем, что воспринимается при помощи органов чувств, является главным содержанием большинства актов общения, включает речевое общение в практическую деятельность людей. Контекстуализация высказывания – обязательное условие функционирования языка в качестве средства общения, всегда присущее тексту.

Немаловажное значение имеет способность языкового содержания высказывания передавать дополнительный смысл, имплицитно связанный с ним и выводимый из него реципиентами.

В лингвистической литературе понятие импликации заимствовано из логики и основано на логической связи «если А, то Б», когда Б не выражено, а лишь подразумевается. Импликация – вид подразумевания. Имплицитный смысл текста – это особый вид импликации.

Имплицитность текста может быть связана с конкретно-контекстуальным смыслом (например, фраза «У меня в два часа лекция» может подразумевать «Поэтому я тороплюсь») или с языковыми знаками, вызывающими определенные ассоциации (например, фраза «Он кивнул головой» подразумевает выражение согласия).

В идеале при переводе переводчик должен стремиться передать все глобальное содержание исходного текста, то есть передавать и текст, и контекст. Поскольку глобальное содержание исходного текста складывается как из выраженного смысла, так и из смысловых компонентов, которые лишь подразумеваются или добавляются к языковому содержанию текста самими коммуникантами, то из таких же компонентов складывается и глобальное содержание текста перевода. Поэтому идеальным (но, к сожалению, как правило, не достижимым в силу национально-культурной специфики) решением задачи было бы точное воспроизведение в переводе языкового содержания оригинала, с тем чтобы ад-

ресаты перевода могли бы на его основе самостоятельно вывести конкретно-контекстуальный и имплицитный смысл.

В тех случаях, когда лингвистический или экстралингвистический контекст стимулирует возникновение вторичных значений, дополнительных (подразумеваемых) смысловых нюансов, результатом переводческого анализа может стать экспликация имплицитных элементов речи в процессе собственно перевода. Эта экспликация является смысловым выводом, который делает переводчик в ходе переводческого анализа оригинала.

Структура переводческого анализа в процессе обучения переводу может быть представлена как выполнение в определенной последовательности ряда операций в ходе работы над оригиналом, операций, позволяющих интерпретировать и понять текст, уяснить его смысл, выявить лингвистическую и экстралингвистическую информацию в процессе интерпретации текста, спрогнозировать переводческие трудности.

Переводческий анализ текста нацелен на концептуализацию содержания текста посредством сюжетно-тематического анализа, установление концептуальных связей на фоне целостного контекста с учетом текстовой проспекции и ретроспекции, определение прагматического и жанрово-стилистического своеобразия текста.

В процессе переводческого анализа исходного текста решаются следующие задачи:

1. выделить текст как речевое произведение и определить его библиографические данные;
2. определить автора и создать его «культурно-когнитивный портрет» как представителя определенной культуры, социальной группы (социальная роль, социальный статус) и как конкретного индивида, обладающего соответствующими энциклопедическими, концептуальными, фоновыми, presupпозитивными, предметными знаниями;

3. определить адресата и создать его «культурно-когнитивный портрет» как представителя определенной культуры, социальной группы (социальная роль, социальный статус) и как конкретного индивида, обладающего соответствующими энциклопедическими, концептуальными, фоновыми, пресуппозитивными, предметными знаниями;

4. определить тип текста (речевой жанр) и функциональный стиль (научный, литературно-художественный, газетно-публицистический, официально-деловой, разговорно-бытовой);

5. сформулировать основную коммуникативную цель автора, его «главное намерение» и уточнить культурно-когнитивные факторы (включая ситуативные), на основе которых удастся понять главную коммуникативную цель;

6. сформулировать основную (доминирующую) и вторичные (дополнительные) функции текста (информативная, общения, воздействия), которые проявляются в различных фрагментах исходного текста, а также их эксплицитные и имплицитные маркеры;

7. сформулировать тему текста;

8. сформулировать главную мысль текста и прогнозируемый автором коммуникативный эффект;

9. проанализировать интенционально-функциональную программу автора, реализуемую в тексте, восстановив логику структурирования текста;

10. сформулировать цель, «намерение» автора, которое реализуются в каждом логическом фрагменте текста, и его отношение с главным намерением;

11. проанализировать и сформулировать логику развития основной темы и подтем (изложение основной и второстепенной информации), опираясь на интенционально-функциональную программу автора и структурирование текста по абзацам;

12. определить метод изложения (индуктивный, дедуктивный, индуктивно-дедуктивный);

13. определить композиционно-речевые формы (сообщение, рассуждение, описание), используемые в тексте, охарактеризовать их;

14. выделить средства логической и формальной связи, используемые автором текста для раскрытия темы;

15. определить особенности авторского стиля в использовании языковых средств при раскрытии темы, реализации текстовых конвенций, выборе «тональности» текста;

16. выявить в исходном тексте все случаи «культурной интертекстуальности» (несовпадение или отсутствие знаний различного рода или несовпадение норм речевого и неречевого поведения), независимо от того, имеют ли они эксплицитное или имплицитное выражение и, таким образом, спрогнозировать трудности, с которыми столкнется адресат при интерпретации текста перевода, а также наметить пути преодоления этих трудностей;

Второй этап – фаза создания текста перевода, или «собственно перевод», представляет собой порождение (моделирование, конструирование) текста перевода – «имитацию оригинала» в другой лингвокультурной среде. При этом отношения между исходным текстом и текстом перевода представляют собой отношения коммуникативной эквивалентности или адекватности.

В дидактических целях фаза создания текста перевода может быть представлена следующими составляющими:

- разработка стратегии перевода
- поиск эквивалентов единицам перевода
- порождение текста перевода.

Разработка стратегии перевода касается общего подхода к переводу текста, осуществляется на основе результатов интерпретативного (переводческого) анализа исходного текста и новой коммуникативной ситуации, включая текстовые конвенции, характеризующие каждый тип текста в принимающей культуре.

Субфаза поиска эквивалентов является первым шагом к осуществлению выбранной стратегии. Поиск эквивалентов – вариантов перевода осуществляется путем шагов и соотносится с высказываниями или фрагментами большей протяженности. «На этом этапе деятельность переводчика носит, скорее, фрагментарный характер, поскольку он продвигается от одного фрагмента/высказывания к другому» (Львовская, 2008, с. 177).

«Любой перевод разворачивается во времени и может быть разделен на “порции”, основу которых составляют так называемые единицы перевода. Каждая такая переводческая порция имеет сложную структуру, которую условно можно разделить на несколько операций. За восприятием фрагмента исходного текста органами чувств следует понимание смыслов, заключенных в этом фрагменте, и их интерпретация средствами языка перевода, после чего происходит создание фрагмента финального текста в устной или письменной форме, то есть некой материальной сущности, которая может быть воспринята другими людьми» (Гарбовский, 2004, с. 227).

Выбор окончательного варианта перевода фиксирует речевые предпочтения данного переводчика. Интерпретативные гипотезы, формируемые на основе толкования текста, носят отпечаток индивидуальности переводчика, а привычки, сформированные родной лингвокультурой и представления о языке перевода и иноязычной культуре оказывают влияние на характер «перевыражения» информации оригинала (Маркова, 2006).

Действия переводчика при выборе языковых средств в процессе создания текста перевода отличаются от обычной речевой деятельности коммуникантов. Стремление к эквивалентной передаче содержания оригинала накладывает отпечаток на использование средств языка перевода. Как следствие язык в текстах перевода будет отличаться следующими особенностями:

- более частым использованием структур, аналогичных структурам исходного языка;
- большим числом искусственно создаваемых единиц, отображающих формальные признаки иноязычных единиц (соответствия-заимствования и кальки);
- большим числом лексических единиц, воспроизводящих содержание часто применяемых слов исходного языка.

В поисках варианта перевода переводчик вновь и вновь обращается к выделенным единицам в исходном тексте, ищет в словарях и справочниках их значение и рассматривает, можно ли использовать то или иное значение, предлагаемое в словарной статье как вариант перевода.

Базируясь на текстологических основах перевода, при выборе варианта перевода переводчик стремится соблюсти следующие правила, а именно:

- «переводить смысл, а не букву оригинала»;
- исходить из того, что значение целого важнее значения отдельных частей, поэтому можно пожертвовать отдельными деталями ради правильной передачи целого;
- постоянно оценивать относительную важность отдельных элементов текста, обеспечивающих построение грамматически и семантически правильного высказывания;
- осуществлять перевод в соответствии с нормами и узусом языка перевода.

Особое внимание уделяется полноценности языка перевода. Переводчик должен избегать так называемого «переводческого языка», возникающего под влиянием форм языка исходного текста.

Субфаза порождения текста перевода является этапом создания целостного текста. На этой субфазе переводчик объединяет различные фрагменты текста в единое целое, создавая целостное речевое произведение.

В процессе собственно перевода становится возможным создание первого варианта – черновика перевода, кото-

рый дорабатывается и редактируется в целях достижения эквивалентности, то есть равнозначности текста перевода тексту оригинала. Редактирование (проверка/самокоррекция) текста перевода – заключительный этап в работе переводчика над созданием текста перевода. «Субфаза проверки/самокоррекции текста перевода возникает... на основе того, что мы называем *профессиональной этикой*. Переводчик как профессионал обязан несколько раз проверить свою работу, прежде чем отдать ее клиенту, и он должен уметь осуществить эту проверку, исходя из своей двойной роли соавтора текста перевода, иными словами, исполнителя чужой концептуальной программы, и автора текста перевода, который должен быть адекватен новой коммуникативной ситуации» (Львовская, 200, с. 178).

Редактирование предполагает и оценку перевода. Характер оценки текста перевода его исполнителем носит субъективный характер.

Вообще, весь переводческий процесс несет на себе отпечаток личности переводчика. И моделирование, и редактирование, и оценка текста перевода, хотя и реализуются с учетом конвенциональной нормы перевода, не могут в то же время не нести отпечаток субъективных переводческих установок конкретного переводчика, особенностей его интерпретации.

Интерпретация осуществляется на всех этапах перевода. Она сопровождает осмысление исходного текста, обеспечивает максимально полное проникновение в содержание всех видов информации текста, предопределяет множественность вариантов оформления информации и непосредственно участвует в фиксации конечного варианта, отражая тем самым субъективность выбора переводческого решения.

Вариативность переводческих решений обусловлена наличием определенного смыслового инварианта, который может по-разному воплощаться в исходном тексте и в тексте перевода, то есть иметь различные варианты в разных куль-

турах. Субъективная модель инварианта оригинала формируется у переводчика на фоне его собственного восприятия вербальной информации, широкого (внетекстового) контекста, смысловой интерпретации замысла автора и организации текста.

Создавая текст перевода, переводчик моделирует его и наполняет вербальными средствами, доступными для реципиента, представителя иной культуры, отличной от культуры оригинала, в соответствии с задаваемой целью перевода и особенностями лингвокультуры социума. Моделирование перевода может потребовать замен, опущений, добавлений тех или иных элементов информации (как вербальной, так и невербальной), в результате чего текст перевода приобретает или теряет отдельные компоненты смысла, что приводит к асимметрии исходного текста и текста перевода и отсутствию однозначного соответствия между двумя текстами.

Производя оценку полученного результата на заключительном этапе, переводчик вновь вступает в фазу двунаправленной интерпретации. В процессе сопоставления исходного текста и текста перевода переводчик осуществляет самоконтроль и оценку текста перевода.

Осознавая необходимость объективного учета всех компонентов содержания оригинала, переводчик многократно возвращается к подлиннику и осуществляет коррекцию на основе сопоставления полученного результата с планируемым прообразом результата. Переводчик корректирует текст, превращаясь в критика и исследователя собственного перевода. Он постоянно решает задачу совершенствования текста перевода. Окончательный вариант перевода формируется после многочисленных смысловых уточнений, коррекции и повторного моделирования переводческих вариантов на основе анализа их совместимости с микро- и макроконтэкстом и оценки семантико-стилистической достаточности средств перевыражения оригинала в переводе.

Используя выражения Р. Барта (1994, с. 475), можно сказать, что между переводческой интерпретацией оригинала и созданием окончательного варианта текста перевода может находиться зона переводческого «дрейфа», который связан со сложностями интерпретации смысла оригинала и с нехваткой языковых средств.

Для перевода характерен эффект ретроспекции – отказ от той или иной гипотетической интерпретации того или иного фрагмента текста, на фоне макротекста. Не исключена и реинтерпретация – повторное возвращение к ранее выполненному переводу с целью совершенствования его качества. Допустимо и нарушение последовательности перевода тех или иных фрагментов текста.

Например, перевод заголовка осуществляется предпочтительно по завершении работы над переводом всего текста. Это связано с тем, что его смысл может быть наиболее удачно выявлен при проработке всего текста. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что в ряде случаев заголовки (подзаголовки) трактуется однозначно и отражает тему и основную мысль текста, служит своего рода подсказкой в работе над текстом оригинала, при его интерпретации. Поскольку заголовок как инициальный элемент играет важную роль в формировании текста перевода и его понимании реципиентами, письменный переводчик на основе предварительного знания текста и индивидуальности своего восприятия может эксплицировать и индивидуализировать концептуальные структуры исходного текста уже на этапе перевода заголовка (Кухаренко, 1988, с. 90–96; Иовенко, 2005, с. 92). При этом могут наблюдаться определенные модификации в заголовке текста перевода.

Например, модификация заголовка при переводе публицистических статей с испанского языка на русский может быть обусловлена целым рядом факторов. Во-первых, содержательные и субъективно-оценочные смещения обусловлены тем, что тот или иной элемент заголовка, который дол-

жен фигурировать в тексте, может появиться в различных частях текста, в том числе и в весьма отдаленных от заголовка. Во-вторых, модификация заголовка при переводе может иметь экстралингвистическую мотивацию и быть нацелена на преодоление расхождений фоновых знаний у автора оригинала и получателя текста перевода. В-третьих, повышенная степень конкретизации заголовка в тексте перевода связана с желанием переводчика уйти от «безликого», «сухого» варианта перевода, сохраняющего структурно-семантическое тождество с оригиналом, привлечь внимание читателя к статье, «авансировать» ее предстоящее содержание. В-четвертых, на выбор варианта перевода заголовка влияют также тенденции языка перевода, например, лапидарность и предпочтение в заголовке именных форм в русском языке. В то же время представляется недопустимой необоснованная замена содержательно-фактуальной информации при переводе заголовка (Иовенко В.А., 2005, с. 92–94).

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что перевод текста включает ряд моментов, последовательно соблюдаемых в работе: понимание и интерпретация исходного текста в целях его последующего перевода (переводческий анализ текста), порождение текста перевода, редактирование и оценка текста перевода.

Следует отметить, что интериоризация последовательных фаз и субфаз переводческой деятельности зависит от профессионализма переводчика. Процесс перевода, выполняемый профессиональным переводчиком гораздо более интериоризован.

В процессе обучения письменному переводу, как показывает опыт, наилучшие результаты дает оформление перевода в печатном виде в два столбца (колонки): с одной стороны – исходный текст, с другой – текст перевода. Такое оформление облегчает последующий анализ текста, способствует демонстрации приёмов перевода, выявлению переводческих проблем. Внимание обучаемых следует обращать на

оформление библиографических данных. Библиографические данные – обязательная составляющая текста перевода. Они являются обязательным компонентом при оформлении текста перевода.

5.3. Единицы перевода. Критерии выделения

5.3.1. Понятие «единица перевода»

Согласно текстоцентрической теории перевода проблема перевода – это в основном проблема анализа, понимания и построения текста. Многие исследователи считают текст основной единицей перевода. Однако при значительной протяженности текста встает вопрос о выделении единицы перевода в рамках текста. Выделение единицы перевода строится на следующих принципах:

- понятие единицы перевода выводится из понятия единицы как такового;
- единица перевода выделяется в исходном тексте;
- главное условие правильности определения исходной единицы перевода – выявление ее текстовой функции;
- механизм выделения единицы перевода предполагает последовательность следующих действий: переводчик должен понять смысл/информацию, текстовую функцию исходной единицы перевода и подобрать ей эквивалент (соответствие) в языке перевода.

Единица какого-либо конкретного или абстрактного объекта – это его элементарная частица, сохраняющая все характеристики целого. Соответственно выделяемая единица перевода представляет собой единицу исходного (переводимого) текста, смысл/информацию которой переводчик должен понять, эквивалент, соответствие которой он должен подобрать. Как текстовая единица единица перевода представ-

ляет собой «единицу речи, требующую отдельного решения на перевод» (Миньяр-Белоручев, 1999). Иначе говоря, единица перевода – это такая единица в исходном тексте, которая должна быть выделена и которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствия в тексте перевода как текстовые единицы (Бархударов, 1975, с. 174), то есть не передают смыслы текста.

Отражая сложность процесса перевода, единица перевода может рассматриваться как подсистема в системе перевода. «Эта подсистема отчетливо разлагается на три составные части: накопление информации, необходимой для принятия переводческого решения до определенного “пика”, позволяющего сделать вывод о том, что воспринятый фрагмент понят (фаза понимания, осознания содержания понятий). Эта фаза называется единицей ориентирования. За ней следует фаза многократного перебора вариантов в поисках форм, способных оптимально выразить осознанные смыслы на языке перевода. На этой фазе переводчик оперирует единицами эквивалентности. Принятие окончательного решения, то есть остановка на одном из возможных вариантов и его выведение в речь, знаменует завершение микропроцесса перевода, то есть переход от одной единицы перевода к другой» (Гарбовский, 2004, с. 263).

5.3.2. Единицы перевода в рамках текста

Само понятие «единица перевода» в известной мере условно, так как не является величиной постоянной, а представляет собой переменную величину (Швейцер, 1988).

Учитывая асимметрию выражения понятий в парах языков, включаемых в процесс перевода, «фактически в процессе письменного перевода единицей письменного перевода может быть и слово, и словосочетание, и синтагма, и целое предложение, и абзац, и весь переводимый текст... и все

же... на практике... большинство переводческих задач решаются в рамках предложения. Но это не дает основания считать ни “проблемное” слово, ни предложение, в котором оно находится, самостоятельной единицей перевода. В конечном счете может оказаться, что найденное в рамках предложения решение придется пересмотреть, чтобы привести данную часть переводимого текста в соответствие с целым» (Рецкер, 2004, с. 29).

Такая тесная взаимосвязь между частью и целым при переводе наблюдается и в художественном и в информативном переводе, в частности при переводе общенаучных текстов и текстов отдельных специальностей. «При описании какого-либо открытия или технического новшества могут встретиться слова и выражения, значение которых, поскольку они отсутствуют в словарях, можно и нужно передать, исходя из содержания всего текста и пользуясь справочниками, литературой по этому вопросу и консультацией специалистов. Так поступают, например, переводчики-неспециалисты при переводе стандартов и патентов» (Рецкер, 2004, с. 30).

Слово – наименьшая единица языка, способная получать статус единицы речи и выполнять коммуникативную функцию. И хотя слово и не является постоянной единицей при переводе, однако есть такие слова, о которых заранее можно сказать, что они потребуют своего решения на перевод, так как значение этих слов или словосочетаний остается постоянным, одним и тем же независимо от контекста. К ним относятся прецизионные слова: названия календарных понятий (дней недели, месяцев), имена собственные, личные местоимения, некоторые имена родства, термины.

Термин (от лат. слова *terminus* – граница, предел) – слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания и деятельности. В рамках конкретной терминологической системы (терминологии) термин характеризуется следующими параметрами: наличие дефиниции (для большинства терминов); тенденция к моносемичности

(имеет одно значение) в рамках терминологического поля (терминологии данной науки, дисциплины или научной школы); отсутствие экспрессии (стилистическая нейтральность); системность (является термином только в границах данной терминологической системы). Эти свойства термина реализуются внутри определенного терминологического поля, за пределами которого термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики – детерминируется (ср. «цепная реакция» – термин в ядерной физике и образное выражение в общелитературном языке).

Новые термины появляются в языке благодаря следующим явлениям:

- терминологизация (переход общеупотребительного слова в термин);
- ретерминологизация (перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным переосмыслением);
- заимствования.

Так, например, в экологии большинство терминов образовано именно этими тремя способами, а именно: *вода, клетка, климат, флора, фауна, дисперсия* и т.д.

Для современной терминологии в связи с интернализацией языка науки большой удельный вес имеют термины, построенные на базе греко-латинских элементов, например *in vitro*.

Помимо терминов и прецизионных слов постоянными единицами перевода могут быть словосочетания и предложения при условии, что они являются фразеологизмами, крылатыми словами, речевыми клише, пословицами, поговорками.

Фразеологизм – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а вос-

производятся в речи в соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава.

К основным признакам фразеологизма относят устойчивость, воспроизводимость, переосмысление всего лексико-грамматического состава или одного из компонентов и как следствие зачастую невыводимость значения фразеологизма из отдельных значений его составляющих слов и его синтаксической конструкции. Фразеологизмы имеют, как правило, переносное значение. А это не допускает буквального перевода фразеологизма на другой язык, за исключением интернациональных фразеологизмов, например: *the sword of Damoclo – épée de Damoclès – Дамоклов меч. The game is not worth the candle. – Le jeu n'en vaut pas la chandelle. – Игра не стоит свеч.*

Одни относят к фразеологизмам только идиомы, другие – идиомы, сочетания-фразеологизмы, крылатые слова, речевые штампы, а также пословицы и поговорки, сформировавшиеся в фольклоре.

К идиомам относят фразеологизмы, характеризующиеся переосмыслением лексико-грамматического состава и имеющие целостную номинативную функцию, например: *go west – умирать; to kick the bucket – сыграть в ящик.* Значение идиом не складывается из значений их составляющих.

Сочетаниям-фразеологизмам свойственно переосмысление синтаксического строения и определенной части лексического состава, в то время как другая часть заполняется по контексту, например: *что ни день (час), то..., в отцы (дочери) годится.*

Крылатые слова – это речения афористического характера, восходящие к определенному автору или анонимному литературному источнику, например: *Человек – это звучит гордо.*

Речевые клише – это часто повторяющиеся в речи готовые речевые формулы (стереотип, стандарт), имеющие информативно-необходимый характер и относящиеся к целе-

сообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы, например: *Прошу слова. Как дела?* Речевые клише довольно часто связаны с определенной ситуацией. Например, когда вы встречаетесь со знакомым, то в зависимости от обстоятельств вы употребляете то или иное ситуационное клише «*здравствуйте*», «*добрый вечер*» и т.д., характерное для данных условий общения и предусмотренное элементарной воспитанностью. Все это – ситуационные клише разной степени закреплённости за стандартной ситуацией, и владение ими, в первую очередь, определяет принадлежность человека к данному социуму.

Во всех остальных случаях выделение единицы перевода относится к творческой стороне деятельности переводчика. Переводчику приходится выбирать из богатейшего арсенала средств того или иного языка, но и этот выбор далеко не произволен.

Примером разработки критериев выделения единиц перевода может служить теория соответствий Я.И. Рецкера. Сопоставляя лексико-грамматические и стилистические особенности английского и французского языков с их функциональными соответствиями в русском языке, Я.И. Рецкер определяет единицы перевода и раскрывает логико-семантическую основу всевозможных преобразований при переводе. Согласно концепции Я.И. Рецкера «...в процессе перевода выстраиваются три категории соответствий: 1) эквиваленты, установившиеся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов; 2) вариантные и контекстуальные соответствия и 3) все виды переводческих трансформаций. Между первой – эквивалентной категорией и двумя остальными есть принципиальное различие. Эквивалентные соответствия относятся к сфере языка, тогда как две последние – к сферам речи. Когда в процессе перевода отрезки речевого потока подвергаются переработке в соответствии с нормами переводящего языка,

эквиваленты выделяются своим постоянством и относительной независимостью от окружения. Там, где между языками установилось традиционное эквивалентное соответствие, переводчик фактически лишен возможности выбора» (Рецкер, 2004, с. 12).

«Эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста. Эквиваленты являются своего рода катализаторами в процессе перевода. Их роль трудно переоценить, особенно в процессе устного перевода. Именно эти единицы перевода, имеющие постоянные соответствия в родном языке, прежде всего проясняются в сознании переводчика и помогают ему понять значение окружающего контекста и всего высказывания в целом, даже содержащего незнакомые ему слова» (Рецкер, 2004, с. 132). Они дают переводчику возможность не тратить время на поиски эквивалента, что очень важно при устном переводе. Заранее известный перевод таких единиц позволяет быстро определить тематику текста, ориентирует мысль переводчика в нужном направлении. К разряду эквивалентов относятся имена собственные, в том числе и географические названия, термины любых отраслей знаний.

Эквиваленты могут быть:

– полными: «охватывают полностью значение всего слова, а не одно из его значений» (Там же, с. 15), например, *castrian* – чугун;

– частичными: совпадают в одном из значений многозначных слов или словосочетаний, например: *school* – занятия в школе, учащиеся одной школы... *The school* – средневековые университеты;

– абсолютными: имеют единственно приемлемое соответствие, закрепленное переводческой традицией, например: *the shadows of the gods* – сумерки богов; семантически, стилистически и эмоционально тождественны;

– относительными: различаются стилистической, экспрессивной, эмоциональной окраской, например: *buck* – доллар.

Вариантные соответствия устанавливаются между словами в том случае, когда в языке перевода существует несколько слов (соответствия-синонимы в языке перевода) для передачи одного и того же значения исходного слова (то есть слово не многозначно), например: *soldier* – солдат, рядовой, военнослужащий, военный.

Контекстуальные значения возникают в процессе употребления слов в речи, в зависимости от окружения, и реализуются под действием узкого, широкого и экстралингвистического контекста.

Теория Я.И. Рецкера находит развитие в трудах В.Н. Комиссарова. В.Н. Комиссаров (1999) полагает, что переводческие соответствия – это единицы перевода, регулярно используемые для перевода определенной единицы исходного языка. Переводческие соответствия могут устанавливаться между единицами разных уровней языковой системы, например: *he has read the book* – он уже прочитал книгу (значение завершенности действия в английском варианте выражено грамматически, а в переводе – лексически). Но, как правило, переводческие соответствия устанавливаются между единицами одного и того же уровня. Различают лексические, фразеологические и грамматические соответствия.

Лексические соответствия расцениваются как единичные, если в большинстве случаев данная единица исходного языка переводится одной и той же единицей языка перевода, например, термины, имена собственные (сравни: абсолютные эквиваленты в классификации Я.И. Рецкера). Помимо единичных соответствий выделяются множественные соответствия – несколько единиц языка перевода, регулярно используемые для передачи значений единиц исходного языка, например: *importance* – важность, значимость, значение. Перевод таких единиц зависит от лингвистического или ситуа-

тивного (экстралингвистического) контекста, позволяющего сделать выбор одного из вариантов соответствия. Наряду с выбором одного из регулярных соответствий контекст может предопределить и нетипичные способы перевода. В ряде случаев условия употребления языковой единицы в контексте вынуждают переводчика отказаться от использования регулярного соответствия, а порой и единичного соответствия и найти вариант перевода, наиболее точно передающий значение этой единицы в данном контексте. Такой нерегулярный, исключительный способ перевода называется окказиональным соответствием (сравни: вариативные и контекстуальные соответствия в классификации Я.И. Рецкера).

Существуют и такие единицы исходного языка, для которых в языке перевода вообще нет регулярных соответствий. Это так называемая безэквивалентная лексика. Наличие в языках безэквивалентной лексики может быть обусловлено тремя причинами: отсутствием аналогичного предмета или явления в культуре языка перевода, отсутствием идентичного понятия в культуре языка перевода, различиями лексико-стилистических характеристик в языках.

Безэквивалентная лексика отражает реалии – слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни, быта, культуры и исторического развития одного народа и чуждые для другого. В силу того что данные слова и словосочетания являются носителями национально-исторического колорита данного этноса, для представителей другой этнокультуры они являются и интеръязыковыми, и интеркультурными лакунами.

По характеру реалии могут быть географическими (например: *русская степь, английская вересковая пустошь*), производственно-трудовыми (например: *колхоз, субботник*), общественно-политическими (например: *канцлер, сенат, большевики*), военными (например: *легион, кагорта, мушкет, есаул*). Реалии могут относиться к сфере культуры (например: *частушки, блюз, арлекин*), быта (например: *самовар,*

французские окна, вольнка), питания (например: *щи, коньяк*), транспорта (например: *фиакр, рикша, джонка*).

Однако и значения безэквивалентной лексики, и значения фразеологизмов успешно передаются в переводе. Например, при переводе безэквивалентной лексики используются следующие способы перевода:

– калькирование, при котором повторяется внутренняя форма исходного слова или словосочетания, например: *great jury* – *большое жюри*; *skyscraper* – *небоскреб*;

– транскрипция, например: *know-how* – *ноу-хау*;

– транскрипция и перевод, например: *Этот клочок суши зовется Нуси-Би, что в переводе с малагасийского означает «большой остров»* (пример: Сорокин Ю.А., Морковина И.Ю., 1988, с. 81);

– транскрипция и примечание, пояснение в скобках, в сноске, в примечании в конце текста (книги) для пояснения трудных для понимания национально-специфических элементов текста, например: *torgen* – *морген (немецкая мера длины)*;

– транслитерация, например: *tomahawk* – *томагавк, сапое – каноэ*;

– транслитерация и примечание, пояснение в скобках, в сноске, в примечании в конце текста (книги) для пояснения трудных для понимания национально-специфических элементов текста;

– перевод по аналогии, или ассоциативный перевод, при котором подбирается аналог в языке и культуре перевода, например: *drugstore* (*амер.*), *chemist's* (*англ.*) – *аптека*; *snow-shoes* – *снегоступы*. Этот прием используется для снятия национально-специфических барьеров, то есть для облегчения понимания того или иного фрагмента чужой культуры в текст в той или иной форме вводится специфический элемент культуры реципиента, схожий или близкий к элементам исходной культуры, но не совпадающий с ним. При этом, как правило, облегчается понимание текста инокуль-

турным реципиентом, но в определенной степени утрачивается национальная специфика исходной культуры (Сорокин, Морковина, 1988, с. 82);

– описательный перевод, или экспликация, например: *cats eyes – специальная дорожная разметка*.

Экспликация (пояснения и комментарии) могут быть самыми общими, не дающими представления о специфическом элементе национальной культуры, или развернутыми, описывающими в деталях национально-культурную специфику данного элемента. Например: *Вместе со сторожем в традиционной малагийской накидке – ламбе мы долго бродили среди высокой травы* (пример: Сорокин, Морковина, 1988, с. 82).

Что же касается грамматических соответствий, то «выбор грамматической формы при переводе зависит не только и не столько от грамматической формы оригинала, сколько от ее лексического наполнения, то есть от характера и значения лексических единиц, получающих в высказывании определенное грамматическое оформление» (Комиссаров, 1999, с. 185), от специфики грамматических систем пар языков, задействованных в переводе, и является предметом изучения контрастивных (сопоставительных) грамматик.

5.3.3. Переводческая сегментация текста

Успешность переводческой деятельности в значительной степени зависит от умения правильно выделять единицы перевода, что предполагает свободное владение различными способами членения исходного текста. Членение исходного текста в целях выделения единиц перевода называется переводческой сегментацией.

Наиболее распространенной ошибкой начинающих переводчиков является стремление переводить пословно – однообразно членить исходный текст или высказывание на отдельные слова и находить их соответствие в языке перево-

да. Суть этой ошибки состоит в подмене представлений о характере переводимых знаков. Вместо речевых единиц перевода переводчик механически подставляет языковые единицы, в то время как в разных языках языковой состав той или иной речевой единицы может как совпадать, так и не совпадать.

Главное условие правильности определения исходной единицы перевода – это выявление текстовой функции той или иной текстовой единицы. Неадекватность пословного перевода обусловлена именно неверной оценкой текстовых функций языковых единиц. Попадая в тот или иной контекст, слово как единица языка попадает в зависимость от контекста, как узкого, так и широкого. Например, если в русском языке глагол «жить» образует словосочетания «жить в населенном пункте», «жить в гостинице», то в английском языке в данных контекстах употребляются разные глаголы, а именно:

She lives in Petersbourg – Она живет в Петербурге.
She is staying at the Astoria. – Она живет в Астории.

Наиболее трудные случаи в определении единицы перевода связаны с группой максимальных контекстуальных зависимостей, когда знаковая функция отдельной языковой единицы определяется за пределами предложения, например, в рамках сверхфразового единства или всего текста.

Статус и параметры единиц перевода устанавливаются в процессе сегментации текста, подлежащего переводу.

В процессе сегментации текста рекомендуется придерживаться следующих правил:

– устанавливая статус и параметры единиц перевода, необходимо членить текст на крупные компоненты – от отдельного слова до целого фрагмента. Чем больше слово сохраняет контекстуальную зависимость, тем меньше вероятность, что оно является отдельной единицей на перевод. Если присутствуют признаки зависимости слова от узкого или широкого контекста, то переводчик должен выделить

внутритекстовую единицу, включающую все или хотя бы самые главные из зависимых цепочек;

- если слово зависит главным образом от ближайшего контекста, то основанием для выделения единицы перевода является словосочетание или простое предложение, в которое входит данное слово;

- если слово зависит от нескольких текстовых компонентов, в том числе и выходящих за пределы предложения, то выделение единицы перевода происходит в рамках сложного предложения или сверхфразового единства;

- если слово зависит от множества текстовых компонентов, то основой выделения единицы перевода является исходный текст;

- если слово зависит от условий, выходящих за пределы текста, то переводчик должен предусмотреть возможность культурологического комментария или создания новой языковой единицы путем транслитерации или калькирования.

Рассмотрим проявление переводческой сегментации текста, выделение единицы перевода и способы ее перевода на примере фразеологизмов.

Для корректного перевода прежде всего следует распознать фразеологическую единицу, понять, что анализируемое словосочетание не является свободным. Наиболее продуктивный путь – это навык выделения в тексте противоречащих общему смыслу единиц, поскольку появление таких единиц свидетельствует о присутствии переносного значения. Можно сформулировать сравнительно несложное для переводчика правило – правило «розовых слонов»: как только в тексте появляется выражение, логически противоречащее контексту, следует рассматривать его как возможный фразеологизм. Убедившись, что данное словосочетание является фразеологизмом, переводчик обращается к двуязычным и толковым фразеологическим словарям.

Специфика перевода фразеологизмов заключается в перенесении из исходного языка в язык перевода переносного значения, образного, эмоционального, стилистического и национально-этнического компонентов фразеологизма исходного языка.

Перевод начинается с поиска идентичной фразеологической единицы, фразеологического эквивалента в переводящем языке. Например:

Strike the iron while it is hot. – Il faut battre le fer pendant qu'il est chaud. – Куй железо, пока горячо.

Look through one's fingers – j-m durch die Finger sehen – смотреть сквозь пальцы;

При использовании таких соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. Однако таких фразеологизмов довольно мало. Чаще всего они лишены национального колорита, так как заимствуются из общего источника, главным образом из латинского или греческого языка, как следствие имеют интернациональный характер. Это, как правило, фразеологизмы, восходящие к античной культуре (как например: *Achilles' heel. – Le talon d'Achilles. – Achilles Ferse – Ахиллесова пята*), религиозно-библейским или иным широко известным источникам, пословицам и поговоркам. Так, например, русская пословица *Одна ласточка не делает весны*, французская *Une hirondelle ne fait pas le printemps*, английская *One swallow does not make a summer*, немецкая *Eine Schwalbe bringt keine Fröling* являются калькой латинской пословицы *Uno hirondo non facit ver.*

Возможны заимствования фразеологизмов и из современных языков. Так, например, английский и русский языки заимствовали из французского языка пословицу: *Le jeu n'en vaut pas la chandelle. – The game is not worth the candle. – Игра не стоит свеч.*

С точки зрения использования переводческого приема, вышеприведенные фразеологизмы заимствованы благо-

даря калькированию. Это фразеологизмы-кальки. Калькирование и дословный перевод используются и сегодня для перевода современных реалий, если значение фразеологизма достаточно мотивировано значением составляющих его компонентов. Например: *Hell's Angels* – *Ангелы Ада*, *Zero option* – *нулевой вариант*.

При использовании в переводе фразеологических эквивалентов необходимо убедиться, что данные фразеологизмы являются сходными не только по форме, но и равнозначными по содержанию. Заимствование одного и того же фразеологизма двумя разными языками может сопровождаться изменением значения фразеологизма в одном из языков. Например, *la trompette de Jericho* (фр.) в отличие от русского варианта *иерихонская труба* обозначает не громкий «трубный глас», а всякие шумовые проявления. А сравнение «труслив как заяц» нельзя передать тем же образом, например, в тех языках, где заяц или кролик является символом мудрости.

Помимо этого, фразеологизмы могут расходиться и в объеме значения. Например, *избиение младенцев* – «частичный» эквивалент английской фразеологической единицы *the massacre of the innocents*, потому что английский вариант имеет еще и значение «нерассмотрение проекта закона ввиду недостатка времени (в конце парламентской сессии) (жарг.)».

При расхождении значений сходные по форме фразеологизмы не могут служить единицами перевода и оказываются «ложными друзьями» переводчика. Например, фразеологизмы *to lead by the nose* – *водить за нос*, совпадая по форме, различаются по смыслу: английский фразеологизм *to lead by the nose* означает «полностью подчинить себе, командовать», а русский фразеологизм – «обманывать».

При отсутствии идентичных соответствий исходный фразеологизм переводится аналогичным фразеологизмом, имеющим общий смысл с исходным фразеологизмом, но построенным на другой словесно-образной основе. Например,

об удачливых русские говорят *родиться в сорочке*, французы – *être né coiffé* (родиться причесанным), англичане – *be born with a silver spoon in one's mouth* (родиться с серебряной ложкой во рту).

Образы могут быть близкими или далекими, но логически сопоставимыми. Например, «похожесть» русский и француз видят «в двух каплях воды», у немца – это «два яйца», а у англичанина «две горошины». Считая необходимым скрыть от посторонних семейные проблемы, русские говорят: «*Не выноси сор из избы*», а англичане, имея в виду то же самое, будут говорить не о соре, а о стирке грязного белья: «*Don't wash dirty linen in public*».

Помимо вышесказанного следует помнить также и то, что сходные по смыслу, но различающиеся по форме фразеологизмы в разных языках имеют зачастую и различную эмоционально-ассоциативную окраску, могут вызывать различные аллюзии, следовательно, не всегда взаимозаменяемы. Например: фразеологизм *when Queen Ann was alive* (дословно: когда еще была жива королева Анна) сходен по смыслу с фразеологизмами *при царе Горохе, во времена оно*. Но английское выражение строится на основе реального исторического образа и, имея значение «в незапамятные времена», сохраняет свой исторический смысл, тогда как русское выражение таких ассоциаций не вызывает, хотя также имеет значение «в незапамятные времена».

В текстах национально-культурной и исторической тематики для отражения реалий исходного языка используется двойной, или параллельный, перевод с помощью фразеологизма, например: *The City of Brotherly love – Город братской любви – Филадельфия*. В переводе дана калька и переводческий комментарий, представляющий в данном случае наиболее краткое объяснение переносного значения.

В ряде случаев использование фразеологического эквивалента, аналогичного фразеологизма, калькирования не представляется возможным. При невозможности использо-

вания всех вышеперечисленных приемов перевода прибегают к объяснению, комментированию переносного значения фразеологизма. К сожалению, такой перевод ведет к потере образно-ассоциативных свойств фразеологизма. А единственным способом сообщить получателю текста перевода о наличии в исходном тексте фразеологизма является переводческий комментарий.

5.4. Переводческие трансформации – способ преодоления культурно-когнитивных различий

В процессе членения исходного текста и определения единиц перевода выделяются два типа единиц перевода: единицы со стандартной зависимостью от контекста и единицы с нестандартной зависимостью. Перевод единиц со стандартной зависимостью, как правило, легко осуществляется на уровне лексико-грамматических соответствий с учетом типологических характеристик двух языков. Они носят также стандартный характер и сводятся к межъязыковым соответствиям.

Для перевода единиц с нестандартной зависимостью используются переводческие трансформации.

5.4.1. Понятие «переводческая трансформация»

Трансформация – основа большинства приёмов перевода. Она заключается в изменении формальных или семантических компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи.

Каждый такой прием направлен на преодоление культурно-когнитивных расхождений и на оптимальный способ передачи информации в приемлемых для языка и культуры перевода традициях. Использование переводческих трансформаций подчиняется принципу мотивированности перево-

дческих трансформаций, означающему, что если такая трансформация имеет место, то для этого должна быть соответствующая причина (Латышев, Семенов, 2003, с. 58). Принцип мотивированности переводческих трансформаций препятствует переводческим вольностям. Если та или иная трансформация не мотивирована культурно-когнитивными причинами, то она не должна быть использована в переводе. Из возможных вариантов перевода выбирают тот, который в наибольшей степени отвечает принципу эквивалентности исходному тексту в коммуникативно-функциональном и семантико-структурном плане. Любые компенсирующие отклонения не должны вызывать расхождения, недопустимые в переводе. Иначе говоря, переводчик должен соблюдать меру переводческих трансформаций.

В зависимости от характера преобразований переводческие трансформации принято подразделять на лексические, лексико-семантические, грамматические и стилистические.

5.4.2. Лексические трансформации

Лексические трансформации описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в тексте оригинала и тексте перевода. Среди формальных преобразований основными приёмами перевода являются переводческие транскрипция, транслитерация и калькирование.

Транскрипция – воспроизведение звучания слова при переводе, его фонетическая имитация, «перевод на уровне фонем» (Бархударов, 2008, с. 176), например: *Jean – Жан, Ann – Эн, Shakespeare – Шекспир, manager – менеджер, speaker – спикер, teenager – тинэйджер, Goethe – Гете, Abwehr – Абвер*. Как видно из примеров, при переводческой транскрипции каждой фонеме исходного слова соответствует

наиболее близкая по артикуляции и звучанию фонема русского языка.

В современной переводческой практике транскрипция используется очень широко. При этом исходное слово в тексте перевода представляется в форме, приспособленной к произносительным характеристикам переводящего языка. Основным принцип транскрипции – передача графическими средствами (буквами) языка перевода фонетического облика слова при максимальной звуковой близости к оригиналу. Транскрипция осуществляется в соответствии с системой правил международной транскрипции или алфавитного соответствия для конкретной пары языков. В ряде случаев транскрипция носит условный характер, так как у звуков языка оригинала нет соответствующих им звуков и букв в языке перевода. При отсутствии букв, точно передающих подлинные звуки слова, используются буквы, передающие звуки, наиболее близкие по звучанию.

Транскрипция и транслитерация широко применяются при переводе имён собственных, включая имена людей, географические названия, названия компаний, фирм, периодических печатных изданий, фольклорных персонажей, названия стран и народов, именованья национально-культурных реалий и т.д., например: *Humanité* – *Юманите*, *Times* – *Таймс*, *Neue Zeit* – *Нойе цайт*.

Применение транскрипции в переводе встречающихся в тексте имен требует предварительного культурологического анализа, выявления традиционных форм транскрипций, утвердившихся в мировой культуре или культуре языка перевода либо отражающих переход от одной традиции к другой, например, замену транслитерации транскрипцией. Так, при переводе имен собственных «русская транскрипция избавилась от *Невтона* (сохранив, правда, неправильное ударение – Ньютон), *Дон-Кихота* и прочих имен, о которых мы теперь уже не вспоминаем. Вот только у королей, вроде, лед еще не тронулся: на латинский манер *Карлами* величают и

настоящего *Карла* и *Шарля*, *Чарлза*, *Карлса*, *Карела*, *Карло*, *Кароли*... В виде некоторой компенсации энциклопедии, бывает, возвращают (латиницей, в скобках) обездоленным самодержцам их исконные имена» (Влахов, Флорин, 2006, с. 278). Своеобразной компенсацией является и двоякий перевод одного и того же имени. Царственная особа с именем *Louis* в переводе становится *Людовиком*, а простолюдины – *Луи*, точно так же простолюдин с именем *Charles* в переводе станет *Шарлем*, а царственная особа – *Карлом*.

Естественно, что в подобных случаях переводчик не может транскрибировать такие имена «по правилам», а должен следовать сложившейся традиции.

При транскрипции географических названий в силу фонетических предпочтений языка перевода может сдвигаться ударение, например: *Flórida* – *Флорíда*, *Wáshington* – *Ваши́нгтón*.

Традиционные формы перевода географических названий могут совпадать частично, а могут совсем не совпадать, ср. *Wien* (нем.) – *Вена* (рус.) – *Vienne* (фр.) – *Vienne* (анг.). Столицу Франции мы называем не «Парú» (*Paris*), как следовало бы, а «Париж», а «the English Channel» переводим с английского «Ла Манш». Любопытно, что перевод названия того же самого пролива с французского языка представляет собой транскрипцию: *La Manche* – *Ла Мани*.

Транскрипция может применяться как компонент смешанного перевода. Так, при наличии значимого слова в названии имя собственное транскрибируется, а значимое слово переводится: *Hilton Hotel* – *гостиница Хилтон*.

Транслитерация – воспроизведение графической формы слов, «перевод на уровне графем» (Бархударов, 1975, с. 176): *Lincoln* – *Линкольн* (при переводческой транскрипции это слово передавалось бы как *Линкен*), *Illinois* – *Иллинойс* (при переводческой транскрипции это слово передавалось бы как *Илиной*).

Хотя в целом в переводческой практике преобладает транскрипция, можно отметить и отклонения от этого правила. Так, в транскрибируемых словах могут сохраниться элементы транслитерации, преобладание графики над звучанием, например: *Daily Worker* – *Дейли Уоркер* (сохранение в русском переводе непронизносимого английского «г»), *Bill Clinton* – *Билл Клинтон* (сохранение двойных согласных, передающих один звук), *Hugo* – *Гюго* (немецкое и французское «h» передается как русское «г»), *Heine* – *Гейне* (преобладание графики над звучанием в передаче немецкого дифтонга «ei»). Транскрипция и транслитерация используются при переводе вновь вводимых терминов в специальных областях. Однако следует помнить, что следует избегать введения терминов-транскрипций/транслитераций, если в языке перевода есть однозначное соответствие, которое употреблялось раньше в аналогичном значении, либо применимо в качестве вновь вводимого термина. «Введение в обиход параллельных терминов-транслитераций наряду с уже существующими терминами из числа единиц переводящего языка, равнозначное созданию профессиональных жаргонизмов, то есть выходит за пределы литературной нормы и вносит ненужный “информационный шум” в процесс межкультурной коммуникации» (Казакова, 2003, с. 78).

Транскрипция и транслитерация могут применяться как компонент смешанного перевода: параллельно с калькированием, переводом или переводческим комментарием.

Калькирование – это приём, при котором в составе единого целого слова или словосочетания переводчик переводит составляющие элементы, например: *international* – *международный*, *superpower* – *сверхдержава*, *les pays du tiers monde* – *страны третьего мира*, *International Monetary Fund* – *Международный валютный фонд*, *Cape of Good Hope* – *мыс Доброй надежды*.

Калькирование применяется в том случае, когда требуется создать осмысленную единицу в тексте перевода и

при этом сохранить элементы формы или функции исходной единицы.

При калькировании может измениться порядок следования компонентов, например: *L'Organisation des Nations Unies* – *United Nations Organisation* – *Организация Объединенных Наций*.

Встречаются специальные случаи – «полукальки», когда при калькировании одна часть слова или словосочетания переводится, а другая транскрибируется, например: *petrodollars* – *нефтьдоллары*, *mini-jupe* – *мини-юбка*, *das Dritte Reich* – *третий рейх*.

Помимо этого калькирование может сопровождаться грамматической заменой, например, замена сложного слова словосочетанием: *moonlight* – *лунный свет*, *teaspoon* – *чайная ложка*, *Hausaufgabe* – *домашнее задание*.

Отметим, что кальки появляются в языке перевода тогда, когда язык испытывает потребность в обозначении новых понятий, уже получивших обозначение в исходном языке, но отсутствующих в языке перевода, то есть по своей сути являются неологизмами.

Если лексические трансформации описывают формальные отношения между словами и словосочетаниями в тексте оригинала и тексте перевода, то лексико-семантические замены направлены на модификацию значений лексических единиц. Они представлены приемами конкретизации, генерализации, смыслового развития (модуляции), добавления, опущения, компенсации.

Приём смысловой конкретизации заключается в том, что переводчик выбирает для перевода слова с более конкретным значением, чем слово оригинала, то есть происходит замена слова или словосочетания исходного языка с более широким референциальным значением на слово или словосочетание языка перевода с более узким референциальным значением по принципу родовидовой замены. Конкретизация

может быть вызвана языковыми различиями или обусловлена контекстом.

В любом языке есть слова с более общим и более конкретным значением, выражающие видовые и родовые понятия, например: *зелень – петрушка, укроп, сельдерей и т.д.; минеральная вода – боржоми, нарзан; дом – изба, хата, сакля, коттедж; двигаться – ходить, бегать, летать, прыгать* и т.д. Соотношение таких слов в разных языках и их употребительность часто не совпадают, что вызывает необходимость преобразований при переводе. Например, глаголы *come* конкретизируется при переводе с указанием на способ передвижения: *Er ist gekommen – Он прибыл (приплыл, прилетел, приехал, пришел)*.

Применение приёма конкретизации оправдано в двух случаях. Во-первых, если слову в общем значении в оригинале соответствует несколько слов с более частным значением в языке перевода, например: *mother in law, belle-mère – тёща, свекровь; meal – завтрак, обед, ужин*. Во-вторых, если использование в переводе таких же общих слов, как и в оригинале, может оказаться неприемлемым по контекстуальным или стилистическим соображениям. Генерализация – это приём, обратный приему конкретизации. В соответствии с принципом родовидовой замены данный приём подразумевает замену единицы исходного языка, имеющей более узкое референциальное значение, единицей языка перевода с более широким референциальным значением, например: *brother in law, beau-frère – шурин, деверь; пагода, кирха, костел – Tempel (храм)*. Причины применения генерализации те же, что и конкретизации. Применение данного приема может быть вынужденным, то есть обусловленным языковыми различиями, или факультативным. В первом случае в языке перевода отсутствует слово с конкретным значением. Во втором случае переводчик предпочитает родовое понятие по стилистическим или контекстуальным соображениям.

Смысловое развитие (смысловая модуляция) – приём, при котором перевод слова, словосочетания, предложения осуществляется с опорой на контекст, а не на словарные соответствия. Смысловое развитие заключается в замене словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным со словарным соответствием. В этом случае отказ от «прямого» перевода может быть вынужденным или зависеть от выбора переводчика. Например:

He would cheer up some how, begin to laugh again before his eyes were dry. – Он снова приободрялся, начинал смеяться, хотя глаза его еще были полны слез («прямой перевод» – прежде чем у него высохли глаза (пример: Комиссаров, 1999, с. 169).

Добавление представляет собой расширение текста подлинника, связанное с необходимостью полноты передачи его содержания, а также различиями в грамматических системах двух языков. Наиболее распространенным условием добавления является наличие или выводимость (вследствие аналитических действий переводчика) подтекста, подразумеваемого компонента высказывания в исходном тексте, который по законам исходного языка может быть имплицирован, а в условиях языка перевода должен быть эксплицирован, выражен словесно. По своей сути добавление – это приём, обусловленный необходимостью компенсировать недостаток информации у адресата. Например:

le président de la République Nicolas Sarkozy – президент Французской республики Николя Саркози.

The movement is more than just «big-mouthing». – Движение в защиту окружающей среды включает гораздо более сложные действия, чем громкие протесты и заявления (пример: Комиссаров, 1999).

Добавление применяется также, если значения, передаваемые в исходном языке грамматически, в языке перевода выражаются лексически. Например: *La boussole aurait été connu en Chine près de 3000 ans avant notre ère.* – По-

видимому, компас был известен в Китае ещё за 3000 лет до н.э.

Опущение (компрессия) в тексте перевода – приём перевода обратный добавлению. Опущение обусловлено наличием избыточных, с точки зрения языка перевода, компонентов в исходном тексте. Например:

Сказал он наконец, почесав рукою за ухом. – Dit-il en se grattant derrière l'oreille (Гак В.Г., 1988, с. 64).

Например: *Es ist wichtig, wie dieses Wort verwendet und benutzt wird.* – *Важно, как это слово употребляется.*

Опущение может быть также обусловлено языковыми различиями и стилистическими соображениями. Так, например, нередко этот прием приходится использовать при переводе русских научных текстов, где термины-транслитерации дублируются русскими терминами или описанием, то есть присутствуют синонимические пары. Например: *В исключительных, экстремальных случаях для укрепления памятника требуется переборка. – Reassembly as a means to reinforce a monument is used as extremity.*

Любопытно, что в силу большей лаконичности, присущей английскому языку по сравнению с русским, при переводе с русского языка на английский допускаются значительные опущения, тогда как переводам с английского языка на русский присущи добавления.

А французской и немецкой письменной речи присуще употребление синонимических пар. Соответственно, для переводов с этих языков на русский характерно опущение.

Контекстуальные опущения могут быть связаны и с видом перевода. В устном последовательном и синхронном переводе они обусловлены компрессией текста и не затрагивают только инвариантные соответствия.

Компенсация – прием, применяющийся в тех случаях, когда определенные элементы исходного текста по той или иной причине не имеют эквивалентов в тексте перевода и не могут быть переданы его средствами; в этих случаях, чтобы

восполнить («компенсировать») семантическую потерю, вызванную тем, что та или иная единица исходного языка осталась непереуведенной или неполностью переуведенной (не во всем объеме своего значения), переводчик передает ту же самую информацию каким-либо другим средством, необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике (Бархударов, 2008, с. 219). В нижеприведенном примере нарушение языковой нормы в английском тексте, непередаваемое в переводе, компенсируется совсем иными нестандартными формами в русском языке. Например: *You could tell he was very ashamed of parents and all, because they said "he don't" and "she don't" and stuff like that.* – *Было видно, что он стесняется своих родителей, потому что они говорили «хочут» и «хочете» и все в таком роде* (пример: Комиссаров, 1999, с. 173). Как видим, невозможность передать в переводе то или иное языковое средство может быть связано с тем, что происходит «столкновение» разнородных средств стилия в исходном языке и языке перевода.

Антонимический перевод. Этот прием сопровождается заменой лексической единицы исходного языка на единицу языка перевода с противоположным значением либо словосочетаниями, выражающими противоположную мысль, например: *Nothing changed in my home town. Rien n'a changé dans ma ville natale.* – *Все осталось по-прежнему в моем родном городе.* Довольно часто при этом приёме утвердительная форма оригинала заменяется на отрицательную форму в переводе либо, наоборот, отрицательная – на утвердительную.

Антонимический перевод применяется тогда, когда сохранение формы исходного языка нежелательно или невозможно. Антонимический перевод позволяет переводчику создать более естественную грамматическую структуру на языке перевода в тех случаях, когда грамматическая форма приходит в противоречие с правилами лексической сочетаемости и лишает текст перевода выразительности.

Описательный («разъяснительный») перевод – приём, при котором значение лексической единицы исходного языка раскрывается при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления, то есть, по сути при помощи ее дефиниции на языке перевода (Бархударов, 2008, с. 240), например: *politique d'austérité* – политика жесткой экономики, *conservationist* – сторонник охраны окружающей среды, *bear* – спекулянт, играющий на понижение биржевых цен-нонстей. Используется, как правило, при отсутствии зафиксированного эквивалента в языке перевода для разъяснения значения реалии исходного языка и строится по принципу определения понятия.

5.4.3. Грамматические трансформации

Среди грамматических трансформаций наиболее частыми приёмами являются дословный перевод, членение предложений, объединение предложений, изменение порядка слов в предложении и грамматические замены.

Дословный перевод (нулевая трансформация) – это способ перевода, при котором синтаксическая структура исходного языка заменяется аналогичной структурой языка перевода, например:

Je l'ai vu hier. – Я его видел вчера.

He was in London two years ago. – Он был в Лондоне два года назад.

Приём достаточно прост, но заслуживает упоминания по двум причинам. Во-первых, следует подчеркнуть правомерность его употребления. У начинающих переводчиков иногда обнаруживается стремление изменить синтаксическую структуру даже там, где лучше было бы выбрать дословный перевод. Во-вторых, надо чётко отличать этот приём от буквализма, который тоже передаёт оригинал «слово в

слово», но при этом искажает его смысл, нарушает узус или нормы языка перевода.

Членение предложений заключается в том, что одно длинное или сложное предложение оригинала делится на два и более предложения в тексте перевода.

Этот прием может быть обусловлен как соображениями грамматическими (например, в случае различия в допустимости набора синтаксических оборотов), так и прагматическими и стилистическими (например, если предложение претерпевает целый ряд преобразований, приводящих к коммуникативно избыточному или стилистически неадекватному количеству придаточных или иных синтаксических оборотов). Например:

Mist covered a calm sea in the straits of Dover yesterday. – *Вчера в проливе Па-де-Кале стоял туман. Море было спокойно* (пример: Комиссаров, 1999, с. 170).

En novembre 2001, lors du 78e sommet franco-allemand qui avait pour principal thème la bioéthique, Paris et Berlin ont réussi à imposer l'idée d'une convention internationale élaborée au niveau des Nations Unies et visant à mettre hors la loi le clonage humain à des fins reproductives. – *В ноябре 2001 г. состоялась франко-германская встреча в верхах по вопросам биоэтики. Париж и Берлин выступили с инициативой создания на уровне ООН международной конвенции, запрещающей клонирование человека в репродуктивных целях.*

Объединение предложений применяется, как правило, в условиях синтаксических и стилистических различий. Двум и более простым предложениям оригинала соответствует одно сложное предложение в переводе. Применение этого приема может быть вынужденным следствием недооформленности одного из предложений. Например: *The marchers did not intend to go to Parliament. Nor to petition their MP's.* – *Участники демонстрации не собирались ни идти к парламенту, ни подавать петицию своим депутатам* (Комиссаров, 1999, с. 170).

Объединение предложений может быть обусловлено также стилистическими соображениями. Например, для научно-технических текстов на английском языке характерно преобладание простых предложений, что менее свойственно соответствующему русскому стилю, где широко используются сложные предложения. В связи с этим в англо-русских научно-технических переводах двум или более простым предложениям оригинала соответствует одно сложное предложение в переводе.

Объединение может осуществляться различными способами. Так, например, в русско-французских переводах это происходит:

а) при помощи сочинительного или подчинительного союза, например: *Франция – высокоразвитая индустриальная и аграрная страна. Она располагает значительными природными ресурсами.* – *La France est un pays industriel et agraire développé, qui est riche en ressources naturelles;*

б) превращением одного предложения в причастный/деепричастный или предложный оборот либо в распространённое определение.

Например: *Франция – высокоразвитая индустриальная и аграрная страна. Она располагает значительными природными ресурсами.* – *La France, pays industriel et agraire développé, est riche en ressources naturelles.*

La France est un pays industriel et agraire développé, riche en ressources naturelles (ayant d'importantes ressources naturelles).

Причиной изменения порядка слов в предложении при переводе могут быть расхождения в системах языков, несоответствия на уровне нормы или узуса, а также соображения чисто стилистического характера, связанные с общим структурированием текста перевода. Так, например, для английского и французского языка характерен линейный порядок слов. В русском языке порядок слов значительно более сво-

бодный. Это несовпадение на уровне нормы является причиной многих перестановок.

Изменение порядка следования членов предложения может затрагивать как целое предложение (самостоятельное, придаточное или главное), так и часть предложения в рамках отдельных словосочетаний. Примером может служить позиция определения, выраженного прилагательным, которое в разных языках может занимать препозицию или постпозицию по отношению к существительному.

Во многих случаях переход от оригинала к переводу осуществляется с помощью различных грамматических замен, что подразумевает отказ от использования в переводе аналогичных грамматических форм либо невозможность их использования. Замене может подвергаться грамматическая категория, часть речи, член предложения, порядок слов, предложение определённого типа. Так, например, при переводе с английского, немецкого, французского языков на русский и с русского языка на указанные языки расхождения морфологических категорий либо их отсутствие в одном из языков приводит к замене числа, рода, падежа у существительных, времён и наклонений у глаголов. Например, замена числа: *money, argent* (ед. ч.) – *деньги* (мн. ч.), *die Schere* (ед. ч.) – *ножницы*, *Kartoffeln* (мн. ч.) – *картофель*, *beans* (мн. ч.) – *фасоль*; замена падежа: *Ich verabschiede mich von ihm* (дат. п.) – *Я прощаюсь с ним* (творит. п.); замена прошедшим временем в русском языке *praesens historicum* немецкого языка.

Весьма распространённым видом грамматической замены является транспозиция (замена) части речи. Например, четыре основные части речи: существительное, глагол, прилагательное и наречие – могут при переводе с русского языка на французский заменяться без ущерба для смысла. Например:

la capitale française – *столица Франции*,
à l'unanimité – *единодушно*,

un chapeau de paille – соломенная шляпа,
ils continuent à travailler – они продолжают работу,
ils travaillent toujours – они продолжают работать.

Нередко расхождения в частях речи связаны с заменой слова словосочетанием, например: *marcher d'un pas sûr* – уверенно идти, или типа предложения: *Il pleut.* – Дождь. *On a sonné.* – Звонок.

Для англо-русских переводов наиболее характерны замены существительного глаголом и прилагательного существительным, например:

It is our hope that an agreement will be reached by Friday. – Мы надеемся, что соглашение будет достигнуто к пятнице.

Australian prosperity was followed by a slump. – За экономическим процветанием Австралии последовал кризис.

Особую группу грамматических замен представляют замены членов предложения, например:

L'accident a fait 20 victimes. – В результате аварии погибло 20 человек.

The crash killed 20 people. – В результате аварии погибло 20 человек.

Замены членов предложения происходят при перестройке синтаксической структуры предложения. Например, замена пассивного залога на активный при переводе с английского, французского или немецкого языков на русский влечет за собой смену субъектно-объектных отношений.

Во французско-русских переводах выделяют такие замены синтаксических функций членов предложения, как взаимозамена прямого и косвенного дополнения, например: *Rien n'a pu empêcher le progrès de la science* (косвенное дополнение). – Ничто не смогло помешать прогрессу науки (прямое дополнение). Характерны также взаимозамены главного и второстепенного зависимого члена предложения, например, взаимозамена дополнения и подлежащего: *Le soir on*

entendra le rapport de la commission. – Вечером будет заслушан доклад комиссии.

В рамках предложения могут наблюдаться следующие замены:

– замена сложного предложения простым, например: *Цель состоит в том, чтобы открыть инвалидам свободный доступ к культурному наследию.* – *Objectif: permettre aux handicapés d'accéder librement à des lieux culturels publics.*

– замена простого предложения сложным: *Ich sehe ihn vorbeigehen.* – *Я вижу, как он идет.*

– замена сложносочиненного предложения сложноподчиненным.

5.4.4. Стилистические трансформации

Под стилистическими трансформациями понимается использование в тексте перевода языковых единиц и средств, относящихся к другому функциональному стилю или имеющих другую экспрессивно-стилистическую, эмоционально-оценочную окраску по сравнению с соответствующими языковыми единицами и средствами исходного текста. Стилистические приемы перевода применяются в тех случаях, когда объектом перевода служат стилистически отмеченные единицы исходного текста. Как известно, некоторые из стилистических единиц вообще не могут быть переведены, другие требуют существенных преобразований, и лишь очень незначительная часть стилистически отмеченных элементов исходного текста получает при переводе стандартное соответствие.

К стилистическим трансформациям относят такие приемы, как стилистическая адаптация перевода, стилистическая компенсация, а также стилистическая нейтрализация и эмфатизация.

Стилистическая адаптация перевода – это обработка текста перевода в интересах литературных канонов или рече-

вых традиций, свойственных языку перевода и актуальных для его носителей. В информативном научном переводе примером адаптации может служить перевод метрических единиц исходного языка в метрические системы языка перевода (при наличии расхождений метрических систем в исходном языке и в языке перевода).

Стилистическая компенсация – это вид переводческой трансформации, заключающийся в передаче тех или иных стилистических компонентов не теми средствами, какими они выражены в оригинале. Наличие данного приема обусловлено тем, что в любом языке есть элементы, в том числе и стилистические, не поддающиеся отдельной передаче средствами другого языка, поэтому очевидна необходимость компенсировать эту потерю при переводе. Если переводчик вынужден жертвовать стилистической окраской, присущей исходному языку при переводе, то он должен найти в языке перевода соответствие, способное возместить, компенсировать эту потерю.

Стилистическая нейтрализация исходного значения единицы перевода, так же как и стилистическая эмфатизация, определяется, главным образом, такими социолингвистическими факторами, как расхождение в традициях эмоционально-оценочной информации. Стилистическая нейтрализация требует в переводящей культуре «приглушения» данного слова в данном контексте. А стилистическая эмфатизация – его выделения.

Так, при стилистической нейтрализации стилистически окрашенные лексические средства, в частности эмоционально-оценочный компонент значения, передаются общеупотребительными или нейтральными средствами. Например, в англо-русских научных переводах.

Если сравнивать английский и русский научные стили, то можно отметить большую строгость и меньшую экспрессивность русских научных текстов по сравнению с английскими и американскими. То, что допускают нормы функ-

ционального стиля одних языков, могут не допускать нормы других. В научном переводе часто приходится прибегать к «нейтрализации», «сглаживанию» стилистического приема автора, чтобы не внести стилистически чуждых элементов в русский текст. Это связано с тем, что в английских научных текстах часто встречается неожиданно ярко окрашенная лексика, что не характерно для русского языка. Механическое перенесение эмоционально окрашенных лексических единиц английского научного текста в русский будет противоречить требованиям, предъявляемым к русскому научному тексту. Соответственно, выбираются определенные средства, характерные для языка перевода. Так, в качестве замены стилистически окрашенных средств субъективно-авторской оценки выбираются стилистически нейтральные переводные эквиваленты. Например, наречие *extremely* (имеющее значение *крайне, чрезвычайно, в высшей степени*) передается более нейтральным эквивалентом *весьма*, прилагательное *exciting* (*захватывающий, увлекательный*) переводится *интересный* (Борисова, 2005).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание текста перевода, делового или научного, газетно-публицистического или художественного, всегда является творческим процессом лингвосоциокультурной коммуникации. Это требует от переводчика владения языками и знание культур, контактирующих в переводе, а также понимания того, что язык-речь этноса есть отражение концептуальной картины мира данного народа, особенностей его когнитивного и культурного развития, всего познанного и созданного за историю существования народа. Язык впитывает культуру народа и потому одна из главных задач перевода в процессе воссоздания оригинала в тексте перевода – донести до реципиента не только языковые, но и культурно-когнитивные и коммуникативно-функциональные особенности исходного текста на основе коммуникативной эквивалентности или адекватности перевода.

Условия функционирования перевода обуславливают существование различных видов перевода. Как социальное явление перевод в каждом конкретном случае имеет коммуникативно-функциональную направленность. Прагматика перевода задается параметрами коммуникативного акта. Коммуникативные цели заказчика порождают как создание текста перевода, так и различных видов адаптивного транскодирования, вариативность и своеобразие которых задается сферой общения и областью применения, например научной или производственной.

Являясь творческим процессом, перевод не допускает волюнтаризма. Современная теория перевода предоставляет переводчику стройную систему теоретических положений моделирования процесса перевода, нормы перевода, отбора

единиц перевода, создания текста перевода, использования переводческих правил и приемов.

Как всякая наука, теория перевода постоянно развивается, впитывая достижения науки и общества в целом. Как показывает проведенное исследование, наибольшую объяснительную силу сегодня имеет решение вопросов теории перевода в рамках культурно-когнитивной и коммуникативно-функциональных парадигм. Автор надеется, что материал, отраженный в монографии, служит тому доказательством.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. *Алимов В.В.* Перевод в сфере профессиональной коммуникации. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 160 с.
3. *Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Со-рокин Ю.А.* Текст как явление культуры. – Новоси-бирск, 1989. – 240 с.
4. *Атултанова В.Б.* Связность текста как переводче-ская проблема: дис. ... канд. фил. наук. – М.: МГЛУ, 2006. – 234 с.
5. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Постулаты ког-нитивной семантики // Когнитивные исследования в языко-ведении и зарубежной психологии: Хрестоматия. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. – С. 95–104.
6. *Барт Р.* Избр. Работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
7. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отноше-ния, 1975. – 239 с.
8. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
9. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 250–298.
10. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, фи-лософии и других гуманитарных науках // Эстетика словес-ного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 250–296.
11. *Белинский В.Г.* Теория художественного перевода: Проблема переводимости // Русские писатели о переводе

XVIII –XX вв. / под ред. Ю.Д. Левина, А.В. Федорова. – М.: Русский писатель, 1960. – С. 196–211.

12. *Борисова Л.И.* О лексических закономерностях научно-технического перевода // Теория и практика перевода. – М.: Тезаурус, 2005. – № 1. – С.15–21.

13. *Брандес М.П.* Стилль и перевод (на материале немецкого языка). – М.: Высш. шк., 1988.

14. *Брандес М.П., Привоторов В.И.* Предпереводческий анализ текста. – М.: НВИ-Тезаурус, 2001. – 224 с.

15. *Бреус Е.В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.: Изд-во УРАО, 2002.

16. *Бреус Е.В.* Теория и практика перевода с английского языка на русский. – М.: УРАО, 2001.

17. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983.

18. *Бурляй С.А.* Французский язык. Устный перевод. Переводческая запись. – М.: Р. Валент, 2005. – 160 с.

19. *Вайнрах У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – Москва, 1972. – 352 с.

20. *Валеева Н.Г.* Виды перевода – компонент модели подготовки переводчика в сфере профессиональной коммуникации // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». – 2004. – № 1. – С. 31–38.

21. *Валеева Н.Г.* К понятиям адекватности и эквивалентности в научном переводе // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2006. – № 3. – С. 17–21.

22. *Валеева Н.Г.* К вопросу о переводе как виду межкультурной коммуникации // Вестник РУДН. Серия «Филология». – 2003. – № 2. – С. 199–203.

23. *Валеева Н.Г.* Язык – отражение менталитета и культуры этноса // Вестник РУДН. Серия «Иностранные языки». – 2004. – № 1. – С. 39–42.

24. *Валеева Н.Г.* Программа дисциплины «Иностранный язык» для экологических ВУЗов и факультетов // Вест-

ник МГЛУ. Серия Лингводидактика. – Вып. 526. Программно-методическое обеспечение системы разноуровневой подготовки по иностранным языкам в вузах неязыковых специальностей. – М.: МГЛУ, 2006. – С. 211–226.

25. *Валеева Н.Г.* Функциональные основы нормативности перевода // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». – 2007. – № 4. – С. 102–106.

26. *Валеева Н.Г.* О некоторых особенностях подготовки специалистов-филологов к профессиональной переводческой деятельности // Вестник МГЛУ. Серия Лингводидактика. – Вып. 538. Учебно-методический комплекс в системе подготовки по иностранным языкам в неязыковых вузах: теория и практика разработки. – М.: МГЛУ, 2007. – С. 164–172.

27. *Валеева Н.Г.* Прагматическая доминанта в оценке качества перевода // Вестник МГЛУ. Серия Лингвистика. – Вып. 519. Ч. I. Профессиональное общение: когнитивно-функциональный аспект. – М.: МГЛУ, 2007. – С. 196–204.

28. *Валеева Н.Г.* Национально-культурный компонент когнитивной деятельности этноса и проблемы перевода // Вестник МГЛУ. Серия Языкознание. – Вып. 561. Коммуникация, дискурс, профессиональное общение: лингвокультурологический аспект. – М.: МГЛУ, 2008. – С. 54–68.

29. *Валеева Н.Г.* Билингвизм и интерференция при опосредованной коммуникации // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2008. – № 5. – С. 17–23.

30. *Валеева Н.Г.* Коммуникативно-функциональная прагматика переводческой деятельности в сфере профессионального общения // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». – 2008. – № 4. – С. 33–36.

31. *Валеева Н.Г.* Текст перевода как единица межкультурной коммуникации // Русский язык и культура в системе образования Монголии: Сб. материалов Недели русского языка и российского образования в Монголии / Под ред.

Т.М. Балыхиной, Т.В. Бронской / Проект «Проведение недели русского языка и российского образования в Монголии» Федеральной целевой программы «Русский язык» (2006–2010 гг.), 21–27 октября 2007. – Улан-Батор: Изд-во Монгольского государственного университета образования, 2007. – С. 86–89.

32. *Валеева Н.Г.* Эквивалентность и гетеровалентность в процессе опосредованной коммуникации // Сб. труд. по материалам Международной научно-практической конференции «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе». – Греция: Салоники – М.: МГУ, 2009. – С. 102–107.

33. *Валеева Н.Г.* Практикум по переводческому анализу и письменному переводу текстов научного стиля и публицистики. – М.: Изд-во РУДН, 2005.

34. *Валеева Н.Г.* Введение в переводоведение: Курс лекций. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 85 с.

35. *Ванников Ю.В.* Лингвистические основы теории перевода. – М.: Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1964. – 333 с.

36. *Ванников Ю.В.* Функционально-прагматическая классификация и типы адекватности текстов // Семантика языковых единиц и текста. – М., 1979.

37. *Ванников Ю.В.* Понятие адекватности текста и типы адекватности перевода // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. – М.: Институт языкознания, 1982.

38. *Ванников Ю.В.* Научно-технический перевод в информационной практике: типы, формы, функции // Теория и практика научно-технического перевода: ТДМК. – М., 1985.

39. *Ванников Ю.В.* Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – С. 34–37.

40. *Василевич А.П.* Цветонаименования и проблемы перевода текста // Текст и перевод, 1988. – С. 84–96.

41. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.

42. *Вендина Т.И.* Введение в языкознание. – М.: Высш. шк., 2003. – 288 с.

43. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании рус. яз. как иностранного: метод. руководство. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

44. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001. – 224 с.

45. *Виноградов В.С.* Перевод: Общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2006. – 240 с.

46. *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. – М.: Р.Валент, 2006. – 448 с.

47. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

48. *Гавриленко Н.Н.* История перевода: курс лекций. – М.: Изд-во РУДН, 2002.

49. *Гавриленко Н.Н., Гакова Е.В., Дмитриченко С.В., Климова В.А.* Спецкурс «Переводческий анализ текста»: методические рекомендации / Под ред. Н.Н. Гавриленко. – М.: Изд-во РУДН, 2004 (в соавт.) (методическое пособие) (англ., испанск., немецк., франц.).

50. *Гавриленко Н.Н.* Теоретические и методические основы подготовки переводчиков научно-технических текстов: монография. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 269 с.

51. *Гак В.Г.* Сравнительная лексикология. – М.: Высшая школа, 1977.

52. *Гак В.Г.* Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – С. 63–75.

53. *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 1989.

54. *Гак В.Г., Григорьев Б.Б.* Теория и практика перевода. Французский язык. – М.: Интердиалект, 1998.

55. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

56. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

57. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода // Избр. труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.

58. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. – М., 1985.

59. *Дмитрюк Н.В.* Формы существования и функционирования языкового сознания в негомогенной среде: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000.

60. *Долинин К.А.* Интерпретация текста: французский язык. – М.: КомКнига, 2005. – 304 с.

61. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984.

62. *Дридзе Т.М.* Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественная наука и современность. – 1996. – № 3. – С. 145–152.

63. *Дроздова Т.В.* Проблемы понимания научного дискурса: монография / Астрахан. гос. техн. ун-т. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003.

64. *Залевская А.А.* Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира. – М.: Наука, 2000. – С. 39–54.

65. *Залевская А.А.* Текст и его понимание. – Тверь, 2001.

66. *Зинченко В.П.* Проблема «образующих» сознания в деятельностной теории психики // Вестник МГУ. – Сер. 14. – Психология. – 1988. – № 3. – С. 25–34.

67. *Ившин В.Д.* О проблеме художественного перевода во времени // Теория и практика перевода. – 2005. – № 1. – М.: Тезаурус, 2005. – С. 3–6.

68. *Иовенко В.А.* Основы концепции детерминации в переводе: (на материале испанско-русских и русско-испанских переводов): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992.

69. *Иовенко В.А.* Теоретический курс перевода. Испанский язык. – М.: ЧеРо, 2005. – 132 с.

70. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. – М.: Логос, 2000.

71. История ментальностей, историческая антропология // Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996.

72. *Каде О.* Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 69–90.

73. *Казакова Т.А.* Практические основы перевода. English-Russian. – СПб.: Лениздат; Изд-во «Союз», 2003. – 320 с.

74. *Колишанский Г.В.* Коммуникативная лингвистика и перевод // Äquivalenz bei der Translation. – Leipzig: VEB, 1982.

75. *Каменская О.Л.* Текст и коммуникация. – М., 1990.

76. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 216 с.

77. *Климзо Б.Н.* Ремесло технического переводчика. – М., 2003.

78. *Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. – М., 1973.

79. *Комиссаров В.Н.* Перевод как объект лингвистического исследования // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 3–15.

80. *Комиссаров В.Н.* Смысловая стратификация текста как переводческая проблема // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – С. 6–17.

81. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 1999. – 192 с.

82. *Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. – М.: ЧеРо, 2000. – 136 с.

83. *Комиссаров В.Н.* Лингвистическое переводоведение в России. – М.: ЭТС, 2002. – 184 с.

84. *Комиссаров В.Н.* Проблема интерференции в теории перевода // *Interferenz in der Translation*. Herausgegeben von Heide Schmidt. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1989. – S. 103–108.

85. *Крюков А.Н.* Теория перевода. – М.: Изд-во Военного института, 1989.

86. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

87. *Кубрякова Е.С.* Интеграция лингвистических и нелингвистических знаний: интерференция и сферы ее действия в языке // *Английский лексикон и текст: Сб. науч. тр.* – М.: Изд-во МГЛУ, 1996. – Вып. 434. – С. 11–17.

88. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. – М.: Языки русской культуры, 2002.

89. *Куприн А.И.* Колесо времени: Избр. произведения. – М.: Правда, 1986. – 656 с.

90. *Кухаренко В.А.* Экспликация содержания текста в процессе перевода // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – С. 40–51.

91. *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988.

92. *Латышев Л.К.* Разноязычные тексты как объект отождествления в переводе // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – С. 17–24.

93. *Латышев Л.К.* Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – М.: Просвещение, 1988.
94. *Латышев Л.К.* Технология перевода. – М.: НВИ-Тезаурус, 2001. – 280 с.
95. *Латышев Л.К., Проворотов В.И.* Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. – Курск, 1999.
96. *Латышев Л.К., Семенов А.Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 192 с.
97. *Леонтьев А.Н.* Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С. 5–20.
98. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.
99. *Леонтьев А.А.* Психология общения. – М.: Смысл, 1997.
100. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
101. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия АН, Серия литературы и языка. – Т. 52 – № 1. – М., 1993. – С. 3–9.
102. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1994. – 399 с.
103. *Львовская З.Д.* Теоретические проблемы перевода. – М.: Высшая школа, 1985.
104. *Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода: пер. с исп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
105. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М.: ИТДКГ «Гнозис», 2003.
106. *Макарова Л.С.* Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода: дис. ... доктора фил. наук. – М.: МГЛУ, 2006.

107. *Марчук Ю.Н.* Лексика, перевод и компьютер // Теория и практика перевода. – № 1. – М.: Тезаурус, 2005. – С. 48–51.
108. *Мид М.* Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988.
109. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. – М., 1980.
110. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. – М.: «Московский лицей», 1999.
111. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Как стать переводчиком. – М.: Готика, 1999. – 176 с.
112. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Французский язык: курс устного перевода. – М.: Изд-во «Экзамен», 2003. – 160 с.
113. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Записи в последовательном переводе. – М.: ООО «Издательский дом» «Перспектив-АП», 2005. – 176 с.
114. *Мунэн Ж.* Перевод как языковой контакт // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 36–41.
115. *Найда Ю.А.* К науке переводить. Принципы ответственности // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 114–137.
116. *Найдыш В.В., Гурьев В.М., Петров В.Б., Стрельник О.С.* Основания цивилизации: философский анализ. – М.: Изд-во «Сигналь», 2001.
117. *Нойберт А.* Прагматические аспекты перевода // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 185–202.
118. *Павиленис Р.И.* Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 285 с.
119. *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. – Т. II. – СПб., 1873.

120. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.

121. *Поченцов О.Г.* Языковая ментальность: способы представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6.

122. *Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы: (этнопсихологические очерки). – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985.

123. *Райс К.* Классификация текстов и методы перевода // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 202–228.

124. *Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю.* Основы общего и машинного перевода. – М.: Высшая школа, 1964. – 243 с.

125. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. – М.: «Р. Валент», 2004. – 240 с.

126. *Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А.* Ассоциативные нормы испанского и русского языков. – М. – Мадрид: «Азбуковник», 2001. – 496 с.

127. *Селивестрова О.Н.* Язык и картина мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.Н. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1988. – С.

128. *Семенов А.Л.* Основы коммуникативной теории перевода в аспектах контрастивной текстологии (на лексическом уровне): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1997.

129. *Семенов А.Л.* Основные положения общей теории перевода. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 99 с.

130. *Серебренников Б.А.* Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.

131. *Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой;* в 4-х т. – Т. 1, 4.

132. *Сорокин Ю.А.* Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик // Текст

лекций «Введение в психолингвистику». – М., 1991. – Т. 2. – С. 30–56.

133. *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Текст и его национально-культурная специфика // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – С. 76–84.

134. *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Национально-культурные аспекты речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985.

135. *Сороковых Г.В.* Записи в последовательном переводе: (из опыта работы Р.К. Миньяра-Белоручева) // Теория и практика перевода. – № 1. – М.: Тезаурус, 2005. – С. 77–80.

136. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 368 с.

137. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1996. – С. 7–23.

138. *Тарасов Е.Ф., Тарасова М.Е.* Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян. – М., 1997.

139. *Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 24–33.

140. *Татаринов В.А.* Методология научного перевода: к основаниям теории конвертации. – М.: Московский лицей, 2007. – 386 с.

141. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

142. *Утробина А.А.* Основы теории перевода: конспект лекций. – М.: Приор-издат, 2006. – 144 с.

143. *Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 1998. – С. 135–170.

144. *Федоров А.В.* Русские писатели и проблемы перевода // Русские писатели о переводе XVIII–XX вв. / под ред. Ю.Д. Левина, А.В. Федорова. – М.: Русский писатель, 1960. – С. 6–27.

145. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: ООО Издательский дом «Филология три», 2002. – 416 с.

146. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.

147. *Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М.: Высшая школа, 1989. – 238 с.

148. *Хухуни Г.Т. Валуйцева И.И.* «Переводческая цензура» и ее проявления // Межкультурная коммуникация и перевод. Материалы V межвузовской научной конференции. Москва, 26 января 2006 г. – М.: МОСУ, 2006. – С. 33–38.

149. Человеческий фактор в языке / отв. ред. Е.С. Кубрякова – М., 1988.

150. *Чернов Г.В.* Лингвистические основы синхронного перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1980.

151. *Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. – М.: Высш. шк., 1987.

152. *Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 208 с.

153. *Черняховская Л.А.* Информационная структура текста как объект перевода // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988.

154. *Цвиллинг М.Я.* Поливариантность перевода как лингвистическая и методическая проблема // Научный и общественно-политический текст. – М.: Наука, 1991.

155. *Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.

156. *Швейцер А.Д.* Перевод: проблемы и перспективы // Известия АН СССР. – Серия литературы и языка. – 1984. –Т. 43 – № 6.

157. *Швейцер А.Д.* Предисловие // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – С. 3–5.
158. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
159. *Швейцер А.Д.* Эквивалентность и адекватность // Коммуникативный инвариант перевода в текстах различных жанров. Сб. науч. трудов. – Вып. 343. – М.: МГПИИЯ, 1989. – С. 52–58.
160. *Щерба Л.В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Татаринов В.А. Методология научного перевода. К основаниям теории конвертации. – М.: Московский лицей, 2007. – С. 367–378.
161. *Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод: деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. – М.: Воениздат, 1979.
162. *Ширяев А.Ф.* Перевод как объект комплексного научного изучения // Лингвистические проблемы перевода. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
163. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм за и против. – М., 1975.
164. *Berlin, Kay.* Basic color terms Their universality and evolution. – Berkeley, 1969.
165. *Bodrova-Gogenmos T.* La traductologie russe (théorie, pratique, enseignement) ses apports et ses limites. – Paris: Presses universitaires du Septentrion, 2000.
166. *Cary E.* La traduction dans le monde moderne – Genève: Université de Genève, 1956. – 196 p.
167. *Cordonnier J.-L.* Traduction et culture. – Paris: Les éditions Didier, 1995.
168. *Cormier M.C.* La notion de liberté dans l'apprentissage de la traduction // La liberté en traduction. Actes du Colloque International tenu à l' E.S.I.T. les 7, 8 et 9 juin 1990. – Paris: Didier, 1990. – P. 83–92.

169. *Delisle J.* L'analyse du discours comme méthode de la traduction. – Ottawa: Editions de l' Université d' Ottawa, 1980.

170. *Delisle J.* La traduction raisonnée. – Ottawa: Presses de l' Université d' Ottawa, 1993.

171. *Delisle J.* Les manuels de la traduction: essai de classification // TTR. – V (1)/ – 1992. – P. 17–47.

172. "Deutscher Wortschatz" / URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de>

173. *Durieux C.* Fondement didactique de la traduction technique. – Paris: Didier, 1988.

174. *Durieux C.* Traduction littéraire et traduction technique: même démarche // Revue des lettres et de la Traduction. – № 6. – Liban: Kaslik, 2000. – P. 11–25.

175. *Gile D.* L' évaluation de la qualité de l' interprétation en cours de formation // VETA. – XLVI, 2. – 2001. – P. 380–393.

176. *Goufdec D.* Traduction signalétique // META. – 35 (2). – 1990. – P. 332–341.

177. *Hakim G.A.I.* Traduction et spécialisation // Quelle formation pour le traducteur de l' an 2000 ? Actes du Collque International tenu à l' E.S.I.T. les 6, 7 et 8 juin 1996 / Réunis par Israël. – Paris: Didier, 1998. – P. 117–121.

178. *Herbert J.* Manuel de l' interprète. – Genève, 1952.

179. *Herskovits M.J.* Les bases de l'anthropologie culturelle, 1967.

180. *Interferenz in der Translation.* – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopadie, 1989. – 398 p.

181. *Israël F.* La plénitude du texte // Quelle formation pour le traducteur de l' an 2000 ? Actes du Collque International tenu à l' E.S.I.T. les 6, 7 et 8 juin 1996 / Réunis par Israël. – Paris: Didier, 1998. – P. 252–260.

182. *Jäger G.* Translation und Translationslinguistik. – Halle: Veb Max-Niemeyer, 1975.

183. *Kade O.* Zu einigen Grundpositionen bei der theoretischen Erkldrung der Sprachmittlung als menschlicher Tätig-

keit // Übersetzungen wissenschaftliche Beiträge. – № 1. – Leipzig, 1977.

184. *Ladmiral J.-R.* Traduire : théorèmes pour la traduction. – Paris : Gallimard, 1994.

185. *Larose R.* Théories contemporaines de la traduction. – Presses de l' Université de Québec, 1989.

186. *Larose R.* Méthodologie de l'évaluation des traductions // META. – XLIII, 2. – 1998. – P. 163-186.

187. *Matsumoto D.* Culture and psychology. Pacific Grove (Cal), 1996.

188. *Maillot J.* La traduction scientifique et technique. – Paris: Editions Eyrolles, 1981.

189. *Mounin G.* Les problèmes théoriques de la traduction. – Paris: Gallimard, 1963.

190. *Mounin G.* Les problèmes théoriques de la traduction. – Paris: Gallimard, 1976.

191. *Nord Ch.* Text Analysis in Translation. Methodology and Didactic Application of a Model for Translation Oriented Text Analysis. – Amsterdam; Atlanta, 1991.

192. *Reiss K., Vermeer Y.J.* Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. – Tübingen, 1984.

193. *Reiss K., Vermeer H.* Fundamentos para una teoria funcional de la traducción. – Madrid: Akal, 1996.

194. *Selescovitch D.* L' interprète dans les conférences internationales. – Paris: Lettres modernes, 1968.

195. *Selescovitch D.* Langages, langues et mémoires. – Paris: Lettres modernes, 1975.

196. *Selescovitch D., Lederer M.* Pédagogie raisonnée de l' interprétation. 2e édition corrigée et augmentée. – Paris: Didier Erudition, Office des publications officielles des Communautés européennes, 2002.

197. *Van Hoof H.* Théorie et pratique de l' interprétation. – Munich, Ed. M. Huber, 1962.

198. *Vienne J.* Vous avez dit compétence traductionnelle? // META. – XLIII, 2. – 1998. – P. 187–190.

199. *Wandruszka M.* Le traducteur et sa place dans la société. – Der Übersetzer und seine Stellung in der Öffentlichkeit. X Weltkongress del FIT. – Wien: Wilhelm Braumuller, 1985.

200. *Weinreich U.* Languages in Contact. Findings and Problems. – N.Y., 1953. – 78 p.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
	6
Часть I. От переводческой практики к теории перевода	
1.1. Социально-коммуникативная роль перевода	6
1.2. Становление теории перевода.....	9
1.3. Объект, предмет, задачи и методы теории перевода ...	13
	17
Часть II. Понятие «перевод»	
2.1. Многозначность понятия перевод	17
2.2. Перевод и адаптивное транскодирование	21
2.3. Перевод – опосредованная лингвосоциокультурная коммуникация.....	29
2.3.1. Языковая и концептуальная картины мира этноса – составляющие культуры	29
2.3.2. Проблема переводимости.....	46
2.4. Перевод – предельный случай билингвизма	54
2.4.1. Понятия «билингвизм» и «интерференция»	54
2.4.2. Явления билингвизма и интерференции в переводе	60
	69
Часть III. Виды и способы перевода	
3.1. Классификация видов перевода по субъекту переводческой деятельности	70
3.2. Классификация видов перевода по способу восприятия исходного текста и презентации текста перевода	71
3.2.1. Письменный перевод.....	71
3.2.2. Устный перевод	73
3.2.2.1. Последовательный перевод	74
3.2.2.2. Синхронный перевод	80

3.2.2.3. Двусторонний перевод	83
3.2.2.3. Смешанные виды перевода	83
3.3. Функционально-типологическая классификация видов перевода	85
3.3.1. Классификация видов перевода по функции текста	85
3.3.2. Прагматика информативных видов перевода	89
3.4. Способы перевода	95
	99
Часть IV. Нормативные требования перевода	
4.1. Норма перевода в различные исторические эпохи	99
4.2. Эквивалентность перевода	110
4.3. Адекватность перевода	129
	139
Часть V. Теоретический и дидактический аспекты порождения текста перевода	
5.1. Теоретическое моделирование процесса перевода	139
5.1.1. Понятие «модель перевода»	139
5.1.2. Ситуативная модель перевода	141
5.1.3. Трансформационная модель перевода	144
5.1.4. Семантическая модель перевода	147
5.1.5. Информационная модель перевода	151
5.1.6. Коммуникативные модели перевода	155
5.2. От оригинала к тексту перевода. Дидактический аспект	157
5.2.1. Понятие «текст»	157
5.2.2. Текст перевода – основная единица перевода	169
5.2.3. Этапы создания текста перевода	173
5.3. Единицы перевода. Критерии выделения	192
5.3.1. Понятие «единица перевода»	192
5.3.2. Единицы перевода в рамках текста	194
5.3.3. Переводческая сегментация текста	203
5.4. Переводческие трансформации – способ преодоления культурно-когнитивных различий	209
5.4.1. Понятие «переводческая трансформация»	209

5.4.2. Лексические трансформации.....	210
5.4.3. Грамматические трансформации	219
5.4.4. Стилистические трансформации.....	224
	226
Заключение	228
Библиография	

Научное издание

Наиля Гарифовна Валеева

**ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА:
КУЛЬТУРНО-КОГНИТИВНЫЙ
И КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
АСПЕКТЫ**

Издание подготовлено в авторской редакции

Дизайн обложки *М.В. Рогова, Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 03.12.2018 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 14,42. Тираж 500 экз. Заказ 2159.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ
